

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

Груздинская Виктория Сергеевна

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ В СССР: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
1940-Х – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.

Специальность 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы исторического
исследования (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель

Доктор исторических наук, профессор

Корзун Валентина Павловна

Омск – 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Историография в интеллектуальном пространстве СССР: 1920-е – начало 1940-х гг.....	41
1.1. Дореволюционная традиция историографического нарратива в советских реалиях 1920-х гг.....	41
1.2. Советский историографический нарратив 1920-х – начала 1940-х гг.	53
Глава 2. Историография как научная дисциплина во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: институциональный аспект	86
2.1. Комиссия по истории исторической науки: организация, замысел, начало функционирования.....	86
2.2. Деятельность комиссии по истории исторической науки в 1949 – 1958 гг.....	114
2.3. Научный совет по проблеме «История исторической науки»: «орган научной общественности».....	133
Глава 3. Историография как научная дисциплина во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: коммуникативный, предметный и коммеморативный аспект.....	157
3.1. «Историографические среды» как канал формирования научного сообщества историографов.....	157
3.2. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки как форма научной коммуникации.....	169
3.3. «Границы» дисциплины: обсуждение предмета историографии	187
3.4. Научная «реабилитация» М.Н. Покровского в коммеморациях и корпоративных практиках научного сообщества	209
Заключение.....	245
Список источников и литературы.....	252
Список сокращений.....	280
Приложение	281

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Спецификой современной историографической ситуации является возросший интерес к вопросам ремесла историка, его эпистемологическим основаниям. Междисциплинарная «перестройка» социально-гуманитарных наук в 1980 – 1990-х гг., по мнению Карлоса Агирре Рохаса, заставила историков «посмотреть на себя в зеркало», задуматься об институциональных, онтологических, аксиологических и др. аспектах своей дисциплины¹. И как следствие этого процесса – развитие «более четкого самосознания» ученого-историка. Рефлексия по поводу предшествующего опыта историописания сохраняет свою особую актуальность и в последующие десятилетия. Сегодня историческим сообществом признается факт наличия кризисных явлений внутри исторической науки, выход из которых связан с формированием нового исторического сознания, «способного адекватно осмыслить совершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентрическую перспективу», что в свою очередь приведет к «созданию новой исторической культуры и нового образа исторической науки»². Как отмечает П. Нора, «в эпоху потрясений устоев знаний каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра»³. В такие периоды происходит поиск идентичности ученой корпорации «через оживление собственной истории»⁴. «Жажда понять» превращает историка в историографа. Мы можем констатировать историографический «бум» в мировой исторической науке, что вызывает неоднозначную, порой противоречивую, оценку в профессиональном сообществе: от историографической эйфории до неприятия историографии.

¹ Рохас К. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 116.

² Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы и перспективы. М., 2012. С. 8.

³ Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память. СПб, 1999. С. 32.

⁴ Там же. С. 31.

По мнению ряда методологов, современная историческая наука вступила в новый этап своего развития, преимущественно историографический. В семействе исторических наук историография является двигательным механизмом, хотя мы отдаем себе отчет в том, что этот механизм способен быть и тормозом. В частности, Ю.П. Уваров подчеркивает: интроспективная функция, ориентирующая исследователя на анализ современного состояния исторической науки, слабо представлена, внимание же российских историографов опрокинуто, напротив, в прошлое, преимущественно их интересует то, что «когда-то писал некий выдающийся историк»⁵.

Происходит трансформация самого образа историографии как научной дисциплины. Понимание этого процесса провоцирует интерес к историографическому всплеску, который переживала советская историческая наука в конце 1950-х – середине 1980-х гг. (хотя симптомы этого «всплеска» очевидны уже во второй половине 1940-х гг.). В означенный период историографическая тематика обсуждалась на конференциях⁶, осмыслялась в пространстве специальных историографических сборников⁷ и учебной литературы⁸, становилась объектом диссертационных исследований. В годы «историографического бума» свет увидели собрания сочинений классиков отечественной историографии: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.Н. Покровского и др. Важен и социально-политический

⁵ Уваров А.Ю., Курилла И.И., Тихонов В.В., Дурновцев В.И., Соколов А.Б. Диалог о книге: «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» // Российская история. 2013. № 1. С. 3 – 32.

⁶ Межвузовская научная конференция по вопросам историографии (16 – 18 февраля 1960 г., Воронеж); Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов (31 января – 3 февраля 1973 г., Смоленск); Всесоюзная конференция «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания истории исторической науки» (14 – 16 сентября 1976 г., Калинин); Межвузовская конференция по вопросам изучения и преподавания историографии (29 – 30 мая 1979 г., Калининград), также конференции проводились в Томске (1974, 1979, 1982, 1985 г.), Петрозаводске (1983 г.) и др.

⁷ В 1962 г. в издательстве Саратовского университета был опубликован первый выпуск «Историографического сборника». В исследуемый период свет увидело 12 выпусков этого издания (1962, 1965, 1971, 1973, 1974, 1977, 1978, 1980, 1981, 1983, 1984 гг.). В Томском государственном университете в 1963 – 1984 гг. вышло 17 выпусков сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Институтом истории АН СССР с 1965 г. издавался историографический ежегодник «История и историки». В период с 1965 г. по 1987 г. было напечатано 15 выпусков за 1965 – 1983 гг. (выпуски за 1982 и 1983 гг. были объединены в один).

⁸ Об этом будет сказано в разделе введения, посвященном характеристике источниковой базы.

контекст развития советской исторической науки во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. Заданные хронологические рамки укладываются в три периода советской истории: «поздний сталинизм», «хрущевская оттепель» и «брежневский застой». Влияние власти на историческую науку оставалось существенным в эти годы, хотя и неодинаковым. Не стоит и его абсолютизировать. Научное сообщество, принимая «правила игры» политического истеблишмента, учитывая идеологическую конъюнктуру, испытывало воздействие и эндогенных факторов развития. Этот период выступает благодатной почвой для осмысления феномена дисциплинарности в динамике смены образов науки, востребованного корпорацией историков.

Степень изученности темы. В науковедческом ракурсе дисциплинарное оформление научной дисциплины наиболее отчетливо проявляется в формировании ее предметного поля, складывании исследовательского нарратива, институционализации научного сообщества, а также в закреплении научного знания в учебных планах и учебной литературе (в силу ограниченности объема диссертации последний сюжет не представлен в настоящей работе в качестве самостоятельного, он инкорпорирован в раздел, посвященный предметной области историографии). Данные вопросы являются магистральными в диссертационном исследовании, в соответствии с ними построен наш историографический обзор. Из огромного массива литературы о советской исторической науке выделим несколько проблемных блоков.

Первый блок составляют работы, посвященные феномену советской историографии. В середине 1990-х гг. Ю.Н. Афанасьев в рамках коллективного издания «Советская историография» предпринял первую попытку осмыслить советскую историографию именно как феномен⁹. Исследователь выделил несколько подходов в исследовательской литературе к пониманию и оценке советской историографической традиции. Согласно первой точке зрения, сложившейся во второй половине XX века и

⁹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7 – 41.

представленной работами М.В. Нечкиной, И.И. Минца, А.И. Данилова, советская историография на протяжении всей своей истории развивалась «по восходящей» линии, приобретая на каждом новом этапе более прогрессивные формы своего облачения. В то же время не лишено было это движение и виражей, коими стали, например, марксизм-ленинизм в «сталинском прочтении», партийное руководство исторической наукой с соответствующими ему перегибами/ограничениями, жесткая регламентация контактов советских историков с иностранными коллегами и др.¹⁰. В рамках второго подхода, отмечает Ю.Н. Афанасьев, подчеркивалась необходимость дифференцированного отношения к наследию советской исторической науки. В его основе лежало представление, что ситуация в разных областях исторического знания не всегда была одинаковой. Особенно этот контраст заметен при сравнении исследований в области дореволюционной отечественной истории, где советскими историками было сделано немало «прорывных» открытий, и изучения истории партии, на долгие годы скованной политико-идеологическими штампами «Краткого курса». Третий подход, названный Ю.Н. Афанасьевым, отличался от остальных более радикальной постановкой вопроса: соответствует ли советская историография в целом критериям научности¹¹.

Общим недостатком всех трех подходов автор называет «преобладание аксиологических характеристик советской историографической традиции над углубленным анализом существа проблемы»¹². Сам Ю.Н. Афанасьев отметил, что изучение феномена советской историографии требует обращения и к экзогенным, и к эндогенным факторам ее развития. Советская историческая наука, небезосновательно считал автор, существовала в двух измерениях: первое – место исторической науки в советском обществе, ее взаимоотношения с властью, второе – внутренняя жизнь ученого сообщества. Эти измерения по своей сути противоположны и конфликтны. «Если власть

¹⁰ Афанасьев Ю.Н. Указ. соч. С. 7 – 8.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 9.

не может не стремиться к стабильности сложившихся отношений,— отмечает автор, — то научная мысль — так же естественно — не может не рваться из любых рамок зависимости и жестокого упорядочения»¹³. Применительно к советской исторической науке, по мнению исследователя, доминирующей оказалась доминанта власти, поэтому он определяет советскую историографию как «научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»¹⁴.

Ю.Н. Афанасьев рассматривал советскую историографию в рамках концепции «репрессированной науки», предложенной группой исследователей во главе с М.Г. Ярошевским на излете советской эпохи¹⁵. Далеко не все исследователи середины 1990-х годов разделяли подобные взгляды. Оценки Ю.Н. Афанасьева были неоднозначно восприняты историческим сообществом. В частности, Н.В. Блинов отметил, что такой подход сужает феномен советской историографии, ограничивая его проблемой «положения исторической науки в тоталитарном государстве»¹⁶.

Работа Ю.Н. Афанасьева создала поле напряжения в сообществе историографов и спровоцировала расширение проблематики исследования советской исторической науки. И адептов, и противников/критиков концепции «репрессированной науки» тянуло к осмыслению драматических страниц в истории отечественной исторической науки второй половины 1940-х — середины 1980-х гг. Преимущественно интерес исследователей концентрировался вокруг сюжетов взаимодействия науки и власти. Подобный ракурс акцентировал внимание историографов на «болевых точках» истории советской исторической науки. К ним были отнесены «академическое дело»¹⁷, идеологические проработки историков в 1930-х и

¹³ Афанасьев Ю.Н. Указ. соч. С. 10

¹⁴ Там же. С. 37

¹⁵ См., например: Репрессированная наука: сб. статей. Л., 1991.

¹⁶ Блинов Н.В. Советская историография // Вопросы истории. 1998. № 2. С.157.

¹⁷ Кольцов А. В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53 – 66; Брачев В. С. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С.120 – 127; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы

1940-х гг.¹⁸, разгром сектора методологии истории Института истории АН СССР¹⁹ и др. Исследования, очерчивающие общий контур развития исторической науки в означенный период, неравномерно представлены в хронологическом срезе. Наибольшее внимание историков привлекли эпизоды истории советской историографии, связанные с идеологическими кампаниями «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – 1953 гг.).

Биографические траектории историков также стали предметом историографических изысканий конца XX – начала XXI вв., что вписывалось в антропологический поворот. В этом русле внимание ученых было обращено к жизнеописаниям советских историков²⁰, к проблеме их «изломанных» судеб, из историографов наиболее яркий пример – Н.Л.

следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова; СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1–2; Каганович Б. С. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124 – 144; Ананьич Б.В., Панях В.М. Следствие в Москве по «академическому делу» 1929 – 1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 93 – 112; Павленко Н. И. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. № 11. С. 26 – 30. и др.

¹⁸ Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы исторической науки // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 9 – 33; Герасименко Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 654 – 664; Литвин А.Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994; Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки. Саратов, 1995; Историческая наука в России в XX веке. М., 1997 и др.

¹⁹ Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9; Она же. История с методологией, или Конец истории // Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120 – 161. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/2188> (дата обращения: 25.04.2020); Курносоев А.А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960-1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363 – 389; Данилова Л.В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966 – 1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44 – 80; 2008. № 1. С. 61 – 95; 2008. № 2. С. 44 – 83 и др.

²⁰ В этой связи отметим многотомное издание «Портреты историков. Время и судьбы» (М., Т.1 «Отечественная история», 2000; Т. 2 «Всеобщая история», 2000, Т.3 «Древний мир и Средние века», 2004; Т.4 «Новая и новейшая история», 2004; Т.5 «Средние века, Новая и Новейшая история», 2010), а также работы: Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995; Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999; Историк и время. 20 -50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000; «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография. М., 2011; Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012; Мезин С.А. Историк и его книги (памяти Леонарда Адамовича Дербова) // Историографический сборник. Вып. 17. Саратов, 1998. С. 15 – 31; В.А. Дунаевский Ученый, педагог, солдат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000; Киреева Р.А. М. А. Алпатов и «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1955-1985. Т. I-V) // История и историки: Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 326 – 332; Ковалев М.В. «С большой признательностью вспоминаю о встречах с Вами...»: Письма Г.Д. Бурдея академику Л.В. Черепнину (1972–1975) // Историографический сборник. Саратов, 2010. Вып. 24. С. 161 – 166; Ярославцев Я.А. Милица Нечкина: литературно-психологический очерк. М., 2010; Сидорова Л.А. Советская историческая наука в лицах: академик М.В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С.158 – 169; Черная Е. Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки: дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014; Калимонов И.К. Б.Г. Могильницкий как историк отечественной и зарубежной исторической мысли // Сlio Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. 2009. № 7. С. 43 – 60; Николаева И.Ю. Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 5 – 14; Кирсанова Е.С. Вклад Б.Г. Могильницкого в развитие томской историографической школы (к 90-летию Б.Г. Могильницкого) // Вестник Томского университета. История. 2020. № 64. С. 122 – 126 и др.

Рубинштейн²¹. Другой стороной этого процесса явилось обращение историографов к изучению научного сообщества и его повседневных практик, к стратегиям поведения ученых как внутри корпорации²², так и при взаимодействии с властью²³. Таким образом, научное сообщество начинает исследоваться как действующий субъект, его поведение и реакции могли корректировать или не корректировать властные установки.

Отметим также в качестве новации генерационный подход, который ориентировал ученых на анализ профессиональной деятельности историков разных поколений с акцентом на проблеме сохранения/ разрыва исследовательской традиции коммуникативного поля²⁴.

В рамках этого массива исследований начала кристаллизоваться и тема специфики советского исторического и историографического нарратива²⁵. В последнее время среди историографов обозначился интерес к

²¹ Пугачев В.В., Динес В.А. Николай Леонидович Рубинштейн // Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки, Саратов, 1995. С. 157–173; Муравьев В.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228 – 233; Медушевская О.М. Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 234 – 235; Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 202 – 227; Цамутали А.Н. Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии. М., 2001. С.697 – 704; Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке. С. 186-207; Дубровский А.М. Историк и власть. С. 538-554; Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. VII-СXXXIV; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х-середина 1950-х гг. М., 2011. С. 323-37; Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: монография. Н. Новгород, 2011 и др.

²² Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис.... канд. ист. наук. Омск, 2006; Кныш Н.В. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис... канд. ист. наук. Омск, 2009 и др.

²³ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005; Он же. Власть и историческая мысль в СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2017; Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86 – 112; Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011; Тихонов В.В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука: середина 1940-х гг. – 1953 г. М.; СПб., 2016.

²⁴ Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуальные черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 208 – 222; Она же. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М., 2008; Она же. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129-138; Она же. Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-2. С. 288-297 и др.

²⁵ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учебное пособие. Омск, 2001. С.226 – 234; Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии 1920-х годов: дис... д-ра ист. наук. М., 1998; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX

проблеме «центра/мейнстрима» и «периферии» в советской исторической науке. Этот подход наиболее последовательно развивает С.Б. Крих. Под «периферийной историографией» исследователь предлагает понимать «труды, которые, соответствуя общим параметрам научности (вклад в развитие знаний о прошлом), не воспринимаются самой историографической традицией как образцовые, а в отдельных характеристиках противостоят "мейнстримной историографии"»²⁶. Исследователь выделяет внутренние (теоретический, тематический, стилистический) и внешние (географический, публикационный, корпоративный) параметры периферийности, однако отнести историка к «периферийным» можно лишь при сочетании трех и более факторов. С.Б. Крих позитивно оценивает факт существования «периферийной историографии», поскольку, по его мнению, она «делала пространство советской историографии не полностью унифицированным», став таким образом своего рода «резервом» для советской науки²⁷. Предложенную модель С.Б. Крих применил к изучению сообщества советских историков-древников²⁸.

Итак, постижение феномена советской историографии остается актуальной и востребованной в ученом сообществе проблемой. Применительно к данному диссертационному исследованию эти оценки феномена советской историографии значимы не только в качестве контекста осмысления дисциплинарного становления историографии, но и в качестве отражения меняющихся задач/функций дисциплины.

В специальный блок выделены работы, посвященные дисциплинарному развитию историографии в интересующий нас период.

века: синтез трех поколений. М., 2008; Крих С.Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 214 – 222; Он же. Унификация историографического нарратива как исследовательская проблема // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 124 – 138; Свак Д. Опыт микроисториографии. М., 2019 и др.

²⁶ Крих С.Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 165.

²⁷ Там же. С. 168.

²⁸ См. об этом: Крих С.Б. Стратегия периферии: научное творчество М. Е. Сергеенко в контексте развития советской историографии древности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 186-196; Он же. Н. М. Никольский и рождение периферийной советской историографии древности // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 4. С. 17-22; Он же. «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020 и др.

Впервые к этим сюжетам исследователи обратились в 1960-е гг. в ходе подготовки последних томов «Очерков истории исторической науки в СССР». Так появился целый пласт «автоисториографических» исследований. В поле зрения этих авторов оказался современный им историографический процесс²⁹. К примеру, монография В.Е. Иллерицкого «Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917 – 1960-е гг.)» была подготовлена в 1980 г., а опубликована посмертно в 2006 г. В ней предпринята попытка изучения историографии отечественной истории как самостоятельной дисциплины (или, как сам автор назвал, «историографии второго уровня») в советский период в 1917–1960-е гг.³⁰. Историк считает 1960-е годы «высшей точкой развития советской историографии», а главной особенностью этого периода – бурное развитие дисциплины. Видимо, личное участие историка в «историографическом ренессансе» повлияло на складывание подобной оценки. Исследователь выделил две составляющие этого процесса: он указал основные институты и их деятельность (комиссия по истории исторической науки, научный совет) и проанализировал основные историографические труды. Отмечая при этом, что «интерес к историографии в 60-х годах иногда принимал нездоровые формы своеобразного "историографического бума" или "историографической моды" – это была, конечно, болезнь роста молодой научной дисциплины, обретавшей свою самостоятельность»³¹.

В настоящей диссертации многочисленные исследования советских авторов выступают источниками. В историографическом же обзоре остановимся на работах современных авторов. Работы по дисциплинарной истории историографии представлены несколькими группами. Первую

²⁹ Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. В 2 т. М., 1962 – 1963; Городецкий Е. Н. В. И. Ленин - основоположник советской исторической науки. М., 1970; История исторической науки в СССР, советский период, октябрь 1917–1967 гг.: библиография. М., 1980; Дунаевский В.А. Научный совет по проблеме «История исторической науки» и некоторые вопросы преподавания историографии на современном этапе // Изучение и преподавание историографии в высшей школе: межвузовский тематический сборник. Калининград, 1981. С. 7 – 18; Очерки истории исторической науки. Т. V. М., 1985.

³⁰ Иллерицкий В.Е. Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917 – 1960-е гг.). М., 2006.

³¹ Там же. С. 132.

группу составляют исследования, посвященные институциональному оформлению историографии. Речь идет преимущественно о комиссии по истории исторической науки и научном совете по проблеме «История исторической науки».

В контексте идеологических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. деятельность комиссии по истории исторической науки была изучена В.В. Тихоновым³². На наш взгляд, автор справедливо отметил, что «расцвет историографических исследований в 1960 – 1980-е гг. <...> корнями уходит в неоднозначную эпоху первого послевоенного десятилетия»³³. Исследователь приходит к выводу, что историографические сюжеты, ставшие едва ли не главной мишенью для критики в ходе идеологических проработок «позднего сталинизма», «способствовали институциональному становлению ключевого центра изучения истории исторической науки – Комиссии по истории исторической науки и дальнейшему ее развитию»³⁴. Поскольку, считает В.В. Тихонов, именно критика работ Н.Л. Рубинштейна и В.О. Вайнштейна послужила стимулом написания фундаментальной, академической истории исторической науки в СССР – «Очерков истории исторической науки в СССР». Не со всеми выводами можно согласиться, учитывая, что интерес к историографической тематике среди историков явственно обозначился в 1946 г., то есть до начала идеологических кампаний, и был связан, как нам кажется, в первую очередь, с возросшим после Победы авторитетом науки в обществе.

Интересующие нас сюжеты освещены в разделе Н.В. Иллерицкой в коллективном издании «Советская историография»³⁵. Автором была предпринята попытка анализа советской историографической традиции в

³²Тихонов В.В. Комиссия по истории исторической науки Академии наук СССР и развитие историографических исследований в середине 1940-х – начале 1950-х годов // Исторические записки. 2016. № 16. С. 327 – 344; Он же. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука: середина 1940-х гг. – 1953 г. СПб.; М., 2016. С. 329 – 343.

³³ Тихонов В.В. Идеологические кампании...С. 343.

³⁴ Там же.

³⁵ Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 162 – 190.

целом, поэтому в равной степени она обращалась и к исследовательской деятельности отдельных советских историков, и к истории изучения отдельных проблем отечественной истории. Дисциплинарный аспект представлен краткой констатацией факта появления историографической институции: «В 1958 году по инициативе В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной создается научный совет по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР <...>. На него была возложена координация историографических исследований по всей стране»³⁶. В понимании феномена советской историографии исследовательница придерживается подхода Ю.Н. Афанасьева. По ее мнению, причины обращения к историографической проблематике во второй половине XX века лежат в области «политического». Интерес к историографии у советских ученых, с точки зрения автора, был связан с необходимостью «ответа» на «вызов власти», проявившийся в критике «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна в 1948 – 1950 гг.

Схожее понимание процессов дисциплинарного развития историографии демонстрирует Г.Д. Алексеева. По ее мнению, «история как наука всегда остается одной из самых консервативных областей деятельности ученых, где почти постоянно господствуют инерция, инвариантность, устойчивость сложившейся традиции»³⁷. Следом историк называет «приобретения» исторической науки в каждый период советской истории. Причем, критерий выделения периодов связан с исключительно политическими событиями («20-е годы», «30-е годы», «хрущевское время», «брежневский период»). Для «хрущевского» периода Г.Д. Алексеева отметила следующее: «непоследовательность в попытках демократизации науки, ограничения в критике ошибок и преодолении недостатков прошлых лет», сочетание «грандиозных научных замыслов» с «непродуманностью возможностей и целесообразности их реализации» (на примере многотомных

³⁶ Там же. С. 180 – 181.

³⁷ Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60 – 80-е гг. XX века). М. 2003. С. 13.

коллективных изданий), а также утверждение «особого типа партийного руководства наукой с участием малограмотных, малообразованных лидеров партии и государства»³⁸. Несмотря на активное участие самого автора³⁹ в научной жизни 1960-х гг., в указанной работе историографические факты просто перечислены, лично не окрашены, утверждения/новые оценочные суждения не подтверждаются ни фактическим материалом, ни анализом.

В работах Л.А. Сидоровой сюжеты, связанные с деятельностью историографических институций, специально не выделены из общей картины развития советской исторической науки второй половины 1950-х – 1960- гг. Для настоящего диссертационного сочинения важным является данное исследовательницей определение этого периода – «санкционированная свобода», что было естественным результатом «либерализации сверху», и как бы парадоксально не звучало, «авторитарности мышления, присущего общественному сознанию тех лет», проявлявшегося, например, в «принципе апелляции» в высшие партийные инстанции с целью заручиться поддержкой для отстаивания исторических истин⁴⁰. Проявилась эта свобода в «открытии» архивов для историков и, как следствие, в росте публикации источников. Однако, считает Л.А. Сидорова, границы дозволенного в научной деятельности по-прежнему устанавливались сверху, что выразилось, в частности, в противостоянии между «Вопросами истории» и партийными органами науки. Исследовательница детально представила судьбу журнала как важнейшую коммуникативную площадку, отразившую историографические практики сообщества.

Автором выделены общие черты многочисленных дискуссий данного периода, в том числе и знаковой для нас дискуссии о периодизации советской исторической науки: «поиск истины» в марксистско-ленинской

³⁸ Там же. С. 14–15.

³⁹ В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Г.Д. Алексеева была аспиранткой М.В. Нечкиной, под руководством которой в 1961 году она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Развитие исторической науки в 1917 -1923 гг. (На материалах истории СССР)». Впоследствии входила в состав Научного совета по проблеме «История исторической науки».

⁴⁰ Сидорова Л.А. Феномен "санкционированной свободы": "Вопросы истории" академика А. М. Панкратовой // Очерки истории исторической науки XX века: Монография. Омск, 2005. С. 561.

методологии; «допущение некоторой плюраличности в постановке и решении исторических проблем»⁴¹.

В 2000-х гг. в изменившихся социально-политических и внутринаучных условиях наблюдается интерес к дисциплинарному становлению историографии в качестве самостоятельной научной проблемы. Именно в этот период К.П. Ярковой была защищена диссертация, непосредственно касающаяся проблемы институционального строительства историографии. В данном сочинении на примере научного совета по проблеме «История исторической науки» показана дисциплинарная история историографии в 1960-е – 1980-е гг.⁴². Исследовательница довольно подробно характеризует интеллектуальный и социально-политический контекст эпохи. Ею было выделено два направления деятельности совета: координационно-организационный и научно-издательский. Первое направление предполагало организацию и проведение «историографических сред» и научных конференций, второе – издание «Очерков истории исторической науки» и сборника «История и историки». Также К.П. Яркова предприняла попытку оценить роль руководителей совета в его деятельности – М.В. Нечкиной и В.А. Дунаевского. Автор делает вывод о большом значении деятельности научного совета в складывании научных контактов между историографами. К.П. Яркова обращается к анализу основных коммуникативных площадок – «историографических сред» и конференций. Для нас это важный момент, по существу этот ракурс можно обозначить, как первый шаг в постановке проблемы складывания научного сообщества историографов. Хотя в описании этих сюжетов наличествуют как повторы, так и фрагментарность.

Причиной этого, считаем, стала нехватка источников. Исследование К.П. Ярковой основано преимущественно на опубликованных материалах деятельности научного совета. Автор оговаривает во введении, что ей

⁴¹ Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50–60-х гг. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 406.

⁴² Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения Истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги: дис... канд. ист. наук. Иваново, 2009.

известно о существовании архива научного совета в Отделе рукописных фондов Института российской истории РАН. Получить же документы в книгохранилище Института исследовательнице не удалось. Заведующая Отделом Е.И. Малето сообщила исследовательнице, что документы утрачены, вероятно, предположительно по причине затопления книгохранилища⁴³. Несколько лет назад материалы фонда «всплыли»: в Научном архиве ИРИ РАН (так теперь называется Отдел рукописных фондов) и нам удалось обнаружить несколько десятков папок под грифом «Научный совет по проблеме «История исторической науки»». Обнаруженные архивные материалы позволили по-новому взглянуть не только на деятельность научного совета, но и на развитие историографии как научной дисциплины.

Немногочисленную группу составляют исследования, посвященные представлениям о предметной области историографии во второй половине 1940 – середине 1980-х гг., то есть речь идет об историографии второй степени. Но прежде отметим знаковую монографию Р.А. Киреевой «Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.» (М., 1983), в которой четко поставлена проблема дисциплинарного оформления историографии. И хотя работа посвящена дореволюционной историографической мысли, она значима в плане импульса в развитии новой проблематики и точки отсчета дисциплинаризации историографии⁴⁴. В современной литературе предметная область историографии сохраняет свою актуальность. При всем внимании к данному сюжету он представлен без привязки к конкретному историографическому этапу⁴⁵.

⁴³ Яркова К.П. Указ. соч. С. 9.

⁴⁴ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

⁴⁵ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: уч. пособие. М., 2008; Репина Л.П. "Историографическая революция" и теоретические поиски на рубеже веков // ЭНОЖ «История». 2013. № 2. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1> (дата обращения: 06.09.2020); Алеврас Н. Н. Предмет историографии: версии современной науки // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI -XX вв. Екатеринбург, 2010. № 7. С. 173-190; Она же. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой

Применительно к интересующему нас периоду, обратимся к работе Т.Н. Поповой. Автор рассматривает предметную область историографии как проявление ее дисциплинарного статуса. На основе этого тезиса в дисциплинарной истории историографии исследовательница выделила три периода – три «реперные точки». В первый период (вторая половина XIX в.) произошло становление историографии как учебной дисциплины, формирование проблемного поля, выделение из источниковедения и библиографии. Второй период (рубеж XIX – XX вв.) отмечен содержательным наполнением понятия «историография» «в контексте истории науки, истории идей, истории культуры»⁴⁶. Третий период (1960 – 1980-е гг.) характеризуется вариациями определения предметной области историографии: а) «специальная историческая дисциплина с более-менее широким проблемным полем»; б) «специальная область исторической науки»; в) «составная часть общественной мысли»⁴⁷. При этом исследование Т.Н. Поповой носит исключительно теоретический характер – выделенные «реперные точки» не «наполнены» конкретными фактами. Но проблема обозначена достаточно четко, и в этом ценность данной работы.

Представления о предмете историографии, бытовавшие в советской исторической науке, были рассмотрены В.П. Корзун. В 1960 – 1970-е гг., считает автор, сложилось два подхода в определении предметной области: 1) «историография = история исторической мысли» (Б.Г. Могильницкий) и 2) «историография = история исторической науки» (А.М. Сахаров). Эти позиции, подчеркивает исследовательница, не оставались неизменными к 1980-м годам⁴⁸. Так, сторонники первой точки зрения обратились к

парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. Вып. 11. С. 100 – 121; Попова Т.Н. Пути и перепутья в историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. Вып. 11. С. 122 – 157; Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб., 2018. С. 560 – 564.

⁴⁶ Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С. 282.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Корзун В.П. Современные представления о предмете историографии // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: уч. пос. Омск, 2012. С. 24 – 26.

проблемам исторического сознания, трансляции исторического знания и т.д. В рамках второго подхода произошло смещение интересов к институциональным аспектам развития исторической науки. В этой работе были намечены узловые пункты оформления и трансформации предметного поля историографии в 1960 – 1980-е гг.

Более подробно с фактологической точки зрения данный сюжет представлен в работе Е.Н. Соломахи⁴⁹. Исследовательница рассмотрела обсуждение таких важных методологических вопросов, как определение предмета историографии, историографического факта и историографического источника, классификация историографических источников. На материале дискуссий, методологических статей и монографий советских историков 1950 – 1980-х гг. автор пришла к выводу, что в обозначенный период советская историческая наука, вопреки расхожему мнению, не находилась в состоянии застоя, напротив, «внутренняя работа и рост самой науки, переосмысление тех или иных теоретических положений шли постоянно»⁵⁰.

Подводя итог сказанному, отметим, что дисциплинарное становление и развитие историографии осмысливается в двух аспектах – институциональном и предметно-содержательном. Институциональный аспект представлен фрагментарно. Как правило, в работах деятельность историографических институций оказывается на втором плане и выступает скорее иллюстрацией контекста развития исторической науки (исключение составляют указанные выше работы К.П. Ярковой и В.В. Тихонова). При этом интеллектуальный и социально-политический климат советской исторической науки освещен довольно подробно в современной литературе. Однако и здесь наблюдается неравномерность: наиболее изученным предстает период второй половины 1940-х – 1960-х гг. По существу в исследованиях отсутствует характеристика коммуникативной составляющей

⁴⁹ Соломаха Е.Н. Постановка теоретико-методологических вопросов историографического исследования в 50 –90-е гг. XX в. // Клио. 2014. № 7. С. 12–17.

⁵⁰ Там же.

развития дисциплины. Предметно-содержательный аспект, в свою очередь, осмысливается как важнейшая черта дисциплинарного статуса историографии. При этом исследования ни хронологически, ни контекстуально не привязаны к институциональному развитию историографической дисциплины.

Из поля анализа процесса дисциплинаризации историографии, выпал коммеморативный аспект как важный показатель оформления научного сообщества историографов. И это удивительно на фоне общего увеличения публикаций по исторической памяти и возросшем числе конференций, посвященным новым и старым классикам отечественной исторической науки⁵¹.

Историографический обзор дает нам основания следующим образом обозначить фокус предлагаемого исследования, определив его объектную и предметную области, цель и задачи.

Объект исследования: советская историческая наука.

Предмет исследования: оформление историографии как научной дисциплины в СССР в институциональном, предметном, коммуникативном и коммеморативном аспектах.

Цель исследования: реконструкция процесса дисциплинарного оформления историографии в СССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.

Для реализации поставленной цели обозначены следующие **задачи:**

1. Определить особенности становления историографии как научной дисциплины в советской интеллектуальной традиции в 1920-х – начале 1940-х гг.;

⁵¹ См., например: Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. № 9. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/> (дата обращения: 06.09.2020); Леонтьева О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского/советского общества: современные подходы к изучению // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе. М., 2017. С. 123 – 144; Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М., 2020. С. 5 – 36.

2. Выявить факторы, оказавшие влияние на развитие историографических исследований во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.;

3. Выявить этапы и специфику деятельности институций, задававших параметры развития историографии;

4. Охарактеризовать формы научных коммуникаций внутри сообщества и определить их специфику и значение для развития дисциплины в целом;

5. Выявить формы формирования корпоративной памяти ученого сообщества историографов на примере научной «реабилитации» М.Н. Покровского.

В диссертационном сочинении акцент делается на анализе академических институций, поскольку Академия наук СССР занимала самый высокий статус в централизованно и иерархично организованной системе советской науки, в том числе и исторической, а значит, на определенном этапе задавала вектор развития научных дисциплин. В центре нашего внимания такие структуры Академии наук, как комиссия по истории исторической науки и научный совет по проблеме «История исторической науки». Не рассматриваются в диссертации подразделения АН СССР, в которых также осуществлялось изучение историографических сюжетов (например, Институт славяноведения⁵², Институт истории материальной культуры⁵³, Институт США и Канады, Институт востоковедения, и др.). В данных учреждениях не было создано структур, занимавшихся консолидацией историографов. Более того, сотрудники названных институтов входили в состав анализируемых в диссертации историографических институций.

Хронологические рамки работы охватывают период со второй половины 1940-х до середины 1980-х гг. В 1946 г. при Отделении истории и

⁵² С 1968 г. стал называться Институтом славяноведения и балканистики.

⁵³ С 1959 г. переименован в Институт археологии АН СССР

философии АН СССР была создана комиссия по истории исторической науки. Она стала первой институцией, которая объединила историков, интересовавшихся историографической проблематикой. В годы «оттепели» был создан научный совет по проблеме «История исторической науки», просуществовавший до 1985 г. Деятельность указанных историографических структур была направлена на формирование сообщества историографов, организацию коммуникативных площадок, координацию изучения историографических сюжетов в стране. Для лучшего понимания изучаемого процесса представляется необходимым сделать хронологическое отступление в более ранний период, в 1920-е –1930-е гг. Именно в этот период произошло складывание советского историографического нарратива, структура которого и его ценностная заданность оказались достаточно устойчивыми на протяжении всего изучаемого нами периода.

В основе **теоретико-методологического подхода** – интеграция нескольких востребованных современных направлений.

Изучение институционального аспекта дисциплинарной истории историографии актуализирует обращение к наработкам в сфере институционального подхода, под которым понимается «система познавательных принципов, ориентирующих историков на интерпретацию исторической действительности в русле институциональных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания»⁵⁴. На сегодняшний день всю совокупность институциональных теорий принято делить на две группы: 1) традиционный институционализм и 2) неинституционализм.

В рамках традиционного институционального подхода под «социальным институтом» понимаются организации и структуры, выполняющие социально значимые функции, а также обеспечивающие их функционирование социальные нормы. При этом сторонники данной модели

⁵⁴ Лубский А.В. Институциональный подход // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 133.

общественное развитие представляли как прогрессивное и однолинейное движение. Подобный ракурс оказался наиболее востребованным в исторических исследованиях, посвященных деятельности политических структур (государство, партии, парламент и т.д.) и функционированию социальных норм (правовых, религиозных, моральных и т.д.).

Сторонники неoinституционализма существенно расширили понятия «социальный институт»: к традиционным организациям и нормам были добавлены также модели поведения, социальные практики; когнитивные образы и представления и др. Д. Норт, один из родоначальников неoinституционального подхода, отмечал: институты/институции выступают «правилами игры», которые организуют взаимоотношения между людьми, создавая «структуру побудительных мотивов человеческих взаимоотношений», «набор альтернатив» и «формы ограничений»⁵⁵. То есть институты обладают когнитивностью, формируя поле, в котором происходит производство/трансляция/рецепция научного знания. С другой стороны, для неoinституционального подхода, по мнению Р. Тоштендаля, характерно «признание того, что ранжир социальных предназначений играет особую роль для членов общества»⁵⁶. Таким образом на авансцену научного исследования выводится субъект, испытывающий принуждение/привязку к социальной роли, транслируемое через исторически сложившиеся институции или организации. В данной работе наработки неoinституционализма применимы в изучении функционирования историографических институций, в нашем случае, – комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки».

Обойтись без уяснения внутреннего механизма функционирования науки в данном исследовании не представляется возможным. В связи с этим мы обращаемся к социологическим работам французского социолога П.

⁵⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17 – 18 .

⁵⁶ Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Историческая наука сегодня: Теория, методы и перспективы. М., 2012. С. 343.

Бурдьё. По его мнению, при анализе «культурного производства» (в том числе и науки) недостаточно довольствоваться «установлением прямой зависимости между текстом и контекстом», поэтому он вводит понятие «поле»⁵⁷. Так, «поле науки является социальным миром, и будучи таковым, оно осуществляет принуждения, предъявляет требования <...>, которые, однако, оказываются относительно автономными по отношению к принуждениям всего социального мира в целом»⁵⁸.

То есть внутри научного сообщества действуют определенные «свои», правила поведения, социальные ожидания, которые и определяют функционирование науки в социальной среде. В конце 1950-х гг. началось формирование научного сообщества историографов как поля науки, которое включало в себя конкретные площадки локализации историографически ориентированных историков, создание профессиональных коллабораций, выработку основных правил и механизмов борьбы за сохранение или изменение соотношения сил. Последний тезис призван объяснить возникающие конфликты внутри историографического сообщества в исследуемый период.

В последнее время на тематику историографических исследований оказывает влияние антропологический подход, который проявился не только в усилении внимания к биографиям ученых, но также к условиям и факторам, способствующим творчеству исследователей и их коммуникации, в том числе и в изучении так называемого «историографического быта». По мнению ученых, «это внутренний мир, «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, которые являются важными структурирующими элементами сообществ ученых»»⁵⁹. Данное понятие,

⁵⁷ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 2001. С. 50.

⁵⁸ Там же. С. 52.

⁵⁹ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. С. 20.

впервые предложенное Ю.Л. Троицким⁶⁰, позволяет обратиться к сюжетам научной повседневности, а также определить роль ученого в развитии науки. К настоящему исследованию эти методологические наработки могут быть применены при изучении деятельности историков-организаторов науки.

В диссертации мы опирались также и на результаты теоретических исканий представителей «интеллектуальной истории». Сторонники этого подхода рассматривают движение идей в тесной связи с социокультурным контекстом эпохи. Одним из аспектов изучения трансляции идей является интеллектуальная коммуникация. По мнению Л.П. Репиной, коммуникация, осуществляемая посредством «переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров», выполняет не только функцию передачи информации, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»⁶¹. Данные взгляды применимы и к дисциплинарной истории науки.

Наука имеет коммуникативную природу: она соткана из множества живых диалогических нитей как со своими современниками, так и предшественниками⁶². Однако в практической деятельности исследователь сталкивается с трудностью, как соединить разные концы коммуникационных «нитей», которые не просто переплетены друг с другом, но зачастую запутаны в сложный интеллектуальный «клубок».

В рамках исследовательского направления социологии философии Р. Коллинза предложена модель сетевого анализа взаимодействий ученых. Любое интеллектуальное сообщество изолировано и в определенной степени замкнуто – в него входят одни и те же люди. Р. Коллинз выделяет главные виды деятельности сообщества, из которых возникает «сакральный объект

⁶⁰ См. об этом: Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII – XX вв.) Материалы второй всероссийской научной конференции. Т. II. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 164 – 165.

⁶¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 375 – 376.

⁶² Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12–59

«истина»». К ним относятся «дискуссии, лекция, аргументация, иногда демонстрация или проверка данных», а также создание научного нарратива⁶³. Источники личного происхождения позволяют начертить сетевую схему, «распространяющуюся в нескольких направлениях: "вертикально" во времени – от одного поколения к другому, "горизонтально" – среди современников»⁶⁴. Данная схема работает лишь при изучении интеллектуальных взаимодействий, очерченных в рамках конкретных дисциплин. В настоящей диссертации эти наработки социологии философии применимы в исследовании взаимодействия историков на коммуникативных площадках, организуемых историографическими институтами.

Типология научных коммуникаций, сложившаяся в науковедческих исследованиях, применительно к истории отечественной исторической науки была осмыслена в ряде исследовательских работ⁶⁵. В связи с поставленными в диссертационной работе задачами – рассмотрения процесса коммуницирования как фактора, сплачивающего научное сообщество, – считаем целесообразным представить варианты выявленных в литературе типологий: 1. По направленности: внутринаучные и внешние (с обществом, властью); 2. По акторам: личностные, групповые, институциональные; 3. По способу трансляции: устные, письменные, печатные; 4. По механизму трансляции дисциплинарных нормативов: диссертация, дискуссия, рецензия и др.; 5. По иерархии: горизонтальные и вертикальные; 6. По критерию форм организации научного текста: внутри-, вне- и интертекстуальные; 7. По культурному взаимодействию: внутри- и межкультурные; 8. По степени интенсивности: постоянные, ограниченные, эпизодические. При этом важно учитывать, что обозначенные типологии варьируются «в ракурсах от

⁶³ Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 72 – 73.

⁶⁴ Матвеев С.Р. Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 146.

⁶⁵ Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI вв.: сб. статей*. Челябинск, 2011. С.290 – 302; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 37. С. 24-44.

решаемых задач исследования»⁶⁶. В нашем случае коммуникации целесообразно представить на нескольких уровнях: внутринаучном и внешнем, с учетом механизмов трансляции и закрепления дисциплинарных норм, а также степени интенсивности связей между членами профессионального сообщества. Плотность коммуникативного поля позволяет представить степень сплоченности научного сообщества историографов.

Изучение локальных коммуникативных практик (таких как «историографические среды», дискуссии на страницах исторических изданий) осуществлялось с помощью метода «*case study*». Данный методологический инструментарий, ориентированный на анализ конкретного случая/события, позволяет не только выявить его уникальные свойства, но и сравнить с общими трендами, а значит, «приблизиться к пониманию «универсального» как отражения внутренней сущности явления, приобретающей черты закономерного»⁶⁷.

Что касается методов исследования, то наряду с общенаучными методами: анализом и синтезом, индукцией и дедукцией – применялись и специально научные. Историко-генетический метод направлен на анализ развития и изменения изучаемого явления. Применительно к данному исследованию указанный метод позволяет установить динамику образования новых социальных институций и их трансформаций. Историко-сравнительный метод дает возможность выявить особенности личных стратегий участников дискуссии по проблеме периодизации истории советской исторической науки, а также динамику конструирования историографических нарративов.

Источниковая база исследования. В исследовании историографической направленности прежде всего необходимо определиться с понятием «историографический источник». Историографы обратились к

⁶⁶ Корзун В.П. Коммуникативное поле... С. 293.

⁶⁷ Мазур Л.Н. Кейс-стади // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 212.

этому термину в 1960 – 1970-е гг.⁶⁸ На сегодняшний день существует несколько определений и классификаций «историографического источника». Назовем наиболее распространенные из них.

А.И. Зевелёв и Л.Н. Пушкарёв дают схожее определение данной дефиниции. Так, Л.Н. Пушкарёв предлагал под «историографическим источником» понимать «любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки»⁶⁹. Что касается классификации историографических источников, то, по его мнению, применима схема, выработанная советским источниковедением. Но в конкретном историографическом исследовании, считает Л.Н. Пушкарёв, классификация определяется целями, которые ставит автор. А.И. Зевелёв предложил более лаконичное определение понятия, которое будет использовано нами в качестве рабочего: историографический источник – «это те, исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования»⁷⁰.

Иной ракурс понимания «историографического источника» предложила О.М. Медушевская. В рамках феноменологической концепции произошел поворот – в центре внимания оказалась проблема понимания «чужой одушевленности» (Другого)⁷¹. Потому акцент сместился в сторону изучения целеполагания автора историографического нарратива.

Современные исследователи С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева продолжили развивать феноменологическую концепцию и предложили в соответствии с ней свое определение и классификацию «историографического источника». «Историографический источник» они

⁶⁸ История понятия «историографический источник» в советской исторической науке представлена в ряде современных исследований. См., например: Источниковедение: уч. пос. М., 2019. С. 520 – 524; Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 98 – 114.

⁶⁹ Пушкарёв Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С.102 – 103.

⁷⁰ Зевелёв А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 120.

⁷¹ Источниковедение: уч. пос. М., 2019. С. 523.

определяют как «группу видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного»⁷². Авторы выделили две группы и виды источников по целеполаганию. По их мнению, существует две группы историографических источников: 1) группа видов историографических источников научной истории и 2) группа видов историографических источников социально ориентированного историописания⁷³. Наш интерес вызывает первая группа. Исследователи выделили внутри этой группы следующие виды: 1) монография; 2) научное исследование; 3) диссертация и автореферат; 4) научная статья; 5) рецензия и отзыв; 6) доклады и тезисы конференций; 7) материалы историографических дискуссий; 8) исторический очерк; 9) учебная литература; 10) публикация исторических источников⁷⁴. Иными словами, эта группа источников представляет то, что ранее называлось исследовательскими жанрами. Поскольку в настоящей диссертации речь идет о дисциплинарной истории историографии, то свести источниковую базу исключительно к трудам историков не представляется возможным. В таком случае деятельность историографических институций оказывается не представленной.

В настоящей работе использовались следующие группы письменных источников: делопроизводственная документация, научные труды историков, эго-источники, учебная литература, хроника.

Деятельность изучаемых историографических институций зафиксирована в *делопроизводственной документации*. Данная группа источников включает в себя деловую переписку и стенограммы заседаний, отчеты и планы работ, анкеты и личные дела комиссии по истории исторической науки, группы/сектора по истории исторической науки, научного совета по проблеме «История исторической науки» и др. Основной массив материала хранится в Научном архиве Института российской истории

⁷² Там же. С. 511.

⁷³ Источниковедение... С. 525.

⁷⁴ Там же. С. 529 – 544.

РАН. Нами была проведена работа по научной обработке и систематизации разрозненных документов, относящихся к деятельности данной структуры (Ф.1. Оп.10а). В результате было сформировано 78 ед. хр., датируемых 1959–1980 гг. и включающих разного рода документацию совета (стенограммы заседаний, анкеты, составы совета, переписка с организациями, документы по организации научных конференций и подготовке сборников статей и пр.).

В настоящей работе использовались планы и отчеты деятельности историографических институций. Материалы, датируемые 1946–1967 гг., сохранились в Научном архиве ИРИ РАН. В личном фонде председателя научного совета, М.В. Нечкиной, удалось обнаружить черновики планов, отчетов о деятельности совета за 1977 – 1979 гг. (АРАН. Ф. 1820).

Для диссертационного исследования ценной находкой являются стенограммы организуемых советом заседаний-«историографических сред». Эти заседания стали уникальной коммуникативной площадкой для историков, интересующихся историографической проблематикой. На сегодняшний день выявлено девять стенограмм «историографических сред», хронологически охватывающих период первой половины 1960-х гг. Из приведенных в исследовательской литературе и источниках данных известно⁷⁵, что заседаний прошло значительно больше. Однако не все материалы дошли до наших дней.

Сохранившиеся источники представляют собой запись самого заседания без стенографирования доклада. Это, бесспорно, создает для исследователей определенную трудность: событие воссоздается без начальной точки – проблемного доклада. В таком случае историографу довольно трудно оценить справедливость тех или иных оценок/реакций на доклад. Возникавший на «средах» диалог «собирается» по крупицам, значит, не может считаться исчерпывающим. Для восполнения подобных пробелов мы обращались к статьям, в основу которых был положен текст доклада. Но и здесь возникают сложности. С одной стороны, не все доклады были

⁷⁵ Яркова К.П. Указ. соч. С. 60 – 70.

опубликованы, к тому же практически невозможно выявить правки /переработки текста на момент публикации. Другая сложность работы со стенограммой как источником связана, во-первых, с качеством записи заседания. Нередки были случаи, когда стенографистка неправильно фиксировала имена собственные, не успевала за речью докладчика, отмечая в таких случаях пропуски многоточиями. Во-вторых, стенографическая запись, как справедливо заметил А.М. Дубровский, естественно, не фиксировала, о чем молчали участники собрания⁷⁶. Особенно этот нюанс актуален для материалов конца 1940-х гг., когда градус идеологической борьбы в исторической науке был высоким.

Использовались в диссертации и стенограммы лекций А.Л. Сидорова, прочитанных в МГУ в 1939 и 1940 г. (НИОР РГБ. Ф.632), и заседаний комиссии по истории исторической науки конца 1940-х – начала 1950-х гг. (АРАН. Ф. 457), запись защиты докторской диссертации О.Д. Соколова в АОН в 1970 г. (РГАСПИ. Ф. 606).

Для освещения деятельности научного совета нами были привлечены анкеты. В архивной коллекции Научного архива ИРИ РАН сохранилось два вида этого источника. Первый, так называемая «анкета историографа», предназначался для заполнения историку, принимавшему участие в историографических конференциях или «средах». В общей сложности нам удалось обнаружить 435 экземпляров, заполненных в 1963 – 1985 гг. Анкеты представляют собой специфический источник для исследования научно-педагогического сообщества историографов. Содержащаяся в ней информация отличается многоуровневостью и тем интересна для нас. С одной стороны, в них зафиксированы ответы респондентов, характеризующие их как акторов на историографическом поле, а с другой, - отражены представления о целеполагании составителей анкеты. Последние

⁷⁶ Дубровский А.М. Стенограмма: основные итоги работы с источником // Актуальные проблемы источниковедения материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 2017. С. 38.

просили указать фамилии аспирантов и студентов-дипломников, дальнейшие планы респондента в историографической работе.

Анкеты второго вида были разосланы в 1960 – 1961 гг. в научные и образовательные (университеты и педагогические институты) организации СССР с целью сбора информации о проводимых в них исследованиях в области историографии, читаемых курсах и т.д. В общей сложности анкеты были направлены в 148 учреждений, из них только 57 ответили на этот запрос. Наименее представленными оказались педагогические институты: из 102 организаций ответ предоставили 18. Причина, полагаем, связана с незаинтересованностью этих институций в деятельности совета и историографических исследований в целом. В педагогических институтах историография становится обязательным предметом в 1970-е г., в отличие от классических университетов, где историографические курсы стали обязательной частью подготовки историков уже в 1955 г.

Анкетные материалы в настоящем исследовании использовались и как свидетельство координационной деятельности научного совета, и как источник, позволяющий очертить контуры формирующегося историографического сообщества. В то же время следует учитывать, как собирались данные. Этот процесс зависел от множества факторов, например, от личности и занятости опрашиваемого, его положения в сообществе ученых и отношения к разработчику анкеты и др. В связи с этим необходимо анкетные материалы дополнять другими видами источников.

Среди них особое место занимают *научные труды*. В диссертационном исследовании использовались разные формы бытования этой группы источников: монографии, статьи, тезисы докладов, рецензии и т.д. В данном разделе представим эту группу источников не в соответствии с жанровой принадлежностью, а в проблемно-сюжетном срезе. Ввиду значительного объема этой группы источников (нами используется 102 текста), отсылку к ним мы не разместили в подстрочнике данного раздела диссертации. Они представлены в списке используемых источников (См.: С. 253 – 261).

Особенности развития историографии в 1920– первой половине 1940-х гг. изучались на материалах научных работ отечественных историков. С одной стороны, привлекались историографические труды представителей «старой школы», опубликованные в первой половине 1920-х гг. в журналах «Дела и дни», «Русский исторический журнал», «Анналы». Также использовались неопубликованные работы. В частности, речь идет о черновых вариантах исследований С.Ф. Платонова, посвященных Н.М. Карамзину и датированных 1922 г.⁷⁷ и 1926 г.⁷⁸.

Зарождающаяся традиция советского историографического исследования была рассмотрена на основе научных трудов историков-марксистов. В первую очередь наше внимание привлекли работы М.Н. Покровского, М.В. Нечкиной, С.А. Пионтковского, Н.Л. Рубинштейна, В.О. Вайнштейна и др. Результаты изысканий этих исследователей публиковались на страницах марксистски ориентированных исторических журналов («Борьба классов», «Историк-марксист», «Красная новь», «Печать и революция» и др.), а также выходили отдельными изданиями (например, «Борьба классов и русская историческая литература. М., 1923» М.Н. Покровского или «Русская историография. М., 1941» Н.Л. Рубинштейна).

В особую подгруппу выделены материалы историографических дискуссий. В диссертации рассматривается две такие дискуссии. Первая касалась периодизации истории советской исторической науки. В общей сложности этому обсуждению было посвящено тринадцать научных статей, напечатанных в «Истории СССР» в 1960 – 1962 гг. Полемика же вокруг определения предмета историографии растянулась на несколько десятилетий и отразилась в статьях М.В. Нечкиной, А.М. Сахарова, Б.Г. Могильницкого и др. Научная статья как вид историографического источника характеризуется сжатостью форм изложения результатов исследования, стиль которого, в свою очередь, зависит от цели, места, времени публикации и

⁷⁷ Платонов С.Ф. «Н.М. Карамзин» 1922 г. // РГАЛИ. Ф. 406. Оп.1. Д. 3.

⁷⁸ Платонов С.Ф. Карамзин // АРАН. Ф. 1759. Оп. 5.Д. 63.

индивидуальности автора. В связи с этим дискуссионные статьи направлены на утверждение своей позиции через оппонирование чужой позиции, что таит в себе опасность – увлечься спором и уйти от цели. Данный источник позволяет выявить установленные научным сообществом правила, по которым развивалась дискуссия, а также бытовавшие среди исследователей представления об историографии.

В конце 1950-х – 1960-е гг. происходила научная «реабилитация» М.Н. Покровского. В эти годы было подготовлено немало работ, посвященных «отцу-основателю» советской исторической науки. Среди них доклады на «историографических средах», научные статьи в «Вопросах истории», «Коммунисте», «Исторических записках», а также неопубликованная монография С.М. Дубровского (НИОР РГБ. Ф. 797). Этот корпус источников позволяет увидеть не только разные подходы к научной «реабилитации» М.Н. Покровского, противостояние в сообществе по этому вопросу, но и выявить скрытую информацию о процессе классикализации в рамках дисциплины.

Также в диссертационном исследовании использовались *документы личного происхождения* – дневники, воспоминания, переписка советских историков.

В первую очередь отметим документы личного происхождения М.В. Нечкиной, в которых зафиксирована деятельность возглавляемых ею историографических структур. «Деловые»⁷⁹ дневники историка сначала были напечатаны в журнале «Вопросы истории» в 2004–2006 гг., а затем вышли отдельным изданием⁸⁰. В настоящем исследовании использовался не весь массив дневниковых записей, а только тот, который охватывал период конца 1950-х – 1985 гг. В указанный период дневники представляют собой не привычные ежедневные записи, а лапидарное фиксирование результатов

⁷⁹ С 1919 г. до 1984 г. М.В. Нечкина вела так называемые «деловые дневники».

⁸⁰ См.: «И мучилась, и работала невероятно...»: дневники М.В. Нечкиной. М., 2013.

профессиональной деятельности⁸¹. Поэтому дневники проливают свет на те или иные события научной жизни, реакцию автора записей на них. Деловой характер записей определил эмоциональную сдержанность автора, все же иногда встречаются и экспрессивные реакции. Помимо дневников в диссертации использовалась переписка М.В. Нечкиной с коллегами по ученому цеху, партийными и научными организациями. Хронологически источники охватывают период 1920-х–1980-х гг.⁸²

Обращение к эго-источникам советских историков имеет принципиальное значение и для понимания социально-культурного и интеллектуального контекста. С этой целью в диссертации использовались воспоминания Е.В. Гутновой, А.М. Некрича, Ю.А. Полякова, А.Я. Гуревича, А.Л. Сидорова, Л.А. Дербова, дневниковые записи С.С. Дмитриева, М.Н. Тихомирова и других представителей ученой корпорации⁸³.

В этих источниках исследователь обнаруживает не только новые историографические факты, не зафиксированные ни в научных трудах, ни в делопроизводственных материалах, но и субъективные оценки, реакции и эмоции на происходившие в науке события.

Особую группу источников составили учебники и учебные пособия. В 1950 – 1980-е гг. появилось немало учебной литературы по историографии⁸⁴.

⁸¹ Курпатова Е.Р. «Дневники академика М.В. Нечкиной» как исторический источник // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 136.

⁸² «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: документальная монография. М., 2011

⁸³ Тихомиров М.Н. Дневниковые записи за 1947 – 1948 // АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 2; Сидоров А.Л. Воспоминания о Покровском // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 85. Ед. хр. 9; Некрич А.М. Отрешись от страха. Лондон, 1979; Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Поляков Ю.А. Минувшее: Фрагменты: Воспоминания историка. М., 2011; Гуревич А.Я. История историка. М.; СПб., 2012; Троицкий Н.А. Книга о любви. Саратов, 2006; Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3 – 6; 2000. № 1 – 6; 2001. № 1;

⁸⁴ Перечислим некоторые из них по историографии истории СССР: Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. М., 1957; Русская историография: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. В 3 т. М., 1959 – 1960; Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков. Т.1. 1959; Т.2. 1962; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1961; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: курс лекций. Л., 1962; Он же. Историография с древнейших времен до 1917 г.: уч. пос. Л., 1982; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: уч. пос. М., 1978; Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1960-х годов): уч. пос. М., 1982; Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / Под ред. И.И. Минца. М., 1982. По историографии всеобщей истории отметим следующие работы: Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. - середина XIX в.: лекции / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963; Историография новой и новейшей

Это было связано с тем, что в исследуемый период историографические курсы становятся обязательными в учебной программе подготовки историков⁸⁵. В учебниках зафиксированы представления ученой корпорации о предметной области историографии, ее методах и подходах. Специфика данного источника связана с «целевой аудиторией» – ориентация на начинающего историка-студента. На страницах учебных изданий содержались ответы на вопросы, что есть историография и что значит быть историком, что представляет собой «творческая лаборатория» выдающихся предшественников и кого, собственно, следует отнести к выдающимся предшественникам – классикам. Иными словами, учебники по историографии являлись важнейшим каналом профессионализации историка, формируя не только образ исторической науки, но и транслируя внутрикорпоративные нормы исторического сообщества. В диссертации использование данной группы источников было связано с изучением дискуссии о предмете историографии и презентации/консервации «готового» знания в учебных изданиях. Пожалуй, главная трудность здесь состоит в разрыве между теоретическими исканиями историографов в рамках монографий, статей, докладах на научных форумах и отражением их в учебной литературе.

Материалы хроники научной жизни, представленной как на страницах периодических изданий («Вестник Академии наук», «Известия Академии наук. Серия истории и философии»), так и в отдельных сборниках («Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г. Т.1. М., 1948», «50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни, 1917 – 1967. М., 1971»), в диссертации использовались для проверки достоверности и уточнения деталей конкретного историографического факта.

истории стран Европы и Америки: уч. пос. / Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1968; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974 и др.

⁸⁵ В 1955/1956 учебном году курс историография истории СССР стала читаться во всех классических университетах, в 1972/1973 учебном году – в педагогических институтах. В 1973/1974 гг. в разряд обязательных дисциплин была отнесена и историография новой и новейшей истории.

Использование в диссертации источников других видов носит эпизодический характер. Например, обращение к материалам XX и XXII съездов КПСС необходимо было для понимания социально-политического климата, интенций власти по отношению к исторической науке.

Представленная источниковая база позволяет решить поставленные диссертантом цель и задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые была представлена дисциплинарная история историографии в СССР во второй половине XX века как сложный, многокомпонентный процесс. Было исследовано становление и развитие историографии как самостоятельной научной дисциплины, включающей деятельность организационных исследовательских структур, формирование сообщества историков-историографов, появление его коммуникативных площадок и «мест памяти», оформление предметной области дисциплины и складывание/трансляцию/рецепцию нарративной матрицы исследований. При этом дисциплинарная история историографии не является автономным исследовательским полем: она теснейшим образом переплетена с историей отечественной исторической науки, вписана в широкий социально-культурный и политико-идеологический контекст развития науки и общества, ее главными действующими лицами выступают историки со своими симпатиями и антипатиями, надеждами и разочарованиями, успехами и неудачами.

Кроме того, в научный оборот были введены новые источники, освещающие деятельность как историографических институций (комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки»), так и отдельных персон.

Теоретическая значимость работы. Полученные результаты исследования дают основания для разработки проблемы меняющихся функций историографии как научной дисциплины и, соответственно, ее образа под воздействием научных парадигм в широком смысле этого слова,

специфических общественно-политических условий развития исторической науки, сложившихся унифицированных практик исследований и роли личности в манифестировании и закреплении новаций или традиций. Речь идет о теоретической проблеме – переформатирования научных дисциплин в условиях нарастающей полидисциплинарности.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования новых источников, положений и выводов исследования в учебных курсах по историографии, науковедению, а также применения их для разработки учебных пособий и обобщающих трудов по истории советской исторической науки второй половины XX вв.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на кафедре отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также представлены на региональных, всероссийских и международных научных конференциях: "Молодежь Третьего тысячелетия" (Омск, 2015), "Молодежь Третьего тысячелетия" (Омск, 2016), "VII Арсентьевские чтения «Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)»" (Чебоксары, 2017), "Мавродинские чтения" (Санкт-Петербург, 2018), "Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (К 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)" (Томск, 2019). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 10 публикациях, пять из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Важнейшей специфической характеристикой функционирования системы советской исторической науки являлось существование в качестве отдельного элемента этой системы историографии как особой академической дисциплины. В рамках этой системы историография, выполняя свои специализированные функции, обладала достаточно высокой степенью

дисциплинарной автономии с наличием таких атрибутов, как специализированные научно-исследовательские подразделения и отдельный статус в номенклатуре специальностей. В рамках достаточно длительного процесса институционального оформления историографии как особой академической дисциплины можно выделить несколько этапов: 1920 – 1940-е и 1950 – 1980-е гг., каждый из которых обладает своими особенностями.

2. Период 1920-х – начала 1940-х гг. в рамках дисциплинарной истории советской историографии следует рассматривать как период складывания предпосылок дальнейшего развития. Институционализация историографических исследований в эти годы носила эпизодический и прерывистый характер. Но при этом в основных чертах был сформирован советский историографический нарратив, просуществовавший с незначительными изменениями до конца 1980-х г. и отразивший представления сообщества советских историков о научных и общественных функциях историографии (коммеморативная, интроспективная, рефлексивная, политико-идеологическая).

3. Переломным рубежом в институциональном оформлении историографии в качестве отдельной научной дисциплины было создание в Советском Союзе в послевоенные годы специализированных академических историографических институций (комиссии по истории исторической науки, научного совета по проблеме «История исторической науки»). Именно они стали во многом определять вектор развития историографических исследований. На возникновение и деятельность этих структур оказывали влияние различные факторы политико-идеологического и социально-культурного плана, корпоративные ценности и внутринаучные конфликты, специфика взаимодействия власти и ученого сообщества, личностный и коллективный опыт исследователей.

4. Сформировавшиеся в этот же период в рамках системы советской исторической науки специализированные историографические коммуникативные площадки («историографические среды», научные

конференции, историческая периодика, особенно в отражении дискуссий) выполняли целый ряд важнейших функций в процессе формирования историографии как самостоятельной научной дисциплины. Они транслировали сложившиеся в корпорации взгляды и подходы к историографии, закрепляли новые правила историографического исследования, задавали вектор развития дисциплины, стимулировали конструирование и трансформацию проблемного поля историографических исследований, обеспечивали связь между представителями различных научных центров и поколений исследователей, одновременно являясь «скрепами» формирующегося научного сообщества историографов.

5. Важнейшим инструментом формирования историографии как академической дисциплины и особой профессиональной идентичности историографов стали развернувшиеся в 1960 – 1970-е гг. и имевшие широкий резонанс дискуссии о предмете, объекте, целях, задачах и функциях историографических исследований. В этих дискуссиях приняли участие десятки ученых, в том числе М.В. Нечкина, А.И. Данилов, А.М. Сахаров, С.О. Шмидт и другие. Обсуждение учеными предметной области историографии отразило поиски границ дисциплины, ее места в общем русле советской исторической науки. Обозначилось несколько подходов к определению историографии: 1) «историография = история исторической науки», 2) «историография = история исторической мысли», 3) «историография = история знания». Наблюдается тенденция к расширению предметной области дисциплины за счет широкого толкования понятия «история исторической мысли».

6. Дисциплинарное оформление историографии проявилось в коммеморативных практиках сообщества, отражающих не только разделяемые образцы профессионального совершенства, но и стратегии присвоения и сплочения. В обозначенный период научный пантеон классиков отечественной исторической науки заметно менялся, и важнейшую роль в формировании и перекодировании канона играли именно

историографические исследования, что наглядно демонстрирует история трансформации образа М.Н. Покровского в советской историографии. Научная «реабилитация» этого историка была санкционирована властью в условиях преодоления «культа личности», поддержана и реализована ученой корпорацией с известной долей сопротивления.

Структура исследования включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, список сокращений. В первой главе рассмотрены особенности развития историографии в 1920-х – начале 1940-х гг. Во второй главе представлен институциональный срез дисциплинаризации историографии во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: изучена деятельность комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки». В третьей главе на примере «историографических сред» и дискуссии о периодизации истории советской исторической науки рассматривается коммуникативный аспект развития историографии, анализируется полемика вокруг определения предметной области дисциплины, на материале научной «реабилитации» М.Н. Покровского освещается коммеморативная составляющая исследуемого процесса. В заключении изложены основные выводы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СССР: 1920-Е – НАЧАЛО 1940-Х ГГ.

1.1. Историография в представлении историков «старой» школы: 1920-е гг.

Первое советское десятилетие – противоречивое время в истории отечественной исторической науки. Революция и последовавшее за ней строительство марксистской науки изменили вектор отечественного историографического процесса, повернув его в сторону гегемонии единственной исторической концепции – марксистско-ленинской. Это произошло в середине 1930-х г., а в первое послереволюционное десятилетие сложилась уникальная ситуация «сложного переплетения старых дореволюционных и новых советских элементов исследовательской традиции»⁸⁶. В данном параграфе рассмотрим представления об историографии историков «старой» школы, отразившихся в историографическом нарративе⁸⁷.

Возросший интерес к историографической проблематике обозначился в начале XX века и был вызван «кризисом науки». Тогда был поколеблен позитивистский образ историографии как процесса прямолинейного эволюционного развития науки и обозначилась тенденция к преодолению этого образа, интерес к дискретным моментам развития науки, к личностному знанию, окрашенному ценностями эпохи и «профессиональной корпоративной культуры». Как замечает В.П. Корзун, «по существу был намечен грандиозный науковедческий проект, который предвосхитил

⁸⁶ Ключев А.И., Метель О.В. Этапы становления институциональной структуры советской исторической науки (конец 1910-х – 1930-е гг.) // Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки институциональной структуры советской исторической науки 1920 – 1930-х гг.: монография. Омск, 2018. С. 25.

⁸⁷ В настоящем исследовании в качестве рабочего будет использовано определение «историографического нарратива», предложенное В.П. Корзуном и В.Ю. Волошиной в рамках коллективной монографии «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920-1930-е гг.)» (соавтором этого издания является и диссертант. На момент завершения диссертационного исследования коллективная монография находилась в печати издательства Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского). Исследователи под «историографическим нарративом» понимают «авторскую интерпретацию историографического прошлого через согласование историографических текстов предшественников и создание историографического образа, обладающего определенной целостностью, автономностью по отношению к рассматриваемой историографической действительности».

развитие историко-наукведческой мысли второй половины XX в.»⁸⁸. Авторами этого проекта были выдающиеся отечественные историки В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков. В этот период было намечено несколько подходов к пониманию историографии⁸⁹. Согласно первой точке зрения, историография определялась как часть культуры (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков). Сторонники второй модели рассматривали историографию в контексте истории науки в целом (А.С. Лаппо-Данилевский). Третий подход ориентировал исследователей на изучение схоларного пласта в историографии и, как правило, был приурочен к определенному коммеморативному событию.

В первое советское десятилетие намеченные тенденции сохранялись. По справедливому замечанию российского ученого А.В. Сидорова, в 1920-е гг. ученое сообщество испытывало потребность в осмыслении и переработке большого массива исторических работ, появившихся на волне «значительной активации научной деятельности»⁹⁰. Не только интерес и интенсивность исторических исследований стимулировали развитие историографии. Немаловажную роль играла дальнейшая специализация исторической науки и, как следствие последней, возрастающая потребность в интроспекции.

«Старые», или буржуазные, модели исследования историографической проблематики в означенный период применяли Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский⁹¹, А.Е. Пресняков, И.М. Гревс и др. В работах этих авторов прослеживается сохранение дореволюционной традиции историографического исследования. Ее особенность, по мнению современных ученых, состоит в «многоуровневом подходе к пониманию процесса развития исторического познания», включавшем следующие

⁸⁸ Корзун В.П. Институциональное оформление историографии как специальной научной дисциплины // Очерки истории отечественной исторической науки... С. 298.

⁸⁹ См.: Корзун В.П. Современные представления о предмете историографии // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие. Омск, 2012. С. 9 – 35.

⁹⁰ Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы... С. 45.

⁹¹ Историк скончался в феврале 1919 г., его работа «Очерк русской историографии» была издана посмертно в 1920 г. в «Русском историческом журнале».

параметры/характеристики: мировая историческая наука, национальная наука, направления (школы) национальной науки, историография важнейших исторических проблем, творчество отдельного историка или конкретных этапов его научной деятельности, историографическая оценка конкретных исследований⁹². Трансляция и передача этой традиции осуществлялась и посредством учебных курсов, которые читались представителями «старой школы» в первое советское десятилетие. В 1919 – 1920 учебном году студентам Петроградского университета С.В. Рождественский прочел курс лекций «Русская историография от Карамзина до новейшего времени». В это же время студенты Московского университета прослушали курс А.А. Кизеветтера «Общие построения русской истории в русской историографии». В 1919 – 1921 учебных годах А.Е. Пресняков читал лекции по историографии на архивно-археографическом отделении Археологического института.

Использовалась историография и как способ формирования/сохранения образов учителей/предшественников в корпоративной памяти ученого сообщества. Появились публикации, приуроченные к 25-летию со дня кончины К.Н. Бестужева-Рюмина⁹³, к годовщине смерти В.О. Ключевского⁹⁴ и А.С. Лаппо-Данилевского. В качестве примера рассмотрим статью А.Е. Преснякова. Цель исследователя – осмыслить место К.Н. Бестужева-Рюмина в отечественной исторической науке. По мнению автора, историк так и не примкнул ни к одному из направлений развития исторической мысли, поскольку был «эпигоном эпохи», чутко воспринимавшим ее новации. Автор солидарен с мнением С.Ф. Платонова: хотя К.Н. Бестужев-Рюмин имел немало учеников, отдельная научная школа так и не оформилась. Этот факт

⁹² Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные проблемы историографии на страницах научной периодики России первой половины 1920-х годов // История и историки: историографический вестник. 2001.М., 2001.С. 13.

⁹³ Пресняков А.Е. Н.К. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 166 – 172; Платонов С.Ф. К.Н. Бестужев-Рюмин // Русский исторический журнал. Кн.8. 1922. С.225 – 228.

⁹⁴ Тхоржевский С. И. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 152 – 179; Голубцов С.А. Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911 – 12 мая – 1921) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 178 – 202; Пресняков А. Е. В. О. Ключевский (1911– 1921) // Там же. С. 203–224 и др.

нисколько не умаляет заслуг ученого, считает А.Е. Пресняков: в Петербургском университете роль Константина Николаевича была значительной – он выступал своего рода «звеном в передаче традиции научной культуры, обогащая их [студентов – В.Г.] своим широким интеллектуальным кругозором и очищая их критическим анализом от чрезмерной зависимости по отношению к завещанным догматам былых настроений»⁹⁵. Подобная оценка – квинтэссенция личного опыта А.Е. Преснякова⁹⁶ и представлений сообщества историков «старой школы».

Другой пример выполнения историографией коммеморативной функции являет последний за 1920 г. номер «Русского исторического журнала», посвященный памяти А.С. Лаппо-Данилевского. В нем были опубликованы сохранившиеся фрагменты последнего труда историка – «Очерка русской историографии». Также коллеги, ученики делились воспоминаниями об ученом, размышляли о его вкладе в развитие российской науки⁹⁷. Особенно примечателен такой «коммеморативный всплеск» на фоне строительства марксистской исторической науки, складывания нового пантеона «классиков» и учителей (в который историки «старой» школы практически не включались).

Нередко историографические сюжеты обсуждались на заседаниях академических институций, таких как Комиссия по истории знаний (КИЗ), Археографическая и Постоянная историческая комиссия.

⁹⁵ Пресняков А.Е. Н.К. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 172.

⁹⁶ А.Е. Пресняков познакомился с Н.К. Бестужевым-Рюминым в студенческие годы. Николай Константинович стал для Александра Евгеньевича научным авторитетом, именно поэтому молодой исследователь обратился за советом к опытному ученому, когда настало время определяться с темой магистерской диссертации. В письме к матери А.Е. Пресняков пишет: «Я между 2-х огней. Платонов хочет, чтобы я писал что-нибудь более широкое и содержательное, а Бестужев, и это мне ближе, поддерживает мою мысль о широком изучении летописей». В итоге выбор был сделан в пользу летописной тематики, однако работу над диссертацией А.Е. Пресняков так и не завершил. Цит по.: Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 352.

⁹⁷ Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 44 – 81; Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Там же. С. 82 – 96; Он же. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же. С. 97 – 111; Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 112 – 131; Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Там же. С. 164 – 180; Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Там же. С. 181 – 188 и др.

Комиссия по истории знаний была создана в 1921 году при Общем Собрании Академии наук. Инициатива принадлежала В.И. Вернадскому, который впоследствии был избран ее председателем. Комиссия продолжила науковедческую традицию, заложенную несколькими годами раньше Комиссией по изданию сборника «Русская наука». На одном из первых заседаний КИЗ было решено приступить к «скорейшему изданию» этого сборника⁹⁸. В состав комиссии вошли представители естественных, социально-гуманитарных, технических наук. В 1924 г. работа данной структуры была признана неудовлетворительной, вследствие чего последовала приостановка ее деятельности. В 1926 г. В.И. Вернадский, только что вернувшийся из многолетней заграничной командировки, добился возобновления деятельности КИЗ. С 1927 г. работа комиссии приняла регулярный характер: члены комиссии выступали с докладами на публичных заседаниях, обсуждали планы празднования грядущих юбилеев и др. Наступление власти на Академию наук в 1929 г. сказалось и на судьбе КИЗ: в адрес комиссии звучат обвинения в неэффективности. В результате развернувшихся дискуссий/нападков В.И. Вернадский отказался от председательствования. Новым председателем комиссии стал Н.И. Бухарин. По его инициативе в 1932 г. комиссия была преобразована в Институт истории науки и техники, задачей которого стало изучение истории науки на базе марксистской методологии⁹⁹.

Активное участие в деятельности КИЗ принимали историки: И.Ю. Крачковский (заместитель председателя в 1926 – 1929 гг.), А.И. Андреев, Т.И. Райнов, С.Ф. Платонов, О.А. Добиаш-Рождественская, Е.В. Тарле, С.Ф. Ольденбург, Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Ю.В. Готье, Д.М. Петрушевский и др. На заседаниях институции нередко звучали доклады, посвященные как истории исторической науки в целом, так и ее выдающимся представителям.

⁹⁸ Комиссия по истории знаний – первая в России научная организация по изучению истории науки и техники // Комиссия по истории знаний. 1921 – 1923 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. СПб., 2003. С.8.

⁹⁹ Кузнецова Н.И. В.И. Вернадский как историк науки: методологические находки и парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 92 –111

Например, в 1927 – 1929 гг. доклады на историографические и близкие к историографии и методологии истории темы представили В.П. Бузескул («Из области западноевропейской историографии», 4 декабря 1927 г.), Н.И. Кареев («Начало социологии в России», 22 января 1928 г.), Д.М. Петрушевский («Академик Г.П. Виноградов как социальный историк», 24 января 1929 г.)¹⁰⁰, В.М. Алексеев («Китайская наука в Китае и Европе», 16 февраля 1929 г.) и др. В 1927 г. по решению КИЗ¹⁰¹ посмертно была опубликована серия статей Б.А. Тураева «Русская наука о Древнем Востоке»¹⁰².

Отдельные заседания академических комиссий посвящались памяти коллег, учителей, предшественников. 28 февраля 1929 г. состоялось совместное заседание КИЗ и Археографической комиссии, приуроченное к 10-летию со дня кончины А.С. Лаппо-Данилевского. Заседание открыл президент АН СССР А.П. Карпинский. Далее с докладами выступили С.Ф. Платонов («А.С. Лаппо-Данилевский как историк»), Н.И. Кареев («Теоретические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского»), А.А. Введенский («Работа А.С. Лаппо-Данилевского в области вспомогательных исторических наук»)¹⁰³. Несколькими днями раньше (19 февраля) на очередном заседании было решено подготовить сборник «Материалы к биографии академика А.С. Лаппо-Данилевского»¹⁰⁴. Ответственным редактором издания стал А.И. Андреев. В том же 1929 г. издание выйдет из печати. Большую часть биографических сведений этого сборника, по мнению современного историка Е.А. Ростовцева, составили подготовленные самим же А.С. Лаппо-Данилевским автобиографические материалы, а также тексты, опубликованные в «Материалах для биографического словаря

¹⁰⁰ Доклад с аналогичным названием был прочитан Д.М. Петрушевским в Институте истории РАНИОН – 4 ноября 1927 г.

¹⁰¹ Протокол заседания от 9 ноября 1926 г. // Комиссия по истории знаний. 1921 – 1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. СПб., 2003. С. 90.

¹⁰² Тураев Б.А. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927 (Труды Комиссии по истории знаний).

¹⁰³ Протокол заседания КИЗ и Археографической комиссии по случаю 10-летия со дня смерти академика А.С. Лаппо-Данилевского // Комиссия по истории знаний. 1921 – 1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. СПб., 2003. С.252.

¹⁰⁴ Протокол заседания от 19 февраля 1929 // Комиссия по истории знаний. 1921 – 1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. СПб., 2003. С.247

действительных членов Императорской Академии наук» (Пг.: Тип. ИАН, 1915. Ч. 1.)¹⁰⁵. Заметим, что заседание 28 февраля было последним публичным чествованием заслуг историка в советский период: имя А.С. Лаппо-Данилевского в анналы исторической науки вернется только в 1994 г.

В апреле 1926 г. Постоянная историческая комиссия¹⁰⁶ обсуждала вопрос «об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти Н.М. Карамзина»¹⁰⁷. Было решено подготовить библиографический список литературы о Н.М. Карамзине за 1884 – 1926 гг. Также планировалось 3 июня 1926 г. провести торжественное заседание Академии наук с выступлениями двух академиков (по одному представителю от филологов-славистов и историков). Из отчета о деятельности Академии наук за 1926 г. известно, что с докладом «Карамзин-историк» выступил С.Ф. Платонов¹⁰⁸. Текст работы нам удалось обнаружить в личном фонде М.Н. Покровского (Ф. 1759) в Архиве РАН¹⁰⁹. Работа была отправлена Михаилу Николаевичу 5 марта 1930 г. С.Г. Томсинским. Препровождала рукопись записка: «Многоуважаемый Михаил Николаевич! Посылаю Вам статью Платонова о Карамзине, которую он назначил для «Летописей Зан[ятий] Арх[еографической] Ком[иссии]»¹¹⁰.

Как это оказалось возможным? После ареста в 1930 г. С.Ф. Платонова его место на посту председателя Историко-Археографического института АН СССР занял М.Н. Покровский. Заместителем председателя был назначен С.Г. Томсинский, который находился в это время в Ленинграде и, вероятно, имел доступ к личным бумагам опального С.Ф. Платонова. Вопрос, можно ли считать этот текст полноценной статьей, как называет эту рукопись С. Г. Томсинский, спорный. Скорее, речь идет о тексте выступления, которое

¹⁰⁵ Ростовцев Е.А. Юбилей и памятные даты А. С. Лаппо-Данилевского // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 4. С. 209.

¹⁰⁶ В конце апреля 1926 г. произошло объединение Археографической и Постоянной исторической комиссии в Постоянную историко-археографическую комиссию (ПИАК). В 1931 г. Комиссия была преобразована в Историко-Археографический институт.

¹⁰⁷ Протокол совещания 13 апреля 1926 г. для обсуждения вопроса об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти Н.М. Карамзина. См.: Протокол совещания // ОР РНБ. Ф. 595. Оп.1. Д. 650

¹⁰⁸ Отчет о деятельности Академии наук за 1926 г., составленный Непременным секретарем академиком С.Ф.Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1927 г. Часть I: Общий отчет. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 316.

¹⁰⁹ Платонов С.Ф. Карамзин // АРАН. Ф. 1759. Оп.5.Д.63.

¹¹⁰ Там же. Л. 31.

предполагалось затем опубликовать в издаваемой Археографической Комиссией «Летописи Занятий Археографической Комиссии». Наше предположение основано на использовании в тексте «фигур» устной речи, например, «занять ваше внимание беседой» или частое употребление местоимения «вы» (как обращение докладчика к аудитории). Кроме того, текст изобилует сокращениями, не являющимися общеупотребительными и используемыми автором для собственного удобства. Фронтальный просмотр выпусков «Летописи» Археографической комиссии позволяет заключить, что работа С.Ф. Платонова не была опубликована.

Обратимся к источнику. Сергей Федорович предпринял попытку¹¹¹ научного осмысления места Н.М. Карамзина в российской интеллектуальной традиции с тем, чтобы предложить «компромиссный» вариант оценки личности и творчества историка. Такая потребность давно назрела: образ Карамзина в отечественной историографии настолько неоднороден и неоднозначен, что, считает С.Ф. Платонов, делает «возможной и своевременной задачу пересмотра существующих мнений и выделение тех черт ученой характеристики Карамзина, какие при этом пересмотре могут оказаться общепризнанными и непрофессиональными свойствами ума и таланта нашего историка»¹¹². Далее автор представил подробный историографический обзор изучения наследия Н.М. Карамзина в XIX – XX вв. Однако за пределами внимания автора остались работы современных ему историков-марксистов.

Предложенная С.Ф. Платоновым модель изучения историографического наследия Н.М. Карамзина основывалась на выделении трех фаз, по его

¹¹¹ Заметим, что это не первый опыт обращения С.Ф. Платонова к осмыслению наследия предшественника. В 1911 г. историк произнес публичную речь на открытии памятника Н.М. Карамзину в усадьбе Остафьево. См.: Платонов С.Ф. Н.М. Карамзин: Речь, произнес в собр. 18 июля 1911 г., по случаю открытия памятника Н.М. Карамзину в с. Остафьево. СПб., 1911. Второй известный нам эпизод произошел в 1922 г. В личном фонде Сергея Федоровича в РГАЛИ сохранился рукописный вариант его выступления. Из источника следует, что встреча прошла «в тесном кругу собравшихся здесь родных и почитавших Карамзина». Цит. по: Платонов С.Ф. «Н.М. Карамзин» 1922 г. // РГАЛИ. Ф. 406. Оп.1. Д. 3. Л. 1. И в речи 1911 г., и в выступлении 1922 г. С.Ф. Платонов уделил внимание сложившемуся в историографии образу ученого, критике его работ современниками и потомками.

¹¹² Платонов С.Ф. Карамзин // АРАН. Ф. 1759. Оп.5.Д.63. Л. 2.

терминологии, творчества историка: «Карамзин=историк», «Карамзин=литератор» и «Карамзин=политик». Первая фаза относится к раннему периоду исторических занятий и включает все работы, предшествовавшие «Истории Государства Российского». Вторая фаза охватывает написание монументальной «Истории». С.Ф. Платонов эскизно представил, как работал Карамзин над этим трудом. По мнению автора, «взяв от литературы XVII века все то, что казалось нужным и справедливым для начальных эпох русской истории», историк остался «лицом к лицу» с летописными источниками, относящимися к более позднему периоду. С этой трудной задачей Карамзин, продолжил С.Ф. Платонов, блестяще справился и тем самым зарекомендовал себя «независимым» и «в высшей степени осведомленным» ученым, к тому же умеющим придать материалу «изящную литературную форму». Небезынтересны размышления автора о том, как Н.М. Карамзин понимал свою задачу в написании «Истории». По его мнению, для историка, являвшегося сыном «эпохи Просвещения», было важно и «просвещать читателя», и «воспитательно на него воздействовать». Третья фаза, «Карамзин=политик», характеризуется, по мнению С.Ф. Платонова, использованием Николаем Михайловичем исторического материала исключительно в качестве критики современного ему общества и политики.

Все три фазы, по мнению автора, пронизаны этическим настроением историка, который на протяжении своего жизненного пути оставался «моралистом, прилагающим нравственный критерий ко всем предметам своих суждений и повествований»¹¹³. Эта черта, считает исследователь, отвечала «духу времени», культурному уровню и ценностям сословия, к которому принадлежал Н.М. Карамзин.

Также С.Ф. Платонов сделал акцент на том, какую роль играет изучение творческого наследия Н.М. Карамзина для формирования корпоративной памяти исторического сообщества. В интерпретации Сергея Федоровича выдающийся предшественник XIX века являет собой уникальный образец

¹¹³ Платонов С.Ф. Карамзин // АРАН. Ф. 1759. Оп.5.Д.63. Л. 29.

для подражания. Поэтому С.Ф. Платонов завершил свои размышления пафосным пассажем: «На трудах Карамзина все мы в свое время учились тому, как честно следует работать историку. Не лишним будет заметить, что и в настоящее время многие могли бы не без пользы этому поучиться именно у Карамзина»¹¹⁴. По всей вероятности приведенный фрагмент был обращен к представителям марксистской историографии, огульно отрицавших вклад не только М.Н. Карамзина, но и многих других предшественников.

История развития отдельной отрасли исторического знания в России также привлекла внимание и интерес многих видных отечественных историков – И.М. Гревса, Ф.И. Успенского, В.А. Бутенко, Н.И. Кареева. Появление работ этих авторов А.В. Сидоров связывает с опасениями ученых «оказаться на периферии научного мира, утрата в начале XX века авторитета в международной научной среде» сильно беспокоила ученых¹¹⁵. Трудно не согласиться с этим утверждением, если принять во внимание нарастающие проблемы с заграничными командировками, люстрацию частной корреспонденции, государственные закупки иностранной литературы.

Подробнее остановимся на статье Н.И. Кареева, которая позволяет нам представить модель историографического анализа и понимание функций историографии в этот период, а также сравнить с новой марксистской/советской традицией.

В 1926 г. Н.И. Кареев по просьбе французского издания «Revue historique» написал «Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 – 1926)»¹¹⁶. Статья разбита на три крупных блока. Первый посвящен архивам, научным обществам и журналам. В этом разделе автор не только перечислил главные объекты «инфраструктуры» исторической науки, но и отметил

¹¹⁴Там же. Л. 30

¹¹⁵ Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы... С. 52.

¹¹⁶«Revue historique» – французский исторический журнал, который в 1926 г. праздновал 50-летие своего существования. В честь юбилея было решено издать большой труд, в котором было бы отражено развитие мировой историографии за 50 лет. С этой инициативой редакция обратилась к 30 историкам Европы и Америки, среди них – Н.И. Кареев. «Отчет» Н.И. Кареева был переведен и опубликован с научными комментариями в 1994 г. См.: Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 – 1926) / Вступительная статья, перевод, комментарий В.П.Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136 – 154.

произошедшие после революции в них изменениях. В качестве примера Н.И. Кареев привел открытие для исследователей секретных архивов, увеличение числа исторических работ¹¹⁷. Следующий блок статьи обозначен как «"Русские историки" и национальная история». Н.И. Кареев оговорил, что речь пойдет скорее о людях науки, чем об их трудах¹¹⁸. В основе нарративной логики автора лежал схоларный подход. Автор назвал главные имена историков-русистов и охарактеризовал их школы, преимущественно локализованные в пределах крупных университетов. Так, история школы Московского университета представлена следующей схемой: С.М. Соловьев заложил «основы истории политических и административных институтов Древней Руси». Эти идеи подхватил и развил его ученик – В.О. Ключевский. Оба исследователя, считает Н.И. Кареев, имели среди русских историков наибольшее влияние. Следующее поколение, поколение учеников Ключевского, по своему составу пестрое: это и либерал-позитивист П.Н. Милюков, и материалист Н.А. Рожков, и марксист М.Н. Покровский (у Кареева напротив этой фамилии приведено пояснение: «в настоящее время заместитель комиссара по народному образованию»). Характеризуя школу петербургских историков, Н.И. Кареев ее начало связывал с творчеством К.Н. Бестужева-Рюмина, исследовательский интерес которого лежал в области изучения источников и историографии. Его преемником по кафедре автор назвал С.Ф. Платонова, вписавшего надолго свое имя в анналы отечественной историографии исследованием истории Смутного времени. Н.И. Кареев зафиксировал и неоднородность петербургской школы, выделив в ней два направления: учеников С.Ф. Платонова и последователей А.С. Лаппо-Данилевского. Оба исследователя создали свои школы.

Основателем украинской ветви историографии, по Н.И. Карееву, стал Н.И. Костомаров. Этот историк писал о жизни и быте народа и был ложно обвинен в сепаратизме. Его ученик – В. Б. Антонович – продолжил изучение

¹¹⁷ Н.И. Кареев Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 – 1926) / Вступительная статья, перевод, комментарий В.П.Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 140.

¹¹⁸ Там же. С. 140.

истории Украины и имел также многочисленных последователей. В числе последних Н.И. Кареев отметил М.С. Грушевского, Д.И. Багалея.

Перечислил автор и традиционные сюжеты отечественной историографии, главным героем которой выступает государство. Больше всего, считает автор, отечественных историков-русистов интересовало происхождение древнерусского государства, складывание русского централизованного государства в XV – XVI вв., а также история России в XVII вв. Однако в последние два десятилетия произошло смещение интереса в сторону изучения «актуального прошлого» – истории революционного движения.

Последний раздел статьи посвящен историкам-всеобщникам, к числу которых принадлежал и сам Н.И. Кареев. В основе изложения тот же схолярный принцип. Начало начал – петербуржец М.С. Куторга и москвич Т.Н. Грановский. Петербургскую линию изучения всеобщей истории продолжили Ф. Ф. Соколов, воспитавший плеяду эллинистов-эпиграфистов, и В.Г. Васильевский, основавший школу медиевистов. В Московском университете дело Т.Н. Грановского продолжили сначала П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский, а затем – В.И. Герье. Также автор отметил основные темы исследований отечественных всеобщников: история Скифии, происхождение римского народа и христианства, проблемы феодализма в средневековой Италии и Англии, история Реформации и французской революции и др.

В целом Н.И. Кареев, как и С.Ф. Платонов, обошел своим вниманием молодую советскую историческую науку. Напрашивается вывод о сознательной стратегии историков «старой» школы игнорировать советских/марксистских историков. Дабы сохранить/отметить заслуги «настоящих ученых», отделив их от знатоков марксистской «истины».

Подведем итог сказанному, в первое советское десятилетие происходило дление дореволюционной исследовательской традиции. Историографические сюжеты обсуждались на страницах периодических изданий, на заседаниях академических институций. Наметились общие черты историографического

нарратива, конструируемого историками «старой» школы в обозначенный период. Историографические изыскания оказались тесно вплетены в современную общественно-политическую среду. Другая черта нарратива – схолярный принцип, применение которого, по мнению А.В.Сидорова, было связано с «отсутствием историографической концепции, удовлетворившей бы в определенной мере потребности историков науки в понимании действовавших научных направлений»¹¹⁹. К этому добавим, что внимание к школьному пласту отражало и вступление науки в новый этап организационного ее оформления (дисциплинарная наука с начала до середины XX века). Еще одной особенностью историографических текстов стало пристальное внимание к движению проблематики, фиксация ее преемственности и разрыва.

Кроме того, рассмотренные нами аспекты позволяют сделать вывод о том, что историографические нарративы, создаваемые в этот период историками «старой» школы, стали «местом памяти» сообщества. В этих текстах уходящая/вытесняемая новой властью реальность обретала вечный приют. С другой стороны, «рождение историографической озабоченности», по справедливому замечанию П. Нора, всегда вызвано стремлением истории «вытравить из себя все то, что не является историей»¹²⁰. Этим объясняется выбранная стратегия «скрытой оппозиции» по отношению к историкам-марксистам, в основе которой игнорирование их работ.

1.2. Развитие историографии в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг.

Одновременно с длением дореволюционной исследовательской традиции в первое послереволюционное десятилетие складывается советский/марксистский историографический нарратив. Первым примером такого исследования стала работа М.Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература» (Пг., 1923). Данный труд представляет

¹¹⁹ Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы... С. 62.

¹²⁰ Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память. СПб, 1999. С. 21.

собой стенограмму лекций, прочитанных историком в начале 1920-х гг. в Коммунистических университетах Москвы и Петрограда¹²¹. В этом произведении отечественный историографический процесс представлен более-менее полно и в хронологической последовательности, начиная с монументального труда Н.М. Карамзина и заканчивая современными М.Н. Покровскому авторами. Сам историк не считал «Борьбу классов» исследовательской работой, он видел в ней «маленькое пособие для первоначальной ориентировки при чтении основных не марксистских или не совсем марксистских книжек по русской истории»¹²². Зачем историку-марксисту читать «не марксистские или не совсем марксистские» книжки, задал вопрос лектор. Причина, по мнению М.Н. Покровского, кроется в малочисленности марксистских исторических произведений, в связи с чем обращение «к домарксистской литературе» неизбежно¹²³. Своих студентов историк учил «расшифровывать» историческое произведение, определяя классовую принадлежность автора. Так, для буржуазных историков чрезвычайно актуальным было, по его мнению, доказать, что никакой классовой борьбы не существует.

М.Н. Покровский представил целую галерею портретов историков прошлого и настоящего. Отношение к Н.М. Карамзину нескрываяемо отрицательное. Его «История государства Российского», согласно М.Н. Покровскому, устарела уже «в момент выхода книги», поскольку автор весь смысл русского исторического процесса свел к «образованию огромного государственного тела»¹²⁴. Данное утверждение лектора не оригинально – критики Н.М. Карамзина уже первой четверти XIX в. отмечали эту особенность.

¹²¹Студенческая аудитория Коммунистического университета им. Г.Е. Зиновьева в Петрограде прослушала цикл историографических лекций М.Н. Покровского 3 – 7 мая 1923 г. По воспоминаниям А.Л. Сидорова, слушателя Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова в Москве, аналогичные лекции московским студентам также были прочитаны в это время. Сидоров А.Л. Воспоминания о Покровском // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 85. Ед. хр. 9. Л. 3 – 4.

¹²² Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, прочитанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3 – 7 мая 1923. Петроград: Прибой, 1923. С. 4.

¹²³ Там же. С. 6.

¹²⁴ Там же. С. 32.

«Первый» русский гегельянец, Б.Н. Чичерин, был обвинен М.Н. Покровским в отступлении от учения Гегеля. Немецкий философ признавал роль насилия, тогда как Б.Д. Чичерина, иронично отметил лектор, «самая мысль о возможности насилия в государственных делах приводила <...> в ужас»¹²⁵. Мировоззренческие установки историка М.Н. Покровский объяснял его классовым положением: он был одновременно и «тамбовским помещиком», и «профессором государственного права в Московском университете»¹²⁶. Особенно это заметно, считает лектор, в сравнительной перспективе представлений о происхождении сельской общины «тамбовского помещика» Чичерина и «крестьянского мужика» Щапова. Представитель буржуазии видел в общине исключительно политическое явление – она была создана для удобства сбора податей. А.П. Щапов, по мнению М.Н. Покровского, рассматривал общину как экономическое образование, возникшее в тяжелейших природно-климатических условиях.

Историографический портрет С.М. Соловьева у Михаила Николаевича получился следующий: классовое происхождение – «городской житель»; историческое мировоззрение – «бессознательный марксист», гегельянец с вкраплениями идей «экономического материализма»; профессиональный статус – «величайший историк XIX века» с «громадной исторической образованностью». Нескрываемые симпатии М.Н. Покровского к этому историку связаны не только с использованием последним гегельянской методологии в изучении русского исторического процесса, как считает историк-эмигрант И.И. Гапанович¹²⁷. Но и с тем, что ряд утверждений С.М. Соловьева хорошо вписывались в теорию «торгового капитала» М.Н. Покровского. Например, крупных речных путей. Обратимся к тексту источника: «Он [Соловьев С.М. – В.Г.] первый выяснил громадное влияние в русской истории речных путей. И действительно, если мы возьмем период торгового капитала, мы увидим, что в этом-то и суть дела, что группируется

¹²⁵ Там же. С. 38.

¹²⁶ Там же. С. 40.

¹²⁷ Gaпанovich I.I. Russian historiography. Outside Russia. Priping, 1935. P. 103.

русская территория именно вокруг водных путей»¹²⁸. «Марксистскую симпатию» С.М. Соловьеву выразил в свое время Г.В. Плеханов, согласившийся с классиком по поводу значения в русской истории географического и экономического факторов.

М.Н. Покровский противопоставил «великого» историка С.М. Соловьева «эклетику» Ключевскому¹²⁹. По мысли лектора, Василию Осиповичу не удалось создать оригинальной и репрезентативной концепции русской истории. Так, отечественный исторический процесс понимался ученым, отметил М.Н. Покровский, как действие трех сил: личности, «людского общества» и «природы страны». При этом дефиниция «людское общество», считает автор, соответствует понятию «государства» в концепции Б.Д. Чичерина. Объяснение личностного фактора в русской истории позаимствовано В.О. Ключевским у П.Л. Лаврова, а трактовка роли природно-климатических условий идентична взглядам А.П. Щапова. Таким образом, мы видим, что историографический анализ работ В.О. Ключевского, представленный М.Н. Покровским, весьма поверхностен. Он основан на первых четырех лекциях «Курса русской истории». В них историк представил свой методологический подход, но в последующем изложении русской истории, как известно, вышел за пределы собственных методологических представлений. М.Н. Покровский вывел «формулу Ключевского»: В.О. Ключевский есть «Чичерин, помноженный на Соловьева или Соловьев, привитый к Чичерину»¹³⁰.

В основе подобной оценки лежит не только заданная оптика исследования, но и шлейф личных отношений историков. М.Н. Покровский был оставлен В.О. Ключевским при Московском университете для приготовления к профессорскому званию. Отношения учителя и ученика испортились. В воспоминаниях А.А. Кизеветтера мы находим упоминание о

¹²⁸ Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, прочитанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3 – 7 мая 1923. Петроград: Прибой, 1923. С. 60.

¹²⁹ Там же. С. 74.

¹³⁰ Там же. С. 60.

«разрыве» учителя и ученика: «С университетом у него [Покровского – В.Г.] как-то не вышло правильного общения. Он приготовился к магистерскому экзамену и сдал его, но на этом экзамене у него произошло какое-то столкновение с Ключевским, подробности которого мне неизвестны. После этого Покровский от университета отдалился, пробных лекций не прочел и в состав приват-доцентуры не вступил. Не готовил он и диссертации¹³¹»¹³². Не стоит забывать об авторитете В.О. Ключевского в корпорации историков и его популярности среди широких слоев населения не только при жизни¹³³, но и после кончины. Все это мешало формированию нового, советского, пантеона ученых-историков. К тому же в 1922 г. вышел пятый том «Истории» В.О. Ключевского. В опубликованной в 1923 г. в «Печати и революции»¹³⁴ рецензии Михаил Николаевич сокрушался над тем, «зачем эту архаичную книгу понадобилось печатать в 50 тыс. экземпляров», тем более с «немарксистскими» комментариями Я.Л. Барскова¹³⁵. М.Н. Покровский высказал опасения, что этот труд начнут рекомендовать студенческой аудитории. Потому и необходимо «вооружить» студента «ключом к шифру Ключевского», который, ко всему прочему, универсален – он применим ко всей последующей русской историографии: к работам П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и др.¹³⁶. Оценки В.О. Ключевского М.Н. Покровским связаны и с конкурентным полем науки. В борьбе за научный капитал важно было

¹³¹ В исследовательской литературе встречаются разные ответы на вопрос, защитил ли М.Н. Покровский магистерскую диссертацию. В статье о М.Н. Покровском в библиографическом словаре «Историки России XX века» упоминаний об этом факте научной биографии историка нет. Встречаются и другие версии. Исследователь творчества П.Н. Милюкова, московской школы историков – Томас Бон, перечисляя ученых, защитивших диссертации под руководством В.О. Ключевского, называет и М.Н. Покровского. Бон Т. М. Русская историческая наука (1881 г. - 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа СПб., 2005. С. 134.

¹³² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881 – 1914. М., 1997. С. 259.

¹³³ А.А. Кизеветтер, например, в своих воспоминаниях отметил, что его «привлекло в Московский университет из далекого Оренбурга имя Ключевского. И в самом деле, это имя уже гремело не только по Москве, но и далеко за ее пределами». Цит. по: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 39.

¹³⁴ Впервые рецензия была опубликована в журнале «Печать и революция» (Кн. 3. 1923. С. 101 – 104). В настоящей статье используется версия, вошедшая в сборник историографических трудов историка «Историческая наука и борьба классов».

¹³⁵ Покровский М.Н. О пятом томе «Истории» Ключевского // Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 58.

¹³⁶ Покровский М.Н. Борьба классов... С. 60.

¹³⁶ Там же. С. 87.

отодвинуть в сторону прежних классиков. Симптоматично, что то же самое произошло с именем Михаила Николаевича в конце 1930-х г.¹³⁷.

Обратился М.Н. Покровский и к марксистскому блоку исторической литературы. Внимание историка привлекли работы «меньшевиков» Г.В. Плеханова и Н.А. Рожкова. Историческую концепцию Г.В. Плеханова лектор рассмотрел под углом классовой борьбы, а также сквозь призму континуитета/дисконтинуитета идей в интеллектуальной среде эпохи. В частности, историк отметил, что впервые на место географического фактора в русской истории обратил внимание А.П. Щапов, впоследствии, повторимся, эту идею, по М.Н. Покровскому, «заимствовал» В.О. Ключевский, но не смог ее диалектически реализовать. В исторической концепции Г.В. Плеханова, подчеркнул лектор, этот фактор также не получил должного освещения. Историк не удалось реализовать задуманную исследовательскую программу, по мнению М.Н. Покровского, поскольку в ее основе было неверное представление об «однообразии природных форм» (представление это принадлежало С.М. Соловьеву)¹³⁸. В этой связи М.Н. Покровский иронично отметил: «... Плеханов ценил историков, как доброе вино – чем старше, тем лучше»¹³⁹. Эта методологическая «слепота» стоила ему дорого! Михаил Николаевич пишет, что Георгий Валентинович таким образом оказался «на пороге» у буржуазной теории закрепощения. Не преминул лектор вспомнить и о разногласиях, возникших между ними. Так, Г.В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» обрушился с критикой на М.Н. Покровского за то, что тот позволил себе обвинить С.М. Соловьева в "школярстве". Обратимся к тексту источника: «Плеханов, длинно и нудно, по своей обычной манере последних лет, поучает своего

¹³⁷ Российский историограф В.В. Тихонов считает, что после смерти Покровского в 1932 г. «пустующую нишу главного специалиста по истории занял сам Сталин». Венцом «низвержения» авторитета историка в корпоративной памяти сообщества стала его дискредитация на страницах специальных изданий «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М., 1939) и «Против антимарксистской М.Н. Покровского» (М., 1940). См. об этом: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953). М., 2016. С. 33 – 38.

¹³⁸ Покровский М.Н. Борьба классов... С. 95.

¹³⁹ Там же. С. 96.

читателя, какой я невежливый и невежественный человек, что решаюсь о Соловьеве (подумайте!) употреблять столь непочтительные термины. Мое уважение к Соловьеву, одному из умнейших, и без всякого сравнения, образованнейшему русскому историку XIX столетия, не меньше плехановского. Но на "школярстве" я все-таки продолжаю настаивать. Виноват в нем не Соловьев, а качество его аудитории»¹⁴⁰.

Свой лекционный курс М.Н. Покровский завершил анализом исторических взглядов Н.А. Рожкова, которые, с его точки зрения, в основных очертаниях напоминают представления Г.В. Плеханова¹⁴¹. Автор отметил различие в интерпретации термина «хозяйственных условий» у историков-марксистов и Н.А. Рожкова. Николай Александрович в это понятие включил «добывающую промышленность, обрабатывающую, земледелие, скотоводство, раньше всего – охоту»¹⁴². С точки зрения марксизма, считает М.Н. Покровский, такое деление абсурдно, так как невозможно «объединить в одну категорию деревенского кузнеца и рабочего Путиловского завода на том лишь основании, что они относятся к обрабатывающей промышленности»¹⁴³. Н.А. Рожков в отличие от марксистской концепции истории, где политические факторы являются второстепенными, надстроечными, оценивал одинаково значение политических и экономических условий в развитии общества.

Задав вопрос о «социальном материке», на котором стоит Н.А. Рожков, Михаил Николаевич отметил, что с «домарксистским историческим материализмом» этого историка роднит, в частности, деление общественного процесса на «динамику» и «статику». Эти концепты Н.А. Рожков взял из позитивистской исследовательской программы, которая, по М.Н.

¹⁴⁰ Покровский М.Н. Борьба классов... С. 95.

¹⁴¹ Исторический процесс в интерпретации Г.В. Плеханова кратко может быть сведен к следующей схеме: «1. Состояние производительных сил. 2. Обусловленные им [состоянием – В.Г.] экономические отношения. 3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической "основе". 4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека. 5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики». Цит. по.: Покровский М.Н. Борьба классов... С. 92.

¹⁴² Там же. С. 111.

¹⁴³ Там же. С. 111.

Покровскому, является «мелкобуржуазной разновидностью полуматериализма»¹⁴⁴. Грубый классовый подход, как видим, эксплицируется на философско-методологические взгляды. В ироничном ключе лектор подметил: «Для марксиста ничто никогда не остается "в покое" – такие уж мы беспокойные люди»¹⁴⁵. Н.А. Рожков выражал интересы «дотехнической интеллигенции», классовая «смерть» которой, по мнению лектора, неизбежна в новых социальных реалиях. «Поэтому дотехническая интеллигенция, не желающая помирать, – продолжил свою мысль М.Н. Покровский, – склонна видеть явления в статическом состоянии, причем, как говорится в одной грамоте Смутного Времени, думает: "может быть, господь смилуется, и до нас не дойдет"»¹⁴⁶. Метафора лектора оказалась убийственно точна в контексте сложных отношений Н.А. Рожкова и советской власти, которая в лице В.И. Ленина настаивала на высылке исследователя за границу. В конце концов дело закончилось ссылкой историка в Псков (1922 – 1924)¹⁴⁷.

В более поздних работах Михаил Николаевич не столь категорично и критично настроен по отношению к Николаю Александровичу. В частности, в докладе, прочитанном на заседании Общества историков-марксистов 14 февраля 1927 г., он отметил: Н.А. Рожков «рос постепенно в настоящем марксистском направлении», и только «глупая физиологическая случайность» помешала ему переродиться «в настоящего вполне ортодоксального марксиста-историка»¹⁴⁸. Любопытно, что под «глупой случайностью» М.Н. Покровский подразумевает «необычайную возбудимость», повышенную чуткость историка «ко всяким внешним влияниям»¹⁴⁹. Тяжелый след на творчестве Н.А. Рожкова оставили поражение

¹⁴⁴ Покровский М.Н. Борьба классов... С. 114.

¹⁴⁵ Там же. С. 114.

¹⁴⁶ Там же. С. 116.

¹⁴⁷ Волобуев О.В., Гонзалез Дж. Николай Александрович Рожков. К 150-летию со дня рождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 67.

¹⁴⁸ Покровский М.Н. Н.А. Рожков // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 182.

¹⁴⁹ Там же. С. 183.

в первой русской революции и последовавшая за этим его ссылка в Сибирь. По мысли докладчика, эти события перевернули мировоззрение историка, который разочаровался в успехе революции и стал «себя утешать тем, что если революция не удалась, то удастся эволюция»¹⁵⁰.

Данный фрагмент – свидетельство понимания историком сложности трактовок исторического мировоззрения, несводимость его исключительно к классовому анализу. Хотя эти раздумья носят эпизодический характер. В конструируемом им историографическом нарративе акцент делается на другом. «Борьба классов...» должна была стать для новой поросли ученых-марксистов не просто путеводителем в галерее отечественной исторической науки, а ключом от двери с вывеской: «красная истина»¹⁵¹. Небезынтересны в этой связи воспоминания А.Л. Сидорова, слушавшего историографические лекции М.Н. Покровского в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. «Эти первые шесть-семь лекций, – вспоминал историк в конце 1950-х гг. – являются первой попыткой осветить то, что сделано русской исторической наукой за два с половиной столетия, с новой точки зрения, с точки зрения историка-марксиста. Какие бы недостатки не были в этих лекциях, но они раскрыли нам глаза»¹⁵². С «раскрытыми глазами» А.Л. Сидоров и некоторые другие выпускники Комуниверситета, а в будущем мэтры советской исторической науки, продолжили историографические штудии в семинарах М.Н. Покровского в ИКП в 1924/1925 учебному году¹⁵³. Это был другой опыт постижения «красной истины», предполагавший создание слушателями ИКП самостоятельного историографического знания. Участники семинара должны были не только подготовить доклад по заранее

¹⁵⁰ Покровский М.Н. Н.А. Рожков... С. 183.

¹⁵¹ Метафора «красная истина» заимствована нами из статьи эмигранта Н.С. Тимашева, посвященной реформе Академии наук в конце 1920-х г. и напечатанной в газете «Возрождение». Автор применяет словосочетание «красная истина», характеризуя интеллектуальный климат советской России. При этом он отмечает, что марксистски ориентированным ученым из СССР «красная истина» уже известна. См.: Тимашев Н.С. Перед выборами в Академию наук // Возрождение. 3 июля 1928 (1127). С. 2.

¹⁵² Сидоров А.Л. Воспоминания о Покровском // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 85. Ед. хр. 9. Л. 4.

¹⁵³ Во второй половине 1920-х гг. М.Н. Покровский несколько раз проводил историографические семинары: в ИКП (1924/1925 и 1926/1927 уч. годы) и Институте истории РАНИОН (1927/1928 уч. год). См. об этом: Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. М., 1995. С. 185 – 199.

определенной теме¹⁵⁴, но и проработать «обширный список из 118 наименований обязательной и дополнительной литературы, в который наряду с историографическими работами М.Н. Покровского были включены труды тех историков, чье творчество выносилось на обсуждение»¹⁵⁵. Эти доклады в доработанном варианте вошли в сборники статей «Русская историческая литература в классовом освещении»¹⁵⁶.

Сборник нашел отклик в эмигрантском научном сообществе. А.А. Кизеветтер опубликовал в «Современных записках» рецензию на данное издание¹⁵⁷. Рецензент отказал статьям этого сборника в серьезном научном исследовании, для него это «ученические упражнения», которые сами по себе безынтересны. Но сборник в целом навел А.А. Кизеветтера на глубокие размышления о советской исторической науке. Так, рецензент в ироничном тоне заметил: «Ни сам Покровский, ни его послушная паства никак не могут догадаться, сколь комичное получается зрелище, когда разные никому неизвестные гг. Рубачи, Лидаки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившие себя печатными работами, как г-жа Нечкина (наиболее серьезный автор в числе сотрудников Сборника) либо строго разносят за «недомыслие» и историческую неосведомленность Чичерина, Соловьева. Ключевского, Милюкова, либо снисходительно жалеют о том, что эти историки не были знакомы «с нашим петухом», т. е. с идеями товарища Покровского»¹⁵⁸.

¹⁵⁴ Темы историографического семинара были распределены следующим образом: 1) «Теория родового быта (И.Г. Эверс)» и о В.О. Ключевском; П.П. Соловьев – «Б.Н. Чичерин и его взгляды на русский исторический процесс»; З.Б. Лозинский и Лола – «С.М. Соловьев и его схема русского исторического процесса»; Н.Л. Рубинштейн – «Славянофилы и их теория исторического процесса»; Г.В. Ладоха и Я.С. Гублер – «П.Л. Лавров»; А.Л. Сидоров – «А.П. Шапов и его схема развития русской истории»; О.А. Лидак и Н. Равенская – «П.Н. Милюков как историк русской революции»; М.А. Рубач – «Федералистические теории в русской истории»; Г.М. Стопалов – «Историческая концепция Г.В. Плеханова»; А.Г. Петрова и Преображенский – о концепции Н.А. Рожкова.

¹⁵⁵ Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского... С. 186.

¹⁵⁶ Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры. М., 1927.

¹⁵⁷ Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1927// Современные записки. Париж. 1931. №46. С. 514 – 520.

¹⁵⁸ Там же. С. 514.

Ученики М.Н. Покровского «блестяще» реализовали классовый подход к историографии. Как отметил А.А. Кизеветтер, в глаза бросается установка увидеть в каждом тексте старого историка «корыстно-классовый подтекст», показать, что историография «всегда и всюду есть не что иное, как служанка классовой борьбы»¹⁵⁹. В частности, в статье О.А. Лидака «П.Н. Милюков как историк», полагает рецензент, «митинговая фразеология напущена целым фонтаном, и Милюков называется не иначе, как лжецом и грязным клеветником» за то, что позволил обвинить большевиков в «кровавом терроре и обиранию крестьян»¹⁶⁰.

Обратимся к тексту статьи. О.А. Лидак выделил и рассмотрел несколько ипостасей П.Н. Милюкова, которые вписываются в основные тренды развития советской историографии того периода. «П.Н. Милюков как социолог» – включает теоретико-методологические взгляды ученого, в основе которых, считает автор, многофакторность, причем без градации этих факторов на главные и второстепенные. Движущей силой русского исторического процесса у П.Н. Милюкова в интерпретации О.А. Лидака являются внешние факторы. На основании этих положений автор подвел «классовую» черту под историческими взглядами своего героя, отметил их близость с «поповщиной». Симптоматично, что исследователь отказал трудам П.Н. Милюкова в научной ценности, назвав их «шагом назад» по сравнению с идеалистической теорией его предшественников-учителей¹⁶¹.

Следующая ипостась, отмеченная молодым ученым-марксистом, «П.Н. Милюков как историк России». О.А. Лидак отметил, что Павел Николаевич как исследователь безлик, поскольку повторяет взгляды своего учителя – В.О. Ключевского. Не справился П.Н. Милюков, по мнению автора, и с ролью историка революции, став по сути «сознательным фальсификатором и гнусным клеветником». Громкий вывод был сделан на основе анализа двух

¹⁵⁹ Там же. С. 517.

¹⁶⁰ Там же. С. 518.

¹⁶¹ Лидак О.А. П.Н. Милюков как историк // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том II. Труды Института красной профессуры. М., 1930. С. 133.

работ – «История второй русской революции» и «Россия на перепутье». Заметим, что наряду с критикой этих трудов, разумеется, с противоположной П.Н. Милюкову политической позиции, О.А. Лидак отметил и их достоинства. Например, автор согласился с историком по поводу характеристики меньшевиков и эсеров «как жалких политиканов, на словах защищающих рабочих, а на деле полностью творящих политику буржуазии», или признание, что рабочие и солдаты не поддерживали выступление Корнилова, и потому оно потерпело поражение¹⁶².

Последняя ипостась П.Н. Милюкова, которая, по мнению автора, наилучшим образом удалась историку – «идеолог буржуазии». На этот образ, считает историограф, как нельзя лучше работало его интеллигентское положение. В силу чего Павел Николаевич имел «возможность отбрасывать временные нужды отдельных групп буржуазии и быть всегда идеологом чистых общебуржуазных стремлений»¹⁶³. В эмиграции, считает О.А. Лидак, у П.Н. Милюкова началась переоценка ценностей: историк обратился к изучению истории «белого движения» и поиску причин его неудач. Несмотря на все это, резюмирует автор, он оставался верен своим убеждениям: «в России все идет к гибели, что никакого восстановления хозяйства нет»¹⁶⁴. Такой вывод был сделан на основе анализа опубликованных в «Последних новостях» заметок/статей. Итак, А.О. Лидак следовал по проторенному М.Н. Покровским «историографическому пути», особенность которого состояла в использовании историографии в качестве инструмента борьбы с политическим противником – врагом!

Иной подход к разработке историографической тематики демонстрировала М.В. Нечкина. Интерес к этим сюжетам зародился у историка еще в студенческие годы. Результат ранних поисков был изложен исследовательницей в итоговом сочинении «Русская история в освещении экономического материализма» (опубликованном в 1922 г. в Казани). Уже в

¹⁶² Там же. С. 173.

¹⁶³ Там же. С. 212.

¹⁶⁴ Там же. С. 210.

этой работе М.В. Нечкина задавалась проблемой предметной области историографии, которая, по ее мнению, призвана представить «общую картину развития исторической науки – смену различных школ и течений, результаты исследований этих школ»¹⁶⁵. Историографическая мысль М.В. Нечкиной двигалась в фарватере поисков новых познавательных парадигм, когда прежняя картезианская картина мира не отвечала требованиям времени прежде всего в силу чрезмерного упрощения реальности. Новой, более сложной в плане объяснения окружающей действительности, исследовательской программой стало неокантианство, один из постулатов которого – это признание особой роли «субъекта познания – ученого, предстающего теперь не простым фиксатором объективной реальности, а выступающего почти творцом, привносящим даже в научное знание особенности своей личности»¹⁶⁶. В предложенной М.В. Нечкиной модели историографического исследования субъектность занимала магистральное место: биография рассматривалась автором условным «введением» к научному творчеству историка. Но какова связь между жизнью историка и его научными исследованиями? По мнению Милицы Васильевны, прояснить данный аспект возможно, обратившись к изучению психологии творчества. Для этого «надо исследовать <...> каждого историка и затем выяснить общую картину развития "истории истории"»¹⁶⁷. Вообще среди образованных кругов интерес к психологии в целом и психоанализу З. Фрейда достиг небывалого масштаба, не стала в этом случае исключением и М.В. Нечкина¹⁶⁸. Это увлечение отразилось в дневниковых записях, лирическом

¹⁶⁵ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 11.

¹⁶⁶ Тихонов В.В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 258.

¹⁶⁷ Нечкина М.В. Русская история... С. 17.

¹⁶⁸ М.В. Нечкина проявляла глубокий интерес к возможностям применения методов других наук, прежде всего психологии, в историческом исследовании. В 1921 г. своими мыслями она поделилась с историком-медиевистом, профессором Петроградского университета Л.П. Карсавиным. Сохранился ответ Льва Платоновича, в котором он предостерегает младшую коллегу от увлечения психоанализом: «Поверьте мне, все-таки хоть немножко-«ученому», и не верьте ни в «известных психиатров», ни в «научный метод», ни в иные фетиши и фантомы, а только – в свой собственный ум». По мнению Л.П. Карсавина, «выводы психиатрии и психиатров» в научном плане ничего не стоят, поскольку для них характерны «бедность образов» и «наклеивание ярлычков». Цит. по: Письмо к М.В. Нечкиной Л.П. Карсавина // «История в человеке»... С. 511 – 512.

творчестве историка ¹⁶⁹. Еще один важный и сложный аспект историографического исследования, по мнению М.В. Нечкиной, связан с сетью заимствований, ведь, подчеркивает автор, «вся историография – русская или какая-либо иная, представляет из себя сложную и непрерывную сеть влияний, заимствований, исправлений, новых изобретений, отрицательных влияний»¹⁷⁰. Установить заимствование, считает историограф, можно благодаря текстуальному сопоставлению.

Проследим, как эти методологические поиски преломлялись/ воплощались в конкретно-историографических исследованиях историка. В качестве примера мы взяли ее работы, посвященные творчеству В.О. Ключевского. Следует сказать, что творческое наследие и личность этого ученого интересовали М.В. Нечкину на протяжении ее долгого научного пути. Точка была поставлена в 1974 г. – в свет вышла монография «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества» (М., 1974.). В предисловии автор поделилась с читателями фактами своей научной биографии: ««Изучение темы я начала в 1921 г. в Казанском университете – она вошла в состав моей, по-теперешнему «аспирантской», программы. Позже была поставлена цель монографического изучения Ключевского. Законченную рукопись моей первой монографии я привезла в 1924 г. в Москву, она рассматривалась в Институте красной профессуры на историографическом семинаре М.Н. Покровского (который сам в свое время был учеником Ключевского) и РАНИОНе, где в обсуждении ее приняли участие ученики Ключевского (М.М. Богословский, В.И. Пичета, Ю.В. Готье, М.К. Любавский и др.). Часть работы была опубликована в 1930 г. в вышедшем под редакцией М.Н. Покровского двухтомнике «Русская историческая литература в классовом освещении». Моя работа была тогда построена в плане проблемного анализа социологической концепции

¹⁶⁹ См. об этом: Тихонов В.В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 258 – 260; Шевелева П.В. Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М.В. Нечкиной) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 76 – 119.

¹⁷⁰ Нечкина М.В. Русская история... С. 20.

Ключевского, взятой преимущественно статически. Это не удовлетворяло меня. Хотелось дать историю жизни и творчества Ключевского, показать процесс формирования и развития его понимания истории России. Но осуществлению этого плана мешало в те годы отсутствие архивных материалов из фонда Ключевского, еще не поступившего на хранение»¹⁷¹.

С самокритикой автора невозможно не согласиться: в работе 1922 года Милица Васильевна биографические сведения о В.О. Ключевском оставила за пределами своего внимания. В тот период автора интересовали теоретико-методологические взгляды ученого, которые нельзя, по ее мнению, охарактеризовать ни как материалистические, ни как идеалистические в чистом виде. Это обстоятельство осложняло изучение проблемы. М.В. Нечкина по этому поводу писала: «все время колеблешься: временами он кажется определенным дуалистом типа Киреева: идеи – это одно, а экономика – другое, обе группы явлений развиваются по собственным законам; временами он выражает мнение, типичное для историка-идеалиста: основа и двигатель всего – идея, лежащая в существе каждого исторического факта»¹⁷².

Тема соотношения «идеального» и «материального» в исторической концепции В.О. Ключевского была раскрыта М.В. Нечкиной в отдельной статье, напечатанной в 1923 г. в журнале «Красная новь»¹⁷³. Данная проблематика принципиальна для марксистского видения историографического процесса, конструируемого М.Н. Покровским. Но М.В. Нечкина в своем поиске не огрубела этот процесс. Исследовательница старалась не просто определить методологическую позицию своего героя, ею была поставлена научная проблема «движения» и трансформации понятий/терминов, придания им различных смыслов. М.В. Нечкина в данной работе представила подробный обзор литературы об исторических взглядах

¹⁷¹ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества». М.: Наука, 1974. С. 5 – 6.

¹⁷² Нечкина М.В. Русская история... С. 178

¹⁷³ Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе // Красная Новь. 1923. № 5. С. 174 – 203.

Василия Осиповича, набросав историографический образ ученого. П.Н. Милюков считал В.О. Ключевского «материалистом с некоторым своеобразным оттенком», в отличие от В.М. Хвостова и С.И. Тхоржевского, которые полагали, что историк далек от материализма. Точка зрения А.С. Лаппо-Данилевского, по мнению М.В. Нечкиной, отличалась «колебаниями и нерешительностью» в определении методологических позиций Ключевского. Причина названных разногласий, считает историограф, связана с тем, что «исследователи брали понятие "идея" как раз навсегда данное и имеющее всем понятный и определенный смысл», оставляя без внимания при этом представления В.О. Ключевского о зарождении "идей"¹⁷⁴. В этой связи М.В. Нечкина указала на изживание гегельянской терминологии в исторических исследованиях конца XIX в., поэтому слово «идея» – «только манера выражаться, принятый на веру термин, вошедший в привычку еще в дни молодости» историка¹⁷⁵. «Идеи» у В.О. Ключевского, по мнению автора, играют «служебную, а не самодавлеющую или заглавную роль в историческом процессе» – они всегда следуют за социально-экономическими изменениями¹⁷⁶. В споре идеалистов и материалистов Милица Васильевна занимает свою позицию, предложив оригинальный взгляд на проблему. «Неторопливый и осторожный Ключевский, воспитанный на идеалистических концепциях терминологии, впитал их, пользовался ими в своих исторических работах и оставался им верен всю жизнь, – писала исследовательница, – но чуткий исследователь в неторопливом и осторожном В.О. Ключевском приходил часто в своем исследовании к совсем материалистическим выводам, прикрывая их тонкой сеткой идеалистической терминологией»¹⁷⁷.

После переезда в 1924 г. в Москву М.В. Нечкина продолжила изучение творчества В.О. Ключевского. Ею был подготовлен и прочитан доклад по

¹⁷⁴ Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского... С. 176.

¹⁷⁵ Там же. С. 178.

¹⁷⁶ Там же. С. 180 – 181.

¹⁷⁷ Там же. С. 196.

этой теме на историографическом семинаре М.Н. Покровского в ИКП. Впоследствии текст выступления был дополнен и напечатан в сборнике «Русская историческая наука в классовом освещении»¹⁷⁸. С позиций классового подхода автор представила биографию ученого. «Социальный портрет» историка получился следующий: Василий Осипович Ключевский – выходец из беднейших слоев сельского духовенства, на котором династия священнослужителей прервалась. Учеба в семинарии, разрыв с ней и поступление в Московский университет – при описании этих вех жизни В.О. Ключевского исследовательница использовала эго-источники (опубликованная переписка историка с товарищами по семинарии, воспоминания сестры историка – Е.О. Виргинской), а также «устное предание», так она назвала беседу с Борисом Васильевичем Ключевским (встреча состоялась в бывшем доме В.О. Ключевского, 16 июня 1924 г., с 12 ч. дня до 6 ч. 5 минут вечера)¹⁷⁹. Краткая запись об этом разговоре, сделанная Милицей Васильевной, опубликована¹⁸⁰. Затронула исследовательница в разговоре с сыном ученого и интересовавший ее сюжет – публикацию в 1922 г. V тома «Курса по русской истории». В 1922 г. в «Вестнике просвещения» вышла рецензия М.В. Нечкиной на это издание, в котором она возразила Я.Л. Барскову, будто изданный им том «Курса» Ключевского по литографии прослушанных им лекций в 1882-1883 гг. можно считать заключительным и неизменным с тех пор¹⁸¹. Б.В. Ключевскому данное издание также не пришлось по душе: «Начали с V тома и с Барскова. «V т[ом] – литературное предательство». Много раз повторил он Б[арсков] – его бывший друг. «Дотошно» описал всю его [Б.В. Ключевского – В.Г.] «карьеру»¹⁸².

¹⁷⁸ Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1930. Т.2. С. 217 – 350.

¹⁷⁹ Там же. С. 218.

¹⁸⁰ Нечкина М.В. Разговор о Василии Осиповиче Ключевском с его сыном Борисом Васильевичем Ключевским // «История в человеке»... С. 86 – 87.

¹⁸¹ Беленький И.Л. Беседа М.В. Нечкиной с Б.В. Ключевским 16 июня 1924 г. // «История в человеке»... С. 84 – 85.

¹⁸² Там же. С. 87.

Вообще публикация V тома стала знаковым событием научной жизни. Мы уже упоминали о реакции М.Н. Покровского на это издание. Напомним, что Михаила Николаевича возмутил сам факт выхода, по его мнению, устаревшей книги, к тому же с «немарксистскими» комментариями. Как видим, критика М.В. Нечкиной в 1922 г. носит источниковедческо-археографической характер, а не идеолого-политический! Рассматривая политические взгляды В.О. Ключевского, М.В. Нечкиной удалось избежать огрубления материала тривиально-классовым подходом. В работе 1930 г. исследовательница отметила: «все зигзаги политической эволюции В.О. Ключевского не вышли из границ буржуазного либерализма: начав с близости к земскому движению, он кончил формальным вступлением в партию кадетов»¹⁸³. Неоспоримое достоинство концепции В.О. Ключевского, по ее мнению, состоит в представлении роли экономических факторов в русской истории. Однако В.О. Ключевский, с сожалением констатировала М.В. Нечкина, так и не смог «отречься от старой схемы», в основе которой лежало понимание государства как о «национального целого». Завершила статью М.В. Нечкиной историческим параллелями: «Эта трагедия Ключевского [речь идет об «отречении от старой схемы» – *В.Г.*] и определяет его место в развитии русской исторической мысли. Он напоминает царя Алексея Михайловича, метко зарисованного в его лекциях: "одной ногой он еще крепко упирался в родную православную страну, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении"»¹⁸⁴.

А.А. Кизеветтер, в упоминавшейся выше рецензии, позитивно оценил данную работу, отметив добросовестность и подробность изложения взглядов В.О. Ключевского¹⁸⁵. Однако «ахиллесовой пятой» историографических построений Милицы Васильевны рецензент назвал

¹⁸³ Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1930. Т.2. С. 251.

¹⁸⁴ Там же. С. 345 – 346.

¹⁸⁵ Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке... С. 517.

объяснение взглядов В.О. Ключевского, не укладывавшихся в материалистическую концепцию истории (например, «национальное чувство» или «идея общего блага»), незнанием теории К. Маркса. И так, историк недоумевает: «Г-же Нечкиной не приходит в голову, что Ключевский, наверное, был знаком с марксистской теорией еще тогда, когда М. Нечкиной не было на свете, и если он этой теорией не соблазнился, то, очевидно, у него были на это свои теоретические основания. А вот М. Нечкина наивно полагает, что такой крупный историк, как Ключевский, мог не разделять этой теории только в том случае, если он ее не знает»¹⁸⁶. В этой связи любопытна параллель с замечаниями П.Л. Капицы, которые он высказал уже по поводу монографии о В.О. Ключевском 1974 г. В письме к Милице Васильевне 25 июля 1974 г. он отметил: «Вы называете Ключевского буржуазным ученым и не раз сетуете, что он не использовал марксистского метода, основанного на изучении классовых противоречий»¹⁸⁷. В ответном письме М.В. Нечкина (28 сентября 1974) не согласилась с замечанием, заявив: «Поправка. Я нигде не упрекаю Ключевского за то, что он не марксист! Нигде. Я констатирую это. А так как наука не лишена эмоций, я могу делать это (имею «право»), констатировать с сожалением, с оттенком печали. Но и только!»¹⁸⁸.

Историк А.А. Кизеветтер и физик П.Л. Капица с разницей почти в 50 лет отметили одну и ту же деталь, иллюстрирующую историографической почерк М.В. Нечкиной. В его основе парадоксальным образом переплетено научное и политически-советское: признание В.О. Ключевского величайшим ученым с одновременным сожалением, что он – не марксист!

Таким образом, историографический нарратив М.В. Нечкиной представляется нам более сложно сконструированным текстом в сравнении как с М.Н. Покровским, так и с представителями новой генерации историков. В ее словарь описания входит марксистская лексика, она пытается строить

¹⁸⁶ Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке... С. 518.

¹⁸⁷ П.Л. Капица – М.В. Нечкиной // «История в человеке... С. 93.

¹⁸⁸ Там же. С. 95.

свой анализ, опираясь на материалистическое понимание истории и классовый подход. Но нельзя не заметить полного соответствия словаря реальному нарративу, в котором проблематизируется как индивидуальность героев/ писателей историков, так и сознательные интерпретационные поиски самой Нечкиной.

Наряду с ИКП центром марксистской историографической мысли в 1920-е гг. стал Институт истории РАНИОН. В его состав входили и историки-марксисты, и ученые «старой школы». Институт истории, отмечают современные исследователи, осуществлял «проведение исследований и подготовку аспирантов в рамках широкого спектра исторических проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории»¹⁸⁹. На заседаниях секторов Института обсуждались доклады, посвященные истории исторической науки. Д.М. Петрушевский представил доклад «П.Г. Виноградов как социальный историк» (4 ноября 1927 г.), В.К. Никольский – «Кунов, как этноэкономист» (16 ноября 1927 г.) и «Новейшие направления в этнологии» (29 ноября 1927 г.).

В 1927 – 1928 гг. в РАНИОНе работали специальные историографические семинары. На семинаре, посвященном русской историографии (руководитель – М.Н. Покровский), были заслушаны доклады аспирантов – В.М. Хвостова «Вопрос о происхождении крепостного права в русской исторической литературе», С.В. Захарова «Петровская реформа в русской историографии», П.П. Парадизова «Декабристы в русской историографии» и др. В рамках семинара по историческому материализму под руководством А.Д. Удальцова результатами своих изысканий в области историографии и методологии поделились Р.А. Авербух «Н.А. Рожков как социолог», А.С. Нифонтов «Историко-философские взгляды

¹⁸⁹ Ключев А.И., Метель О.В. «Место такому институту, естественно, в Коммунистической академии». Как был ликвидирован Институт истории РАНИОН. 1929 г. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 90.

Чернышевского», Б.Ф. Поршнева «Методология М.В. Вебера и марксизм» и др.¹⁹⁰.

Институт истории РАНИОНа – центр, в стенах которого сосуществовали марксистские, и дореволюционные, буржуазные, исследовательские практики. Институциональный «котел» создавал, казалось, условия для выработки принципиально нового подхода к созданию исторического и историографического нарративов. Но этого не произошло – в 1929 г. Институт был ликвидирован. Причин несколько. Одна из них – изменилась «роза ветров» по отношению к ученым «строй школы». «Академическое дело» поставило точку в истории дореволюционной историографической традиции – в последующие периоды будут слышны незначительные ее отголоски. С этого времени монопольное положение заняла марксистская модель историографического исследования. Показательна в этом плане серия работ сотрудника РАНИОНа С.А. Пионтковского начала 1930-х гг., имевшая цель историографически сокрушить русскую буржуазную историческую науку, дав ей в свете новых событий научную (в марксистском понимании) оценку¹⁹¹.

Исторические работы представителей «буржуазной» науки, считает С.А. Пионтковский, следует воспринимать как «форму политических выступлений». Исследователь предложил модель историографического анализа этих работ, «три кита» которой являются: 1) тематика, 2) содержание и 3) методология. Итак, что же интересовало «буржуазных» историков в начале XX в.? Внимание исследователей было приковано к истории государства, это тема, по мнению автора, является продолжением традиции, заложенной еще в XIX в. Отметил С.А. Пионтковский и «сдвиги» в этой проблематике. Причины перемен исследователь объяснил

¹⁹⁰ Сидоров А.В. Теоретико-методологические подходы... С. 271 – 272.

¹⁹¹ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 21 – 26; Он же. Великодержавная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18-19. С. 157 – 171; Он же. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; Он же. Что читать по истории России. М., 1931; Он же. Борьба М.Н. Покровского с российской буржуазной историографией // Историк-марксист. 1932. № 6. С. 85 – 99; Он же. Историография крестьянских войн // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 80 – 119.

трансформацией российской буржуазии в обозначенный период. Правда, какие конкретно «сдвиги» произошли и как в связи с этим изменились исследования «буржуазных» историков, исследователь не осветил. Автор представил «классовые» зарисовки крупных представителей ученого сообщества начала XX века.

Начинает он с С.Ф. Платонова. Политическая программа С.Ф. Платонова была сформулирована в ряде крупных работ историка («Полный курс лекций по русской истории», «Очерки по истории смутного времени») и пересекалась во многом со взглядами В.О. Ключевского. Оба историка, отметил автор, рассматривают российский исторический процесс с позиции необходимости охраны и поддержки государства и торговли. И В.О. Ключевский, и С.Ф. Платонов отрицали классовую борьбу как движущую силу истории. Налицо упрощение исторических взглядов историков на роль социальных противоречий и конфликтов в русской истории. Отличаются историки, по мнению С.А. Пионтковского, политическими предпочтениями: С.Ф. Платонов – консерватор, сторонник «самодержавия без оговорок», в то время как В.О. Ключевский отстаивал идею «правового государства», за что и получил от автора определение «идеолога торговой буржуазии города, кулацкой буржуазии деревни»¹⁹².

Идеологию «чистой промышленной буржуазии», по мнению С.А. Пионтковского, выражали историки, придерживавшиеся полярных политических взглядов: материалисты, М.И. Туган-Барановский, Н.П. Павлов-Сильванский, либералы, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков¹⁹³. Для названных исследователей общим является, по мнению автора, отказ от революции как способа социальных трансформации. Так, «певец» российского капитализма, М.И. Туган-Баранский историческое развитие России сводил к росту промышленного капитализма, благоприятные условия для развития которого, по его мнению, возможно создать только с помощью

¹⁹² Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России... С. 31.

¹⁹³ Там же. С. 44.

реформ. С.А. Пионтковский упрекнул за это историка, едко заметив, что он «видит лишь увеличение процента предпринимательской прибыли», игнорируя тем самым остроту классовой борьбы. Идея Туган-Барановского о возможности трансформации российской власти в конституционную монархию оценивается С.А. Пионтковским как регрессивная и отсталая.

Для либеральных сторонников программы промышленной буржуазии, напомним, к ним он относит П.Н. Милюкова и А.А. Кизеветтера, политический идеал – «власть, правящая с общественностью» в лице муниципалитетов, земств¹⁹⁴. Этот идеал и задавал ракурс их исторических исследований – изучение тех «явлений русского прошлого, которые были наглядными показателями уничтожения феодального строя и торжества буржуазной системы отношений»¹⁹⁵.

С.А. Пионтковский считает, что П.Н. Милюков интересен для исследователей только благодаря своему «славному» политическому прошлому. Исторические труды Павла Николаевича, считает автора, лишены оригинальности и самостоятельности – историк повторяет С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Новым у П.Н. Милюкова, по мнению С.А. Пионтковского, стало применение социологического метода, призванного «давать объяснения с точки зрения социальной почвы, на которой выросло то или другое явление»¹⁹⁶. С.А. Пионтковский излагал свои мысли сбивчиво. Перечислив достоинства социологического метода, автор сразу оговорил, что этот метод по сравнению с идеалистическим подходом «не был шагом вперед, а был сигналом о том, что буржуазная теоретическая и историческая мысль зашла в тупик»¹⁹⁷. Наряду с новационным социологическим методом в «буржуазной» историографии продолжал применяться формально-юридический/догматически-правовой метод. Применение в исторических трудах этого метода связано, полагает автор, с развитием

¹⁹⁴ Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России... С. 46.

¹⁹⁵ Там же. С. 52.

¹⁹⁶ Там же. С. 57.

¹⁹⁷ Там же. С. 57.

«частнособственнической системы отношений»¹⁹⁸. Автор уличает историков «старой школы» в «юридическом грехе»– отрыве «юридической формы от почвы, на которой она выросла, пытаясь анализировать и изучить эволюцию юридических форм саму в себе», то есть вне связи с производственным процессом¹⁹⁹.

В целом отечественный историографический процесс второй половины XIX – начала XX вв., по мнению С.А. Пионтковского, отличался националистическими интерпретациями событий русской истории в трудах Ключевского, Платонова, Бахрушина, Любавского и др. Этому сюжету был посвящен доклад ученого на заседании историков-марксистов в 1930 году²⁰⁰. Великодержавные тенденции, с его точки зрения, ярко проявились в пристальном внимании представителей буржуазной науки к колониационным сюжетам. Вследствие чего многонациональная история России ограничивалась только историей Великороссии. С.А. Пионтковский подчеркнул, что эти тенденции до сих пор сохраняются в исторической науке. Констатировал исследователь и то, что буржуазная историческая наука до Октябрьской революции «начала гнить раньше, чем все остальное буржуазное общество»²⁰¹.

История советской исторической науки второй половины 1930-х гг. также была наполнена драматическими событиями. На этот раз врагами были объявлены «красные профессора» и их идейный предводитель – М.Н. Покровский. Историография снова превратилась в орудие низвержения былых классиков. На страницах ведущих исторических изданий «Историк-марксист», «Большевик», «Борьба классов» с завидной регулярностью стали появляться разгромные статьи в адрес М.Н. Покровского и его «школы». Апогеем этой кампании стал подготовленный Институтом истории АН СССР двухтомник «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (Ч.1.,

¹⁹⁸ Там же. С. 56

¹⁹⁹ Там же. С. 56.

²⁰⁰ Пионтковский С.А. Великодержавные тенденции в историографии России... С. 21 – 26.

²⁰¹ Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России... С. 62.

1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (Ч.2., 1940). В нем приняли участие ведущие историки – Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров, М.В. Нечкина и др.

В предисловии первого тома говорилось, что причины издания такого сборника связаны с назревшей необходимостью «преодоления вредных взглядов Покровского и ликвидации последствий вредительства на историческом фронте»²⁰². Критика работ М.Н. Покровского, по мнению составителей, должна оказать большое влияние на развитие советской науки и культуры.

В диссертационном сочинении этот сюжет оставлен за скобками, поскольку он довольно подробно освещен в исследовательской литературе²⁰³. Отметим, что современные авторы солидарны в оценке этого издания как этапного события в формировании сталинской модели науки с сопутствующей дискриминацией «советского классика». В то же время двухтомник предоставил некоторым ученым возможность свести личные и научные «счеты» с М.Н. Покровским. Современный историк А.М. Дубровский заметил, что благодаря сборнику «сложились определенные традиции – историографические штампы, порожденные не исследованием источников, а изучением и использованием высказываний основоположников марксизма-ленинизма»²⁰⁴. Не следует упрощать происходившие историографические процессы, сводить их исключительно к теме взаимоотношений науки и власти – потребность в научной критике концепции Михаила Николаевича назрела уже в конце 1920-х гг.

Определенные изменения в развитии историографии наблюдаются в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Сдвиги были вызваны и внутри, и

²⁰² От Института истории Академии наук СССР (предисловие) //Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч.1. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Режим доступа: <http://pokrovsky.newgod.ru/research/protiv-istoricheskoy-koncepcii-pokrovskogo-1/ot-instituta-istorii-akademii-nauk-sssr/> (дата обращения: 12.05.2020).

²⁰³ Осадченко Б.А. Историки в эпоху «большого террора». Борьба с концепцией М.Н. Покровского // Очерки по истории исторической науки XX века: монография / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 449 – 557; Тихонов В.В. Идеологические кампании...; Дубровский А.М. Власть и историческая наука в СССР (1930 – 1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017 и др.

²⁰⁴ Дубровский А.М. Власть и историческая наука... С. 271.

внешнеполитическими обстоятельствами. В 1934 г. приказом народного комиссара по просвещению РСФСР были восстановлены исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах²⁰⁵. Согласно этому документу, начиная с IV курса студенты-историки должны были пройти специализацию и подготовить дипломное сочинение по одной из следующих дисциплин: история древнего мира, история средних веков, история СССР и история зависимых и колониальных стран. Историография в качестве самостоятельной дисциплины в этот период не выделялась. Хотя об отдельных случаях преподавания историографии известно. Так, с 1936 г. Н.Л. Рубинштейн читал курс по русской историографии в МИФЛИ, а с 1938 года – в МГУ. В 1936 – 1937 учебном году историограф прочел 26 лекций²⁰⁶. Стенограммы этих лекций были размножены в 20-ти экземплярах и оформлены как библиотечные издания в образовательных целях – для лучшей подготовки студентов. Надо сказать, что в означенный период учебники имелись далеко не по всем университетским дисциплинам. Студент «второго набора» МГУ Б.Г. Тартаковский спустя годы вспоминал: «в отсутствие учебников (слава богу!) нам приходилось читать множество книг «немарксистских» авторов – Соловьева, Ключевского, Преснякова, Платонова, Виппера и других»²⁰⁷.

Спецкурс по историографии средних веков в МГУ вел Е.А. Косминский, в ЛГУ – О.Л. Вайнштейн. Вообще во второй половине 1930-х гг., по мнению А.В. Свешникова, медиевистика оказалась «востребованной властью, мобилизованной»²⁰⁸. История средних веков стала площадкой «интеллектуальной схватки» советских ученых и фашистских

²⁰⁵ Приказ Народного комиссара по просвещению РСФСР А.С. Бубнова «Об открытии исторических факультетов в университетах» от 3 апреля 1934 за № 260 // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 45.

²⁰⁶ Всего в личном фонде историка сохранилась 31 стенограмма лекций: 26 датированы 1936 – 1937 гг., 5 относятся к 1939 г. и представляют собой переработанные версии ранее прочитанных лекций. См.: Лекции по историографии в ИФЛИ// НИОР РГБ. Ф. 521. Карт. 7. Ед. хр. 1.

²⁰⁷ Тартаковский Б.Г. Все это было...: воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 161.

²⁰⁸ Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг.// Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86 – 112. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/sovetskaya-medievistika-v-ideologicheskoy-borbe-koncza-1930-1940-h-godov.html> (дата обращения 19.08.2020)

фальсификаторов истории, а историография – одной из форм идеологической борьбы.

Е.А. Косминский читал лекции по историографии средних веков студентам IV и V курсов, специализирующихся в данной области. В числе первых слушательниц была Е.В. Гутнова. Исследовательница вспоминала: лекции Евгения Алексеевича отличались «глубиной, яркостью теоретической мысли и характеристик тех ученых, о которых шла речь» и посвящались «истории исторической мысли и науки об истории средних веков от Блаженного Августина до середины XIX века»²⁰⁹. Историк также отметила, что ее увлечение историографией произошло под влиянием занятий Е.А. Косминского.

В начале 1940-х гг. были напечатаны работы названных авторов – «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и «Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней» О.Л. Вайнштейна. Эти труды достаточно подробно изучены современными авторами²¹⁰. Поэтому мы обратимся к ним лишь в той связи, как в этих трудах определяется предметная область историографии.

«Русская историография» Н.Л. Рубинштейна стала третьей попыткой целостно представить отечественный историографический процесс в целом. На рубеже XIX – XX веков в поисках осмысления/ выхода из «кризиса буржуазной науки» П.Н. Милюков обратился к истории исторического знания в России. В первые годы советской власти М.Н. Покровский предложил «свой», пропитанный духом времени, нарратив по отечественной

²⁰⁹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. Режим доступа: https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregitoe.html#665234 (дата обращения 18.08.2020).

²¹⁰ Шмидт С. О. Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 202 – 227; Муравьев В.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Там же. С.228 – 233; Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. С. 102–126; Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. VII–СXXXIV; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историк в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. С. 323–372, Соломаха Е.Н. Труд Н. Л. Рубинштейна "Русская историография": его содержание и оценка в отечественной исторической литературе. Монография. Нижний Новгород, 2011 и др.

историографии. Низвержение классика обнажило историографию – нужна новая «история историографии», которая и была предложена Н.Л. Рубинштейном. По его мнению, возможно дать два определения термина «историография». В широком понимании речь идет о «процессе накопления исторических знаний, конкретного исторического материала», то есть о «писании истории»²¹¹. В узком смысле «историография» тождественна «истории исторической науки». Сам Н.Л. Рубинштейн предмет своего изучения пределил следующим образом: «история развития русской исторической науки в условиях развития русской истории в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания»²¹².

Автор декларировал новый для советской исторической науки подход к историографии. Напомним, в исследованиях 1920-х – 1930-х гг. историографии выступал в роли безжалостного и беспристрастного разоблачителя истинной, разумеется, с точки зрения «классового подхода», сути предшественников. Н.Л. Рубинштейн считает, задача исследователя заключается в «раскрытии этого действительного пути развития в диалектическом преодолении прошлого, в творческом процессе критического освоения историографического наследства»²¹³.

В основе «освоения историографического наследства» лежал классовый подход, только в ином, нежели у М.Н. Покровского и его учеников, прочтении. Н.Л. Рубинштейн считал, что главной задачей марксистского анализа является раскрытие «классовой ограниченности пройденного этапа для преодоления этой ограниченности, но вместе с тем для освоения и развития его положительных достижений»²¹⁴.

Исследователем была предпринята попытка вписать историографию в широкий контекст эпохи. Это нашло отражение в предложенной Н.Л.

²¹¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 7.

²¹² Там же. С. 13.

²¹³ Там же. С. 7.

²¹⁴ Там же. С. 17.

Рубинштейном периодизации. Как подчеркивают современные исследователи В.К. Корзун и Д.М. Колеватов, она зиждется на «принципе исторической обусловленности», когда по существу история исторической науки укладывалась в «стройные» ряды периодов русской истории²¹⁵.

Схожий с Н.Л. Рубинштейном подход к историографии наблюдался у О.Л. Вайнштейна. В 1940 г. была напечатана его монография, в основу которой лег упоминавшийся нами курс лекций по истории изучения средних веков. Автор отметил изменение в последнее время отношения к историографии в мировой науке. В качестве примера О.Л. Вайнштейн привел размышления американского историка К. Беккера (Carl Becker)²¹⁶: «историография до сего времени редко бывала чем-то большим, нежели перечень историков и их трудов с некоторыми указаниями на цели и точки зрения авторов, характер использованных ими источников и ценности их работ»²¹⁷. Поэтому, считает О.Л. Вайнштейн, не стоит сводить историографию к «собранию характеристик различных историков»²¹⁸. Что же тогда историография? Термин «историография», по его мнению, употребляется в двух смыслах: как «совокупность исторических произведений какой-нибудь эпохи, страны, класса», и как «история развития исторической науки или определенного ее раздела»²¹⁹. Нетрудно заметить, что взгляды О.Л. Вайнштейна перекликаются с пониманием историографии Н.Л. Рубинштейна.

Историографическое исследование отличает особый подход, который, по мысли О.Л. Вайнштейна, состоит в систематизации и анализе научных трудов с тем, чтобы подвести «авторов под некоторые определенные категории» – исторические школы/направления²²⁰. Развитие исторический

²¹⁵ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний... С. 341.

²¹⁶ Имеется в виду: Becker C. What is Historiography? // The American Historical Review, Volume 44, Issue 1, October 1938. P. 20–28.

²¹⁷ Вайнштейн О.Л. Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.-Л., 1940. С.5.

²¹⁸ Там же. С. 6.

²¹⁹ Там же. С. 5.

²²⁰ Там же. С. 6.

науки он видел в закономерной смене этих школ/направлений, которая связана с «классовой борьбой». Отсюда вывод: история исторической науки должна изучаться в широком социальном контексте. Не обходит стороной автор и проблему влияния исторической науки на общество (а именно – «на выработку важнейших общественных явлений»).

Таким образом, историографические труды Н.Л. Рубинштейна и О.Л. Вайнштейна существенным образом отличаются от историографических штудий советских авторов в 1920 – 1930-е гг. Для этих ученых характерен научный, академический подход к историографии – отход от «навешивания ярлыков» и «разоблачения идейных противников». Современные историографы считают, что эти работы продолжают прерванную экспериментами «школы Покровского» дореволюционную историографическую традицию, добавив в нее обязательный/непреложный элемент «советского» – классовый подход. Всё это вселяло надежду на продолжение творческого изучения историографии. Однако не стоит идеализировать этот процесс – традиция «школы Покровского», несмотря на широкую ее критику – продолжала существовать. Об этом, в частности, свидетельствуют лекции А.Л. Сидорова, прочитанные аспирантам Московского университета²²¹.

Историографический подход А.Л. Сидорова рассмотрим на примере лекции о Н.А. Рожкове. Лекция разбита на несколько смысловых блоков. Первым делом лектор познакомил студентов с героем: Николай Александрович Рожков – «очень умный и остроумный человек, но страшно скучный историк-писатель»²²². В этой части был представлен интеллектуальный и социальный «портрет» историка. Симптоматична избранная автором линия изложения – прицел на поиск пересечений между Н.А. Рожковым и М.Н. Покровским. В биографиях ученых А.Л. Сидоров обнаружил немало общего. Оба историка «принадлежали к одному

²²¹ В фонде А.Л. Сидорова сохранилось стенограмма двух лекций: «Н.А. Рожков» (7 января 1939) и «А.П. Щапов» (1940). См: НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 75. Ед. хр. 1; 4.

²²² Н.А. Рожков. Стенограмма лекции // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 75. Ед. хр. 1. Л. 1.

поколению и к одной и той же школе [московской – В.Г.], имели одних и тех же учителей»²²³. И Н.А. Рожков, и М.Н. Покровский предприняли «попытку соединить традицию русской буржуазной историографии с тем новым, что вносит в дело изучения истории Маркс»²²⁴. Однако образ меньшевика Н.А. Рожкова в лекции оказался более симпатичным, нежели образ вчерашнего классика, «старого большевика» М.Н. Покровского. Дело в том, что Николай Александрович, по мнению лектора, ближе стоял к марксизму, нежели Михаил Николаевич, поскольку больше занимался революционной деятельностью. Неверными назвал А.Л. Сидоров оценки М.Н. Покровского исторических трудов Н.А. Рожкова. Напомним, что Михаил Николаевич причислил его к представителям мелкобуржуазной интеллигенции. Это, отметил автор, не соответствует ленинской характеристики русского меньшевизма.

Вторая часть лекции посвящена разбору работ Н.А. Рожкова. А.Л. Сидоров предложил слушателям следующую схему историографического анализа: «Так как Рожков развивался и прошел определенные этапы своего развития, надо взять наиболее типичные работы, которые характеризуют исторические взгляды Рожкова для каждого периода»²²⁵. То есть исторические произведения автора следует подвести под установленные рамки – периоды развития «русского меньшевизма». Далее лектор, следуя этому плану, приходит к ожидаемым выводам: Н.А. Рожков дает «чисто меньшевистскую концепцию сущности марксистской теории и приклеивает себе ярлык марксиста»²²⁶. А.Л. Сидоров отметил, что ни Н.А. Рожков, ни М.Н. Покровский не владели марксистской методологией – они представители «старой школы» и их трудами «заканчивается буржуазная интерпретация русского исторического процесса»²²⁷. Казалось бы, причем здесь М.Н. Покровский – ведь речь идет о Н.А. Рожкове? Напомним, что

²²³ Там же. Л.1

²²⁴ Там же. Л.2.

²²⁵ Там же. Л.4.

²²⁶ Там же. Л.39.

²²⁷ Там же. Л.39.

лекция была прочитана в разгар «антипокровской» кампании – свержения историка с научного «Олимпа». Несмотря на нескрываемо ангажированный ракурс лекции, повествование А.Л. Сидорова лишено политизированной лексики, эмоционально-боевого запала, присущего многим статьям сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского». Но и научного анализа, творческого осмысления возможностей марксизма в историографии, представленного, например, в лекциях Н.Л. Рубинштейна, не наблюдается.

Таким образом, в 1920 – середине 1940-х гг. историография переживала неоднозначный, противоречивый, драматичный период своего развития. В 1920-е гг., до рубежной границы – до «академического дела», параллельно существовали две историографические традиции. Представители «старой школы» использовали историографию для сохранения дореволюционного подхода к историографическим исследованиям. Историки-марксисты использовали историографические сюжеты в политических целях – историографический анализ стал инструментом выявления врагов в исторической науке. Образ «ученого-врага» в течение обозначенных десятилетий менялся/наслаивался друг на друга. Так, в 1920-е г. врагом новой марксистской исторической науки были объявлены представители дореволюционной исследовательской школы, так называемые «буржуазные» историки, в конце 1920-х гг. к ним добавились сторонники внутрипартийных уклонов, с середины 1930-х гг. шквал официальной критики обрушился на историков, стоявших у основания марксистской историографии. Писалась таким образом «историография победителя», одной из особенностей которой стала лексическая маркировка «своих»/«чужих». По отношению к последним, например, всегда применялась агрессивная лексика, мало отличающаяся от политической. Формировалась традиция презентации научного знания в «обратном порядке», начиная с наивысшей точки развития – марксизма.

Накануне войны забрезжил свет надежды – вернуть историографические исследования в научное поле. Примерами таких исследований стали работы

Н.Л. Рубинштейна и О.Л. Вайнштейна. Сведений о развитии историографии в годы Великой Отечественной войны крайне мало. Известно о защите в 1942 г. в эвакуации в Томске кандидатской диссертации Е.В. Гутновой «Томас Карлейль как историк», в основу которой лег доклад, заслушанный в конце 1930-х гг. на спецсеминаре по историографии средних веков у Е.А. Косминского. С другой стороны, в годы войны сохранилось отношение к историографии как инструменту борьбы с внешним врагом. На совещании историков летом 1944 г. в ЦК ВПК(б) неоднократно отмечалась слабость историографических исследований в обозначенном плане. Было указано и на недостатки «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна. В частности, С.К. Бушуев заявил: «В этой работе имеется целый ряд крупных существенных пробелов, и, главное, неприятно – не чувствуется того, что именно можно назвать любовью к родине, к нашим героям, к нашим деятелям, которые тогда в трудных условиях стремились к тому, чтобы изгнать немцев из Академии наук, которые отрицательно влияли на развитие науки, насаждали склоки, интриги»²²⁸. С подобным фанатичным и бессмысленным патриотическим запалом не согласился автор критикуемого издания. Н.Л. Рубинштейн подчеркнул: «Достоинством своей работы в данном случае я считаю как раз то, что я показал органическое развитие русской историографии, и я этим бил по мнению о том, что немцы, дескать, создали русскую науку»²²⁹.

После окончания войны тональность несколько сменилась – забрезжила надежда на воплощение «историографической мечты» и освобождение дисциплины от «оков» борьбы.

²²⁸ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 57.

²²⁹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 95.

ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

2.1. Комиссия по истории исторической науки: организация, замысел, начало функционирования

После окончания Великой Отечественной войны в советском интеллектуальном сообществе наблюдается небывалый интерес к истории отечественной науки. Это было связано с пафосом Победы в самой кровопролитной в истории человечества войне, значительный вклад в которую внесли советские ученые, с пышным празднованием 220-летней годовщины Академии наук СССР в июне 1945 г. Программа юбилейной сессии предполагала обращение к истории отечественной науки в выступлениях на заседаниях²³⁰, в выставках печатной продукции и документов по истории Академии²³¹, в специально выпущенных к празднованию научных и научно-популярных изданий²³². Славное прошлое русской науки упоминалось и в поздравительных приветствиях иностранных ученых. Также в 1945 г. начал работу Институт истории естествознания и техники АН СССР²³³.

²³⁰ С 15 по 30 июня 1945 г. в Москве и Ленинграде прошла юбилейная сессия, приуроченная к 220-летию Академии наук СССР. На ее торжественных заседаниях были зачитаны доклады «Роль АН в историческом развитии органической химии» (Н.Д. Зеленский), «Академик Панфутий Львович Чебышев и русская школа математики» (Б.Н. Делоне), «Советская школа аэродинамики в Академии наук СССР» (Б.Н. Юрьев), «Новое в учении о языке» (И.И. Мещанников), «Академик Иван Петрович Павлов и русская физиологическая школа» (Л.А. Орбели). См. об этом: Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г. Т.1. М., 1948.

²³¹ Были организованы выставка «Академия наук за 220 лет» в Фундаментальной библиотеке общественных наук, выставка документов по истории Академии наук СССР в Архиве АН СССР.

²³²

²³³ Институт считает правопреемником ликвидированного в 1938 г. Института истории науки и науки. О необходимости такого учреждения президент АН СССР, академик В.Л. Комаров говорил лично со Сталиным 13 ноября 1944 г.: «Война, как мне кажется, показала, как важно для государства, чтобы в народной памяти сохранялось культурное прошлое народа. Кроме того необходимо обеспечить ведущую роль советской науки в исследованиях по истории естествознания, как мирового, так и русского. Я хочу познакомить Вас с письмом, которое направили мне старейшие русские учёные академики В. И. Вернадский и Н. Д. Зелинский. Они просят меня организовать Институт истории естествознания и возглавить этот институт». И.В. Сталин идею поддержал и 22 ноября 1944 г. вышло Постановление об организации Института. Цит. по: Груздинская В. С., Корзун В. П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 284.

В следующем, 1946 году интерес к истории науки оставался высоким. В рамках отделений АН СССР продолжали работу созданные в военное время комиссии по истории физико-математических наук²³⁴ (председатель – А.Н. Крылов, с 1946 г. – С.И. Вавилов), по истории биологических наук²³⁵ (председатель – член-корреспондент Х.С. Коштоянц), по истории техники (председатель – академик Б.Н. Юрьев). Продолжила работу созданная еще в 1938 г. комиссия по истории Академии наук СССР (председатель – С.И. Вавилов)²³⁶. Кроме того, в 1946 г. в институциональной структуре АН СССР появились две новые комиссии: 1) по истории химии (председатель – А.Е. Арбузов) и 2) по истории исторической науки.

Этот институциональный рост, с одной стороны, отразил сложные процессы взлета национального сознания страны-победительницы. Изменяются настроения научной элиты, интенции власти в связи с новым геополитическим пространством и пониманием важности научного поля. Теперь, как отмечает современная исследовательница М.А. Мамонтова, главным героем публичного дискурса стал «русский ученый», не просто сменивший на этой позиции «русского полководца», но и перенявший ряд важнейших социальных функций, связанных «с воспитанием патриотизма и самопожертвования ради расцвета советской науки, а значит Советского государства»²³⁷. С другой стороны, произошедшая в годы войны «мобилизация» интеллектуальных сил оставалась высокой – в первые

²³⁴ Хроника // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 1. С. 87; Отчет о работе Академии наук СССР за 1943г. М.-Л., 1944. С. 28.

²³⁵ Хроника // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 10-11. С. 101.

²³⁶ Комиссия просуществовала до 1953 г. В ее состав входили: С.И. Вавилов (председатель), Г.А. Князев (заместитель председателя), И.И. Любименко (января по май 1939 г., научный сотрудник), С. Н.Чернов (с мая 1939 г., научный сотрудник), А.А. Елисеев (ученый секретарь). Первоначально планировалось, что деятельность комиссии будет направлена на «написание краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования (объемом 20–25 печ. л.)» и «создание монографий по истории кафедр и учреждений Академии наук». Война расстроила эти планы. Работа над очерком по академической истории завершилась в годы войны. Труд в переработанной версии был опубликован в 1945 г. (Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945.). См.: Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938 – 1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. Т. 13. № 3. С. 27 – 43.

²³⁷ Мамонтова М.А. Как "русский ученый" вытеснил "русского полководца": изменение тематики исторических исследований в СССР в первое послевоенное десятилетие (по материалам «Ежегодника книги СССР»)// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3-1. С. 202.

послевоенные годы она была связана с необходимостью восстановления страны.

В центре нашего внимания – комиссия по истории исторической науки. 31 января 1946 г. Президиум АН СССР принял постановление о ее создании. Комиссия просуществовала до 1961 г. В истории ее существования выделим два периода. Первый период, образно назовем его периодом «историографической мечты», охватывает временной промежуток с 1946 по 1948 гг. Второй период, «период практической историографии», датируется 1949 – 1958 гг. и характеризуется более прагматическим/утилитарным подходом к историографической дисциплине. Водоразделом между ними стал 1949 г., когда институция была переведена из ведения Отделения истории и философии АН СССР в компетенцию Института истории АН СССР. Эти изменения оказали большое влияние на направления и содержание деятельности комиссии.

Первый период (1946 – 1948) существования комиссии представляется возможным воссоздать на основе материалов, сохранившихся в личном деле Б.Г. Вебера²³⁸. Речь идет о черновике статьи, посвященной комиссии,²³⁹ и ежегодных отчетах о ее деятельности за 1946 – 1948 гг. Несколько слов об авторе этих источников. Борис Георгиевич Вебер (1902 – 1984), специалист по истории Нового время, кандидат наук, еще до войны создал курс по историографии, на первом заседании комиссии был избран ее ученым секретарем²⁴⁰.

Историографическая комиссия, как следует из переданной в бюро Отделения записки, на которую ссылается в своей так и неопубликованной статье Б.Г. Вебер, была образована по инициативе известных ученых:

²³⁸ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25.

²³⁹ Статья так и не была опубликована. Сделанные автором пометки и замечания на полях свидетельствуют о том, что это именно черновой вариант. Источник не датирован. Полагаем, что работа была подготовлена в период с мая по декабрь 1946 г., так как в ней содержится информация о составе, о планах и направлениях работы, которые были определены на первом заседании комиссии. В то же время в статье нет упоминаний о результатах работы, зафиксированных в отчете за 1946 год.

²⁴⁰ См. об этом: Дунаевский В.А. Борис Георгиевич Вебер (1902 – 1984) // История и историки. Историографический ежегодник. 1982 – 1983. М., 1987. С. 284 – 292.

членов-корреспондентов АН СССР Н.И. Конрада, И.И. Минца, А.Д. Удальцова, профессоров А.И. Андреева С.В. Киселева, Т.И. Райнова, П.Н. Третьякова²⁴¹. Персональный состав институции был определен позже – на первом заседании, 29 мая 1946 г. В состав комиссии вошли академики Р.Ю. Виппер, А.М. Деборин, И.Ю. Крачковский, Ф.А. Ротштейн, Е.В. Тарле; члены-корреспонденты С.В. Бахрушин, Е.А. Косминский, И.И. Минц, В.И. Пичета, С.Д. Сказкин, А.Д. Удальцов, А.И. Яковлев; профессора А.И. Андреев, О.Л. Вайнштейн, Н.А. Машкин, М.В. Нечкина, Ф.В. Потемкин, Н.Л. Рубинштейн, Т.И. Райнов, М.Н. Тихомиров, С.П. Толстов, С.В. Юшков; А.П. Примаковский; А.О. Старосельская²⁴². Повторим, что ученым секретарем комиссии был избран Б.Г. Вебер. Возглавил вновь возданную структуру председатель – академик, вице-президент АН СССР В.П. Волгин, его заместителем стал академик, директор Института истории АН СССР Б.Д. Греков²⁴³. Примечательно, что в состав комиссии не вошли некоторые из ее инициаторов, а именно Н.И. Конрад, С.В. Киселев, П.Н. Третьяков. Возникает закономерный вопрос: почему? В качестве «рабочих» гипотез, безусловно, требующих более детального анализа, нежели это представляется возможным в настоящем диссертационном исследовании, возможны следующие. Чрезмерная загруженность административной работой могла стать причиной, почему историки не участвовали в работе комиссии. П.Н. Третьяков, например, в 1946 г. был привлечен к работе в Отделе науки ЦК ВКП(б) и преподаванию во вновь образованной Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)²⁴⁴. В 1950 г. историк стал главным редактором ведущего исторического журнала – «Вопросы истории»²⁴⁵. С.В. Киселев с 1945 г. был заместителем директора Института истории материальной культуры АН СССР, а с 1949 г. – еще и главным редактором

²⁴¹ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

²⁴² В статье Б.Г. Вебер сократил двойную фамилию историка. Полная версия: О.А. Старосельская – Никитина.

²⁴³ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 18.

²⁴⁴ П.Н. Третьяков (некролог) // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 216.

²⁴⁵ Там же.

«Вестника древней истории»²⁴⁶. Наше предположение «не работает» в случае с Н.И. Конрадом, который административных должностей не занимал, продолжал одновременно работать в Московском институте востоковедения и в Институте востоковедения АН СССР²⁴⁷.

Анализ списка участников комиссии по таким параметрам, как профессиональный статус и институциональная принадлежность, исследовательский/научный опыт в области историографии, дисциплинарное представительство, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в состав институции вошло 26 ученых. Все из них обладали высоким «профессиональным статусом», включавшим ученые степени и звания, научный авторитет и признание, административный ресурс и др. Практически все участники комиссии были сотрудниками исторических институтов Академии – Институтов истории, востоковедения, истории материальной культуры, этнографии, истории естествознания и техники (22 чел.). Исключение составили преподаватели столичных вузов (МГУ, МГИАИ, ЛГУ): А.И. Андреев, О.Л. Вайнштейн, Н.А. Машкин, Н.Л. Рубинштейн, а также сотрудник ВОКСа – А.П. Примаковский.

В-вторых, большинство членов комиссии получили историческое образование в дореволюционных учебных заведениях, где традиция чтения курсов по историографии уходит конями в период рубежа XIX - XX вв. (17 чел.). Некоторые из них сами или преподавали историографические дисциплины, или вели научные изыскания в этой области в 1920 – 1930-х гг. Это, например, О.Л. Вайнштейн, Е.А. Косминский и Н.Л. Рубинштейн. Об историографических исследованиях М.В. Нечкиной мы говорили в предыдущей главе. Другая особенность «первого состава» комиссии – участие в историко-научно-исследовательских проектах начала 1910 – 1920-х гг. Так, А.И. Андреев принимал участие в дореволюционном проекте «Русская наука», осуществляемом под идейным руководством А.С. Лаппо-

²⁴⁶ С.В. Киселев (некролог) // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 203.

²⁴⁷ Чернобаев А.А. Историки России. XX века: Библиографический словарь. Т.1. Саратов, 2005. С. 459.

Данилевского, в 1920-е гг. в деятельности Археографической комиссии и в комиссии по истории знаний (КИЗ)²⁴⁸. Т. И. Райнов, причисляемый к ученикам А.С. Лаппо-Данилевского, в 1920 – 1930-е гг. также занимался изучением истории науки, будучи сотрудником Конъюнктурного института. Во второй половине 1940-х гг. историк работал в Институте истории естествознания и техники²⁴⁹.

В-третьих, члены комиссии представляли разные дисциплинарные поля исторической науки. Изучением античной историей занимались Р.Ю. Виппер, Н.А. Машкин; историей Востока – И.Ю. Крачковский, Т.И. Райнов; медиевистикой – Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, А.Д. Удальцов, О.Л. Вайнштейн; новой историей стран Запада – В.П. Волгин, Ф.А. Ротштейн, Е.В. Тарле, Ф.В. Потемкин, Б.Г. Вебер; отечественной историей (с древнейших времен до современности) – С.Ф. Бахрушин, И.И. Минц, В.И. Пичета, А.И. Яковлев, А.И. Андреев, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн, М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков; этнографией – С.П. Толстов. Философские науки в комиссии представлял А.М. Деборин.

Таким образом, «звездный» состав, а также широкое дисциплинарное представительство, безусловно, свидетельствуют о важности и масштабах замышляемых историографических изысканий. Накануне первого заседания (29 мая 1946 г.) комиссией была проделана подготовительная работа по сбору информации о наличии у московских и ленинградских ученых уже изданных или находящихся на стадии завершения подготовки монографий по историографической проблематике. Б.Г. Вебер перечислил выявленные издания: «О.А. Яковлева подготовила монографию об источниках Карамзина; Н.С. Лебедев – о В.Г. Васильевском; И.С. Зильберфарб – о реакционных и фашистских историках Французской буржуазной революции конца XVIII века; профессор Б.Г. Реизов – о французских историках-

²⁴⁸ Комиссия по истории знаний – первая в России научная организация по изучению истории науки и техники // Комиссия по истории знаний... С. 3 – 64.

²⁴⁹ Илизаров С.С. Историк науки Т. И. Райнов – ученик А. С. Лаппо-Данилевского // Академик А.С. Лаппо – Данилевский в памяти научного сообщества: сб. ст. СПб., 2019. С. 394 – 411.

романтиках; С.В. Фрязинова – об И. Тэне; И.С. Звавич – об историографии дипломатической истории Англии. Профессором С.Н. Валком <...> закончен и уже сдан в производство Очерк об историках бывшего Петербургского университета <...>. Профессор П.Н. Берков работает над большим историографическим трудом по истории русской литературы <...> (первая часть – до 1822 года – издается Ленинградским университетом)²⁵⁰. Названных авторов планировалось привлечь к работе в комиссии.

На первом заседании, состоявшемся 29 мая 1946 г., была сформулирована цель комиссии – «подготовка исследований и обобщающей работы по историографии». Для ее достижения, по задумке участников, следовало сначала обсуждать «на открытых пленарных заседаниях, а в некоторых случаях и на сессиях отделения сообщений и докладов на историографические темы», а затем – публиковать тексты «всякого рода неизданных материалов по истории исторической науки в томах историографической серии «Научного наследия»²⁵¹.

Следующее заседание прошло 7 июня 1946 г.: с докладом «Новые материалы о С.М. Соловьеве» выступил Н.Л. Рубинштейн²⁵². Заседание открыл председатель комиссии В.П. Волгин. Историк подчеркнул, что изучение историографической тематики важно не только для более глубокого понимания движения науки. Актуальность историографического знания в настоящем также высока, поскольку помогает ученым «разъяснить для себя перспективы ее [науки – В.Г.] развития в будущем»²⁵³. Отметил В.П. Волгин и то, что подход к историографии М.Н. Покровского до сих пор в советской исторической науке хоть признается «интеллектуальным атавизмом», однако до конца не изжит. На современном этапе развития науки, считает историк, нужны «совершенно другие критерии» к изучению творчества предшественников.

²⁵⁰ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Стенограмма заседания историографической комиссии Отделения истории и философии АН СССР с докладом «Новым материалы о С.М. Соловьеве» // НИОР РГБ. Ф. 521.К. 5. Ед. хр. 6.

²⁵³ Там же. Л. 1.

В докладе Н.Л. Рубинштейна и была представлена иная модель историографического исследования. Начал Н.Л. Рубинштейн с характеристики архивных источников. В фонде историка Н.А. Попова, зятя С.М. Соловьева, сохранились документы, освещающие подготовку Сергеем Михайловичем магистерской и докторской диссертации. Н.Л. Рубинштейна заинтересовало то «место, которое в экзамене магистра русской истории занимали вопросы не только всеобщая история, но, в частности, география и ее влияние на историческую жизнь народа»²⁵⁴. Также докладчик проанализировал конспекты по всемирной истории, сделанные С.М. Соловьевым, когда он готовился к магистерскому экзамену в Париже в 1842-1843 г. Эти источники позволили Н.Л. Рубинштейну предположить: на формирование представлений С.М. Соловьева об историческом процессе как целостном движении (эти представления отражены в работах историка 1860-х гг.), оказали влияние занятия всемирной историей в Париже²⁵⁵.

Так, на основе новых архивных материалов исследователь воссоздал процесс формирования научного мировоззрения ученого, а также проследил отражение этих представлений в исследовательском творчестве С.М. Соловьева.

На следующем заседании комиссии 18 октября 1946 г. обсуждался доклад В.К. Яцунского «Возникновение экономической историографии»²⁵⁶. Причины обращения к этой теме, по мнению историка, вызваны их неизученностью в марксистской историографии, с одной стороны, и стремлением преодолеть представление о «преувеличенном влиянии Германии» в развитии мировой науки, с другой²⁵⁷.

В основу доклада положен хронологический принцип. Впервые к экономической истории, под которой В.К. Яцунский понимал

²⁵⁴ Стенограмма заседания историографической комиссии Отделения истории и философии АН СССР с докладом «Новым материалы о С.М. Соловьеве» // НИОР РГБ. Ф. 521.К. 5. Ед. хр. 6. Л. 12.

²⁵⁵ Там же. Л. 21.

²⁵⁶ Стенограмма заседания комиссии по истории исторических науки от 18 октября 1946 г. // АРАН. Ф. 457. Оп.1/46. Д. 58.

²⁵⁷ Там же. Л. 3.

«хозяйственное прошлое», обратился итальянский хронист Джованни Валлани в XIV в. По мнению докладчика, все же возникновение экономической историографии относится к более позднему периоду: она зародилась в XVII веке в Голландии, Франции и Англии. Интерес к истории хозяйства в это время, отметил исследователь, был связан с практическими соображениями хозяйственных дельцов, будущих буржуа. Далее В.К. Яцунский охарактеризовал развитие историографии в XVII – XVIII вв. в отдельных странах. Им были названы наиболее значимые исследования, при этом акцент делался на движении/трансформации проблематики. Исследователь поставил вопрос о соотношении экономической историографии и исторической науки в общем плане. Первый опыт освещения истории хозяйственной жизни в неразрывной связи с политической историей, по мнению В.К. Яцунского, принадлежал просветителям XVIII в. (Вольтер, Ж. Руссо, Э. Гиббон и др.). Однако в трудах этих авторов, подчеркнул автор, экономический аспект оказался слабо представлен – он был растворен в «общей характеристике эпохи»²⁵⁸.

Что касается немецкой историографии, о ней В.К. Яцунский говорил такой же в эмоционально-сдержанной тональности (без использования политической лексики: «фашистская», «захватническая»), как он говорил о французской, английской, итальянской и др. национальных историографиях. Исследователь не очерняет, но и не обеляет работы немецких авторов – его анализ разворачивается в научном поле. Единственным примером работы по экономической историографии в Германии в XVIII в., по мнению докладчика, является книга юриста, историка права Ф. Фишера «История немецкой торговли и судоходства» (1785). Автор данного исследования утверждал, что в Средние века немцам первым удалось организовать крупную торговлю, а «Италия вплоть до XVI в. импортировала ремесленников и художников из Германии»²⁵⁹. В.К. Яцунский считает Ф.

²⁵⁸ Там же. Л. 35.

²⁵⁹ Там же. Л. 23.

Фишера предшественником «современных фашистов». Но удивляет историка другое: противоречивая реакция немецкой интеллектуальной элиты на данный труд. Например, историк-экономист В. Рошер обрушился с критикой, назвав ее "карикатурным самолюбием" Ф. Фишера, распространенным на весь немецкий народ. Напротив, положительно оценил книгу К. Инама-Штернег.

Доклад вызвал немало вопросов у присутствовавших на заседании – и все они методологического характера! При этом ни В.К. Яцунский, ни другие участники встречи не апеллировали к «классикам» марксизма-ленинизма. Завязалась интересная дискуссия между В.М. Лавровским и В.К. Яцунским. В ходе обсуждения ученые пришли к градации понятия «экономическая историография». В первом случае имелось в виду изучение «экономики прошлого», во втором – история изучения хозяйственной жизни в работах предшественников²⁶⁰. Так историки подошли к широкому пониманию предметной области дисциплины, представляющей «историографию первого уровня» и «историографию второго уровня». К этому теоретико-методологическому вопросу историографическое сообщество вернется только в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Помимо рассмотренных нами докладов Н.Л. Рубинштейна и В.К. Яцунского, в 1946 году на заседаниях комиссии также выступили Н.А. Машкин («Римский империализм (историография вопроса)»); О.А. Яковлева («Об источниках "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина»); И.С. Звавич («Историография внешней политики Великобритании в ее новейших представлениях»)²⁶¹. Впоследствии часть из них вошла в проспект историографического тома «Научного наследства».

Идея издания «Научного наследства» (археографической серии) возникла в 1940 г., в 1941 г. первый том был готов к публикации. По замыслу организаторов в этой серии должны были издаваться научные труды,

²⁶⁰ Там же. Л. 65.

²⁶¹ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

документы личного происхождения видных отечественных ученых. Как отмечают историки науки И.Р. Гринина и С.С. Илизаров, война расстроила эти планы – к идее издания «Научного наследства» вернулись уже в новых социокультурных реалиях второй половины 1940-х гг. Теперь предполагалось издание томов «Научного наследства» по истории отдельных дисциплин (в том числе и по истории исторической науки)²⁶². Известно, что в редколлегию историографических выпусков «Научного наследства» вошли некоторые члены комиссии (Б.Д. Греков, А.Д. Удадьцов, Е.А. Косминский, А.И. Андреев).

Список предшественников послевоенного историографического тома интересен с точки зрения формирования корпоративной памяти историков: в «пантеон» были включены как далекие предшественники, представляющие XVIII и XIX вв. (например, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, С.В. Ешевский и др.), так и «старшие современники», личные воспоминания о которых свежи (к таковым бесспорно относятся Н.И. Кареев (1850 – 1931), В.В. Бартольд (1869 – 1930) и Д.М. Петрушевский (1863 – 1942) и др.). Примечательно, что по сравнению с «Русской исторической литературой» и «Борьбой классов в русской исторической литературе» М.Н. Покровского изменился корпус ученых, чье творчество заслуживало внимания. Но неизменным оставался интерес к наследию С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Работу над первым томом «Научного издания» планировалось завершить в 1946 г. Между членами комиссии были распределены обязанности по комплектованию выпуска. А.И. Андреев, например, отвечал за материалы по В.Н. Татищеву; Н.Л. Рубинштейн – по С.М. Соловьеву, М.М. Щербатову; М.В. Нечкина – по В.О. Ключевскому; Т.И. Райнов – по М.М. Ковалевскому; В.М. Лавровский – по Д.М. Петрушевскому; А.Ю. Якубовский – по В.В. Бартольду. Известно, что в конце 1946 г. была закончена подготовка к печати первого тома объемом 35 – 40 авторских

²⁶² В 1948 г. был опубликован первый том «Научного наследства» по естественно – научным дисциплинам.

листов²⁶³. В него вошли неопубликованные труды С.М. Соловьева, В.Н. Татищева, Д.М. Петрушевского и П.П. Пекарского²⁶⁴, а также переписка П.Г. Виноградова, статья А.Н. Савина²⁶⁵.

В отчете за следующий 1947 г. зафиксировано, что комиссия «приступила к работе над вторым томом». Планировалось, в него включить сочинения Н.Г. Чернышевского, С.В. Ешевского, В.О. Ключевского, Н.А. Попова, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого и др.²⁶⁶. Современный историк В.В. Тихонов подчеркнул демократичность перечисленного выше списка героев выпуска: «рядом с классиком революционно-демократической мысли Н.Г. Чернышевским стоит весьма консервативный Н.А. Попов»²⁶⁷. Не только о «демократичности» свидетельствует этот факт. Полагаем, что наличествует здесь и стремление комиссии осветить «историю исторической науки во всех ее оттенках». «Научное наследство» стало первым коллективным трудом, в котором опыт предшественников осмысливался в науковедческом ключе. Читатель может нам возразить, указав на сборник «Русская историческая литература в классовом освещении» или на двухтомник против М.Н. Покровского. Однако данные издания были инструментами борьбы с врагами «на историческом фронте». Хотя нельзя не признать, что отдельные статьи все же выходили из поля политического и соответствовали критериям научности.

Итак, первый том был полностью «укомплектован» уже в первой половине 1948 г.²⁶⁸. Однако ни один из историографических выпусков «Научного наследства» не был напечатан. Такая же «судьба» постигла и иные попытки издать труды по историографии в этот период. Задумывалось два таких сборника. Первый посвящался «историческим взглядам передовых

²⁶³ В.В. Тихонов, ссылаясь на отчет Отделения истории и философии АН СССР за 1946 г., приводит иную цифру объема первого тома «Научного наследства» – 47 п.л. См. об этом: Тихонов В.В. Идеологические кампании...336.

²⁶⁴ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 20.

²⁶⁵ Тихонов В.В. Идеологические кампании...С. 336.

²⁶⁶ Там же. С. 336.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

революционных представителей русской общественной мысли XVIII – XIX вв. от А.Н. Радищева до Г.В. Плеханова»²⁶⁹. Для подготовки издания привлекались «дополнительные силы»: Н.М. Дружинин, Б.П. Козьмин, Ш.М. Левин²⁷⁰. На заседаниях комиссии обсуждались материалы сборника. Так, 4 июня 1948 г. с докладом об исторических взглядах В.Г. Белинского выступил В.Е. Иллерицкий. Работа была оценена положительно, однако для включения ее в сборник требовалось расширение исследовательских рамок доклада²⁷¹. На сентябрь 1948 года было назначено обсуждение доклада Р.А. Таубина об исторических взглядах Н.Г. Чернышевского, на октябрь – доклад А.В. Предтеченского об исторических взглядах Н.А. Добролюбова, без указания месяца – доклад об исторических взглядах А.И. Герцена, который был перепоручен И.С. Смолину в связи с загруженностью предыдущего докладчика – Ш.М. Левина²⁷².

Также планировалось подготовить сборник, посвященный проблеме «реакционной линии развития официальной немецкой исторической науки XIX – XX вв.»²⁷³. Отчет не содержит каких-либо сведений о подготовке этого издания²⁷⁴. Вообще, единственным упоминанием об исследованиях в этой области можно считать обсуждение доклада Д.Г. Зандберга «Германские историки на службе империализма». Этот доклад был высоко оценен Е.А. Косминским и А.М. Дебориным и рекомендован для печати в «Вопросах истории» (статья выйдет в 1948г.²⁷⁵).

Заметим, что в 1946 – 1947 гг. историографические сюжеты обсуждались не только на заседаниях комиссии. Известно, что на ученом совете Историко-архивного института были прочитаны доклады коммеморативного плана, приуроченные к 35-летию со дня кончины В.О.

²⁶⁹ Рабочее название сборника «Исторические взгляды революционных демократов».

²⁷⁰ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

²⁷¹ Там же. Л. 25.

²⁷² Там же. Л. 26.

²⁷³ Там же. Л. 25.

²⁷⁴ Там же. Л. 25.

²⁷⁵ Зандберг Д. Немецкие историки на службе германского империализма // Вопросы истории. 1948. № 11 . С. 92 – 104.

Ключевского, 150-летию со дня рождения и 70-летию со дня смерти академика П.М. Строева и др.²⁷⁶

Итак, во второй половине 1940-х гг. запланированные историографические издания не были опубликованы. Причина, полагаем, кроется в усиливавшемся идеологическом давлении на историков в целом и Институт истории в частности, вылившимся в 1948 г. в борьбу с «буржуазным объективизмом» в исторической науке. В.В. Тихонов приводит подробно описание событий тех лет. 9 и 11 октября 1946 г. состоялось закрытое заседание партячейки Института истории, в итоговой резолюции которого было зафиксировано: «Институт уделяет крайне слабое внимание критике буржуазной историографии и, что особенно недопустимо, недостаточно занимается разоблачением враждебных исторических концепций, имеющих в зарубежной историографии в последнее время»²⁷⁷. Изучение «враждебных исторических концепций», как писали в «Культуре и жизни» важно, так как «борьба» с ними – главное условие развития советской исторической науки²⁷⁸.

Новый виток «ожесточенной борьбы» в советской исторической науке начался в 1948 г. Под интеллектуальный «обстрел» попало немало историографических работ. Так, например, жесткой критике подверглись исследования, в которых анализировалось научное наследие некоторых предшественников. Первый удар был нанесен альманаху «Средние века» (выпуск за 1946 год), посвященному Д.М. Петрушевскому. Симптоматично, что издание начали критиковать еще до его выхода из печати: на заседании партячейки Института истории (9 и 11 октября 1946 г.) З.В. Мосина отметила, что на страницах этого сборника взгляды Д.М. Петрушевского были представлены «ближе [стоящими – *В.Г.*] к марксизму, чем [он – *В.Г.*]

²⁷⁶ Мохначева М.П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7. С. 27 – 29.

²⁷⁷ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 111.

²⁷⁸ Там же. С. 114.

сам об этом подозревал»²⁷⁹. В ответ на это и другие обвинения редактор сборника Е.А. Косминский на заседании ученого совета Института истории 21 ноября 1946 г. сказал: «Тут ставилось в вину то, что я сказал, что он воспитал целый коллектив историков-марксистов. Это верно <...> Я скажу больше: он обращал внимание наше на классовую структуру общества, на классовую борьбу»²⁸⁰. И совершенно иной пассаж звучит в его выступлении на заседании сектора средних веков Института истории 1 октября 1948 г. В разгар борьбы с «буржуазным объективизмом» Е.А. Косминский заявил: «Для своего времени это, несомненно, крупнейший ученый сыграл большую роль в истории русской науки, русского просвещения, но конечно это историк буржуазный, историк не марксистский, в последние годы своей деятельности отошедший еще дальше от марксизма. В своей статье я высказываю неправильную мысль, что Петрушевский воспитал целое поколение историков-марксистов»²⁸¹. Подобные оценки и заявления не новы, более того, они продолжают традицию конца 1920-х гг. Для сравнения приведем цитату из статьи 1928 г. М.Н. Покровского, в которой он критикует Д.М. Петрушевского: «еще в дни легального марксизма [мы – В.Г.] рассматривали как почти своего, как более чем наполовину своего, и его [Петрушевского – В.Г.] тогдашние работы перепечатываются ныне Институтом Маркса и Энгельса, – теперь, в этом не может быть сомнения, уходит от нас, и куда уходит? Добро бы еще к "государственной школе", – а то Д. М. Петрушевский занял такую позицию, что, по сравнению с ним, даже и прежнего Милюкова приходится считать представителем "исторической науки". Ибо в последнем произведении проф. Петрушевского ("Очерки из экономической истории средневековой Европы") отчетливо проводится линия, которую нельзя назвать иначе, как антинаучной»²⁸².

²⁷⁹ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 110.

²⁸⁰ Цит. по: Там же. С. 119.

²⁸¹ Цит. по: Там же. С. 154.

²⁸² Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т.7. С. 5.

В годы борьбы с «безродными космополитами» крайне нежелательным оказалось изучение творчества В.О. Ключевского. Несмотря на то, что в 1946 г. комиссия совместно с Институтом истории приобрела архив В.О. Ключевского, хранившийся сына историка. После кончины Б.В. Ключевского архив оказался у некоего «гражданина Саводкина»²⁸³, у которого собственно Академия наук и выкупила материалы. В числе тех, кто активно участвовал в этой сделке, а затем разбирал и описывал бумаги великого историка, был А.А. Зимин. Он с воодушевлением принялся за изучение новых источников и даже планировал написать докторскую диссертацию о В.О. Ключевском (им был разработан ее подробный план)²⁸⁴. Также в 1948 г. историк подготовил первый том издания «Архив В.О. Ключевского», который был «забракован» разгромной рецензией А.Л. Сидорова. Рецензент в духе «разоблачительных» сборников конца 1920-х – конца 1930-х гг. («Русской науки в классовом освещении» и «Против исторической концепции М.Н. Покровского») обвинял А.А. Зими́на в неправильной идеологической трактовке В.О. Ключевского. А.Л. Сидоров предложил «составить новую редакцию сборника, распределить публикуемые в нем материалы между специалистами, которые составят новые, идеологически выдержанные примечания к ним, написать новую вводную статью»²⁸⁵. От текста Зими́на, по его мнению, можно было оставить архивную справку «без всяких попыток нарисовать образ Ключевского или определить его место в науке»²⁸⁶. Требование рецензента «вписать» дореволюционного классика в правильные идеологические рамки соответствовало духу времени – разгару борьбы с буржуазным объективизмом. С подобным, что и А.Л. Сидоров, пассажем на заседании

²⁸³ Информация о «гражданине Саводкина» зафиксирована в Отчете о деятельности комиссии за 1947 год. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп.1. Д. 25. Пока не удалось найти упоминания об этом факту ни в воспоминаниях А.А. Зими́на, ни в полном собрании сочинений Ключевского, ни в монографии М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском.

²⁸⁴ Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А.Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевского // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 47. С. 27.

²⁸⁵ Там же. С. 28.

²⁸⁶ Там же.

Ученого совета Института истории 18 октября выступил В.И. Шунков, «прорабатывая» уже статью А.И. Яковлева о В.О. Ключевском. По его мнению, работа Яковлева создает «впечатление, что современная историческая наука возникла как простой преемник развития предыдущих прогрессирующих учений»²⁸⁷.

Мы уже отмечали, что на заседаниях комиссии планировалось обсуждать монографические исследования, даже была собрана информация о готовых к печати работах²⁸⁸. Правда, всего однажды комиссия обсуждала монографию. Речь идет об исследовании Б.Г. Реизова «Французская романтическая историография (1820 – 1830-е гг.)», на которое в 1947 г. специализирующийся по истории Франции Нового времени Б.Г. Вебер написал разгромную рецензию. По его мнению, главный «историографический порок» издания состоял в следующем: «будучи историком литературы Реизов подошел к историографической теме в разрезе смены классицизма романтизмом», что привело к тому, что классовая борьба отошла на задний план по «сравнению с интересом к литературному стилю исторического произведения»²⁸⁹. Сделанное Б.Г. Вебером замечание, полагаем, иллюстрируют наличие в исторической корпорации «правил» производства историографического знания, по сути сложившееся уже в 1920-е г. в творчестве М.Н. Покровского и некоторых представителей его «школы».

Помимо обсуждения историографических трудов и подготовки их к публикации комиссия занималась организацией научных мероприятий. В частности, Б.Г. Вебер упомянул о намеченной на 1948 г. юбилейной

²⁸⁷ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 163.

²⁸⁸ Отчасти нам удалось проследить судьбу этих работ. Так, например, в 1947 г. И.С. Зильберфарб защитил докторскую диссертацию по теме «Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века», монография же с таким названием будет издана только в 1964 г. См.: Зильберфарб И.И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. 556 с. В 1946 г. у С.В. Фрязинова был полностью готов текст докторской диссертации «Ипполит Тэн и Парижская Коммуна», но защита так и не состоялась. См. об этом: Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в Российском провинциальном вузе. Сергей Васильевич Фрязинов (1891 - 1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011, № 36. С. 377 – 402.

²⁸⁹ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

историографической сессии, посвященной итогам изучения Революции 1848 года во Франции²⁹⁰. В разделах «Хроника» ведущих исторических изданий, в которых нередко отражалась жизнь академических институций («Вопросы истории», «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», «Вестник Академии наук СССР») за 1947 – 1949 гг., а также в сборнике «50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни, 1917 – 1967»²⁹¹ упоминания о данном мероприятии нет. Это является серьезным основанием сделать вывод, что сессия так и не была проведена. Но приуроченный к юбилею сборник статей, посвященный изучению революции 1848 г., был напечатан в 1948 г.²⁹². О подготовке этого издания научному сообществу было известно еще в 1945 г. В начале 1946 г. в «Вопросах истории» было опубликовано письмо французского историка К. Блока к В.П. Волгину. Оно было написано после окончания празднования 220-летнего юбилея АН СССР в 1945 г., поскольку автор письма сообщает «об использовании им ряда материалов, которые он получил во время своего пребывания в Москве и Ленинграде, на юбилейной сессии АН СССР»²⁹³. К. Блок пишет, что по долгу службы вице-председателя «Общества истории революции 1848 г.» занимается подготовкой к празднованию столетней годовщины этого события. Французские историки планировали пригласить советских коллег на данное мероприятие. Поэтому К. Блок обещает В.П. Волгину «вступить в непосредственную связь» с ним, когда организация праздника «примет более определенную форму»²⁹⁴. Внимание к исследованиям советских историков со стороны иностранных коллег, безусловно, говорит о возросшем после Победы престиже советской науки, ее триумфальном шествии и претензии на интеллектуальную экспансию.

Библиографическое направление деятельности комиссии было связано с подготовкой совместно с Фундаментальной библиотекой Общественных

²⁹⁰ Там же. Л 27.

²⁹¹ 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни, 1917 – 1967. М., 1971. С. 258 - 274.

²⁹² К столетию революции 1848 года: сб. статей. М., 1948.

²⁹³ Письмо Камилла Блока // Вопросы истории. 1946, № 2 – 3. С. 158.

²⁹⁴ Там же. С. 158.

наук АН СССР сборника «Проблемы истории народов СССР в освещении современной англо-американской историографии». Он также не был напечатан.

Образование историографической комиссии, напомним, было связано с возросшим интересом к истории науки в советском интеллектуальном сообществе. Эта тема продолжала оставаться актуальной и востребованной в течение нескольких послевоенных лет, правда, не только ученым сообществом, но и властью, использовавшей эти сюжеты в качестве эффективного инструмента борьбы с «буржуазным объективизмом» и «низкопоклонством перед Западом». Об этом свидетельствует проходившая с 5 по 11 января 1949 г. в Ленинграде сессия Общего Собрания АН СССР, посвященная рассмотрению проблем изучения истории отечественной науки. Сессию открыла речь президента АН СССР С.И. Вавилова. Академик отметил важность встречи: «на наших собраниях, на примерах развития специальных областей науки, отдельных научных учреждений и некоторых проблем, предполагается обсудить и выяснить общую методологию, главные линии и направления исследования по истории отечественной науки <... >, предстоит определить объем предстоящей работы, наметить научные коллективные труды на ближайшие годы и другие мероприятия, необходимые для изучения и освещения истории отечественной науки»²⁹⁵.

В рамках Общей сессии были организованы сессии отделений АН СССР, на которых ведущие ученые академических учреждений выступали с докладами. На сессию Отделения истории и философии (6 – 9 января 1949 г.) комиссия по истории исторической науки рекомендовала несколько докладов. В отчете институции за 1948 г. перечислены имена потенциальных докладчиков и темы их выступлений. Некоторые позиции помечены знаком «+», что, скорее всего, свидетельствует о решении в пользу этих докладов²⁹⁶. Ниже представлен данный список: 1) член–корреспондент АН СССР М.Н.

²⁹⁵ Вопросы истории отечественной науки. Общее Собрание Академии Наук СССР, посвященное истории отечественной науки. М.:Л., 1949. С.10.

²⁹⁶ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 27.

Тихомиров «Русские географические познания о восточных странах в XIII – XV вв.» [стоит простым карандашом + – *В.Г.*]; 2) профессор С.В. Юшков «Достижения советской исторической науки в решении проблемы возникновения российского государства» или «Развитие науки истории государства и права [в – *В.Г.*] СССР» [стоит простым карандашом + – *В.Г.*]; 3) профессор Т. И. Райнов «Академик П.П. Пекарский как историк русской науки»; 4) профессор В.М. Лавровский «А.Н. Савин как историк английского крестьянства (К 30-летию со дня смерти); 5) В.К. Яцунский «Социально – экономическая тематика в русской дореволюционной и советской историографии» или «В.И. Ленин как историк–экономист» [стоит простым карандашом + над второй темой – *В.Г.*]; 6) профессор А.И. Андреев «История русских географических открытий в Тихом океане в XVIII в.» или «История русских кругосветных путешествий первой половины XIX в.»; 7) Р.А. Таубин «Исторические взгляды Н.Г. Чернышевского» [стоит простым карандашом + – *В.Г.*]. Таким образом, из десяти предложенных тем лишь четыре получили «одобрение» комиссии. Известно, что из них только доклад В.К. Яцунского («В.И. Ленин как историк–экономист») был заслушан в Ленинграде (7 января)²⁹⁷.

На заседании 8 января были представлены доклады на тему «Пути развития русской исторической науки», что примечательно, упоминаний о них в отчете 1948 г. нет. Речь идет о докладе Б.Д. Грекова о развитии исторического знания до XVIII в. (сам историк не присутствовал по причине болезни). О проблемах изучения отечественной истории XVIII – XIX вв. собравшимся рассказал Н.М. Дружинин. И третье выступление, наделавшее много «шума», было сделано И.И. Минцем и посвящалось истории советской исторической наук²⁹⁸. Этот доклад вызвал немало критических откликов в

²⁹⁷ В Отделении истории и философии Академии Наук СССР. Сессия по истории исторической науки. Хроника // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т.4. № 2. С. 196. Сам доклад был напечатан. См.: Яцунский В.К. В.И. Ленин как историк-экономист // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т.4. №2 . С.20 – 39.

²⁹⁸ Доклад будет напечатан в «Вопросах истории» №1 1949 г. См.: Минц И.И. Ленин и развитие советской исторической науки // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 3 – 15.

ученой корпорации. Ему дали резко-негативную оценку, назвав ошибочным и претенциозным. Самая главная ошибка историка, по мнению участников сессии, заключалась в том, что в своем исследовании он обошел вопросы о «национальных традициях народов СССР», о «задачах исследования истории различных народов нашей страны и т.д.»²⁹⁹. Рассматривать критику И.И. Минца, считаем, следует в русле развернувшейся борьбы с «объективизмом» и «космополитизмом», под удары которой историк попал³⁰⁰.

Итоги Общей сессии были обсуждены на последнем заседании. В рамках данного исследования обратимся лишь к выступлению Н.М. Дружинина, поскольку он говорил преимущественно о проблемах изучения историографии на современном этапе. Эти проблемы, отметил историк, представляют важность не только для узкого круга профессиональных историков, они актуальны для всех тех, кто изучает историю отечественной науки в целом. Н.М. Дружинин подчеркнул: «Для того чтобы написать историю любой науки необходимо ясно представлять себе ход гражданской истории, социально-экономические процессы, политические события и культурную обстановку, которые выдвигали научные проблемы и создавали условия для их разрешения»³⁰¹. Качество изучения гражданской истории, по мнению историка, напрямую зависит от уровня историографических исследований, который, подчеркнул исследователь, сейчас находится не на должном уровне. В представлении Н.М. Дружинина историография призвана подводить итоги «предыдущим достижениям исторического знания, давать «критику всем предшествовавшим работам», выявлять «законы развития исторической мысли»³⁰². Таким образом, в своем выступлении историк обозначил предметное поле историографической дисциплины, а также

²⁹⁹ В Отделении истории и философии... С. 196.

³⁰⁰ См.: Тихонов В.В. Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров и И.И. Минц (1949) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76 – 80; Он же. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // Исторические исследования. 2013. № 2. С. 1-28.

³⁰¹ Вопросы истории отечественной науки... С.853.

³⁰² Там же. С. 853.. 2011

акцентировал внимание на ее важнейшие функции в процессе профессионального становления и развития ученого.

Ожидать больших успехов в изучении историографической проблематики не приходится, по мнению Н.М. Дружинина, еще и в силу «маломощности» комиссии по истории исторической науки, которая, ко всему прочему представлена в лице одного ученого секретаря. Выход из сложившейся ситуации историку видится в «расширении» и «укреплении» этого центра, конкретно – в выделении дополнительных ставок, установлении более тесных связей комиссии с институтами гуманитарного и естественнонаучного профиля АН СССР.

В ходе идеологических кампаний ученые вели себя по-разному – некоторые публично каялись в «ошибках» и отрекались от «историографической мечты», бывших научных идеалов. В этом плане интересны дневниковые записи специалиста по истории XIX – начала XX С.С. Дмитриева, сделанные им 11 марта 1949 году в разгар идеологической «проработки»: «Я всегда старался воспитывать советский патриотизм и на материале 19 в. показывал первенство русской культуры во многих великих делах <...>. От влияния русских буржуазных либеральных историков нужно избавляться и чем решительнее, тем лучше»³⁰³.

Возвращаясь к комиссии, скажем, что Н.М. Дружинин был прав, говоря о ее слабости. Выявленные нами источники по теме практически не содержат сведений о реальных результатах деятельности институции. Единственным сколько-нибудь эффективным/результативным направлением работы структуры стало обсуждение докладов на заседаниях. Но и здесь было не все гладко. Так, в отчете за 1946 г. упоминается шесть докладов, за 1947 г. – ни одного (не считая обсуждение монографии Б.Г. Реизова), за первое полугодие 1948 г. – только три.

Незначительная продуктивность работы структуры признавалась и её участниками. О чем свидетельствует сохранившийся в личном деле Б.Г.

³⁰³ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 147.

Вебера документ о деятельности комиссии за первое полугодие 1948 г., подписанный В.П. Волгиным и Б.Г. Вебером. Источник не датирован, полагаем, что он был подготовлен после 4 июня 1948 г. – это самая поздняя дата, которая зафиксирована в документе. В этот день В.Е. Иллерицкий прочел на очередном заседании доклад об исторических взглядах В.Г. Белинского³⁰⁴.

Документ являет собой записку с подробным изложением причин неудовлетворительной работы институции. Нехватка штатных единиц названа в качестве главной проблемы. В распоряжении комиссии была только одна штатная единица – ученого секретаря, который оказался по естественным причинам «не в состоянии обеспечить решающий перелом в этом отношении и необходимый размах историографической работы»³⁰⁵. Об этом же несколькими месяцами позже (январь 1949 г.) говорил на Общем Собрании АН СССР Н.М. Дружинин. Руководство комиссии несколько раз обращалось к Президенту АН СССР с ходатайством об увеличении сначала до трех, затем до двух штатных единиц, но при условии предоставления одному из них «права второго заместителя Председателя комиссии, последняя сможет собираться достаточно часто, а главное – регулярно, в точно установленные дни и часы, без чего невозможно создание широкого и крепкого актива»³⁰⁶. Первое ходатайство осталось неудовлетворенным, в отношении второго (от 8 апреля 1948 г.) в источнике сказано, что оно находится на рассмотрении.

Вторая причина неэффективности деятельности институции, по мнению авторов записки, заключалась в большом объеме сверхплановых заданий у ее членов. Что привело к откладыванию «на второй план» обязательств перед комиссией. В.П. Волгин и Б.Г. Вебер подчеркнули, что институция «не может строить свою плановую работу исключительно лишь на сверхплановых обязательствах научных работников, добровольно взявших

³⁰⁴ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 27.

³⁰⁵ Там же. Л.28

³⁰⁶ Там же. Л.29

на себя ее задания»³⁰⁷. Поэтому, по их мнению, необходимо включение этих заданий в планы соответствующих структур АН СССР, «прежде всего, Института истории»³⁰⁸.

При изучении данной записки возникает ряд вопросов. Только ли названные в документе причины оказали решающее влияние на деятельность комиссии? Кому была адресована записка? И каковы мотивы ее составления?

Записка, напомним, была создана не ранее 4 июня 1948 г. – к этому времени идеологическая кампания против «буржуазного объективизма» уже набрала достаточные обороты, заняв центральное место в интеллектуальной жизни Советского Союза. С февраля 1948 г. все громче звучит критика в адрес Н.Л. Рубинштейна и его «Русской историографии»: сначала на страницах «Вопросов истории», 15 – 20 марта – на совещании заведующих кафедрами истории университетов и педагогических вузов, организованное Министерством высшего образования СССР, на заседаниях в учебных и научных центрах страны.

Руководство комиссии по истории исторической науки в своей записке обратило внимание на эти события, а также подчеркнуло важность историографических исследований, ведь теперь стало «ясно, что историография, которой должна принадлежать ведущая роль среди других отраслей истории, является одним из самых отсталых участков научной работы в исторической области»³⁰⁹. Мысль о недостаточности изучения историографических сюжетов публично озвучивалась в 1948 – 1949 гг. и другими представителями исторической корпорации. В частности, в рамках обсуждения «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна в Министерстве просвещения в мае 1948 г. Е.Н. Городецкий подчеркнул: «Историограф в нашей стране – фигура большая. Это не просто историк, а историк, который должен стоять на голову выше рядового учёного. Историограф выносит свой приговор историкам прошлого. Но не только в этом заключается его задача.

³⁰⁷ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л.

³⁰⁸ Там же. Л.29.

³⁰⁹ Там же. Л. 28.

Он направляет историков, он их учит, он выдвигает новые задачи, он является и судьей историков прошлого и учителем историков современности»³¹⁰. Далее выступавший задал ряд популистских вопросов: почему многие историки перестали заниматься проблемами историографии или почему этими проблемами занимается один Н. Л. Рубинштейн? Ответ, по мнению Е.Н. Городецкого, прост – боязнь исторических учреждений «постановки теоретических вопросов, ухода историков в локальные исследования»³¹¹. Однако, сама по себе формулировка «перестали заниматься» создает ложное впечатление у слушателя/читателя, будто разработка историографических сюжетов в предшествующий период (1920 – середина 1940-х гг.) находилась в фарватере советской исторической науки, а потом произошли какие-то события, под влиянием которых внимание ученых «переключилось» на другие темы. Напротив, оживление в этой области исторического знания произошло после окончания войны – и деятельность комиссии по истории исторической науки сыграло в этом, думается, не последнюю роль.

В 1948 г. историографическая комиссия попала в жернова идеологических кампаний и «проработок». Теперь историография в том виде, в котором, разумеется, она была представлена, стала ассоциироваться с «буржуазным объективизмом», «космополитизмом» и «низкопоклонством». Но, несмотря на все это, комиссия продолжила свое существование, правда, в ином виде.

Во второй половине 1948 г. вместо В.П. Волгина председателем комиссии на короткое время был назначен Е.А. Косминский. В 1949 г. на этой должности его сменил М.Н. Тихомиров. В том же году комиссия будет переведена в ведение Института истории, а ее главной задачей станет «создание томов "Очерков по истории исторической науки", которые должны были охватить развитие историографии с древнейших времен до настоящего

³¹⁰ Вотинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 133.

³¹¹ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 133.

времени» и стать частью многотомной «Истории науки и техники в СССР»³¹². Весьма интересно, почему произошли эти кадровые пертурбации? В.П. Волгин возглавил комиссию, занимая высокие позиции в руководстве АН СССР (вице-президент, академик-секретарь Отделения истории и философии). Любопытно, председателями подобных комиссий (по истории других наук) были «генералы советской науки»: президент АН СССР, члены-корреспонденты, академики, лауреаты Сталинских премий. В развернувшейся борьбе с «буржуазным объективизмом», когда историография стала «мишенью», возглавлять комиссию по историографии В.П. Волгину стало небезопасно для политической карьеры в АН СССР. Тем более, что активизировался Г.Ф. Александров, претендовавший на место академика-секретаря Отделения истории и философии. 5 октября 1948 г. Г.Ф. Александров отправил Г.М. Маленкову письмо, где рапортовал: «в Академии Наук СССР сложилось крайне ненормальное и даже тревожное положение с руководством общественными науками, гуманитарными институтами Академии»³¹³. Общественные науки, по мнению автора письма, «находятся в загоне», потому что руководит работой гуманитарных институтов В.П. Волгин – «человек весьма пожилого возраста, мало работоспособный и не интересующийся жизнью партии и в стране, по своим воззрениям он весьма далек от современного уровня, достигнутого марксистско-ленинской наукой, и антикварен»³¹⁴.

Что касается короткого периода председательства Е.А. Косминского, согласимся с точкой зрения В.В.Тихонова. По его мнению, историк после критики в адрес «Средних веков» и «Византийского временника» (издававшихся под его редакцией), обвинений «в извращении истории исторической науки» стал неудобной фигурой и поэтому был нежелателен в качестве председателя комиссии³¹⁵. Правда, это не объясняет, почему на его

³¹² Отчет о работе Комиссии по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1.Д.676.

³¹³ Докладная записка Агитпропа ЦК Г.М. Маленкову «О руководстве общественными науками в АН СССР»// Сталин и космополитизм. 1945 – 1953. Документы. С. 205.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 341.

место назначили не менее «неудобную» фигуру – М.Н. Тихомирова. В разгар идеологических кампаний «позднего сталинизма» под удар критики попали два учебника, подготовленных историком: «История СССР для педагогических училищ» (М., 1947), «История СССР для неисторических факультетов», (в соавторстве с С.С. Дмитриевым, М., 1948)³¹⁶. Обвинения в адрес М.Н. Тихомирова звучали и в Институте истории, и на заседаниях в МГУ, и на страницах исторической периодики. Кроме того, историк не отличался покладистым характером. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что отказ М.Н. Тихомирова «каяться» перед заведующим Отделом пропаганды, академиком Г.Ф. Александровым. Не стал историк писать «заказную» работу в антисемитского плана³¹⁷. О тяжелых днях борьбы с «космополитизмом» М.Н. Тихомиров в дневниках записал: «Как обидно непонимание того, что люди трудятся и ждут, пусть не похвалы, – справедливости»³¹⁸.

Причина назначения М.Н. Тихомирова председателем комиссии по историографии, полагаем, связана со сферой его научных интересов. Историк-медиевист, специализирующийся по истории феодальных отношений в английской деревне, Е.А. Косминский не совсем вписывался в новый формат деятельности институции – подготовка коллективного многотомного издания по истории исторической науки в СССР. В этой связи вполне разумно назначить председателем институции специалиста по отечественной истории. Но почему на эту должность назначили именно М.Н. Тихомирова? Действительно, он занимался изучением истории России с древнейших времен до XVIII в., имел опыт историографических исследований, обладал высоким статусом в АН СССР (в 1946 г. был избран членом-корреспондентом). К тому же, напомним, историк не входил в первый состав комиссии – он был привлечен как дополнительный рецензент

³¹⁶ См. об этом: Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» // Новые исторические перспективы. 2016. № 1. С. 78 – 88.

³¹⁷ Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и кампания... С. 79.

³¹⁸ Тихомиров М.Н. Дневниковые записи за 1947 – 1948 // АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 2. Л. 7.

издания «Научного наследства» в 1947/1948 гг. Можно предположить, что эти соображения и послужили основанием для назначения М.Н. Тихомирова председателем.

Итак, рассматриваемый период деятельности комиссии – «период историографической мечты» – быстро завершился под ударами идеологических кампаний. «Проработки» конца 1940 – начала 1950-х гг. не были столь драматичными, как во второй половине 1930-х г. Однако и они болезненно сказались на развитии исторической науки в целом и историографической дисциплины в частности. Заниматься историографией стало небезопасно – слишком велика вероятность стать мишенью для публичной критики со всеми вытекающими из этого последствиями. С другой стороны, предать историографическую дисциплину забвению было невозможно – в условиях «холодного мира» ей вменялось быть инструментом борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, способом презентации достижений советской исторической науки. Именно поэтому после громкой критики «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна и обвинении автора в «объективизме, отсутствии боевого духа и марксистско-ленинской партийности, академизме, абстрактности и аполитичности в постановке и решении важнейших вопросов исторической науки»³¹⁹, после запрета использовать этого издание в учебном процессе была создана рабочая группа для подготовки учебника по историографии (что по существу означало переработку «Русской историографии»). В состав этой группы наряду с М.Н. Тихомировым, С.С. Дмитриевым, В.Е. Иллерицким вошел и Н.Л. Рубинштейн³²⁰.

«Ждут меня многие и сложные дела, в особенности история исторических знаний – дело нужное и сложное, от исполнения которого зависит многое в развитие нашей историографии и источниковедения»³²¹ –

³¹⁹ Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн...С. XXX.

³²⁰ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний...С. 369.

³²¹ Комочев Н.А., Мельников А.В., Тихонов В.В. «Не сердитесь за неаккуратность в письмах»: письма М.Н.Тихомирова к А.П. Пронштейну. 1949 – 1964 гг. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 130.

писал 1 октября 1950 г. М.Н.Тихомиров своему ученику, преподавателю Ростовского университета А.П. Пронштейну. В следующий период (1949 – 1958) работа комиссии была существенным образом переформатирована – все силы были сосредоточены на подготовке академического издания по истории исторической науки в СССР.

2.2. Деятельность комиссии по истории исторической науки в 1949 – 1958 гг.

Рубеж 1949 – 1950 гг. стал началом нового периода в истории историографической комиссии – периодом, когда деятельность институции была подчинена одной цели. Все силы комиссии были сосредоточены на подготовке фундированного академического издания по истории исторической науки в СССР. В этом разделе диссертации в фокусе нашего внимания – деятельность комиссии по созданию обобщающего труда по историографии. Такой ракурс позволит воссоздать практику построения коллективных текстов, что было характерной чертой советской исторической науки. Подобного плана исследования осуществлялись в рамках масштабных проектов: «Всемирная история», «История СССР». Вопрос, как написать историю вместе» занимает современных историографов³²². Насколько этот процесс являлся вызовом внутренних факторов развития науки, а насколько он вписывался в регламентацию научных процессов со стороны власти – эти вопросы неизбежно возникают перед исследователем.

Изменение направления деятельности комиссии повлекло за собой и изменение ее состава, который практически полностью был обновлен. Увеличилось число членов с 26 до 59 чел. Примечательно, только 8 участников входили в первый состав институции (Б.Г. Вебер, Е.А. Косминский, М.В. Нечкина, Ф.В. Потемкин, Н.Л. Рубинштейн, С.Д. Сказкин, С.П. Толстов, А.Д. Удальцов). Изменилось поколенческое представительство

³²² Свешникова О.С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир историка: историографический сборник. Вып.3. Омск, 2007. С. 157 – 168; Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 1. С. 136-151.

исследователей в комиссии. Если в 1946 – 1948 гг. большинство членов принадлежало так называемой «старой школе», то теперь преобладали историки, получившие образование в советских вузах в конце 1920 – конце 1930-х гг. (25 чел.). Эти изменения связаны как с естественной сменой поколений в исторической науке (в эти годы из жизни ушли В.И. Пичета, И.Ю. Крачковский, С.В. Бахрушин и др.), так и являются последствиями идеологических кампаний (например, перевод О.Л. Вайнштейна на работу в Киргизский университет, «проработки» А.М. Деборина, лишённого в 1950-х гг. значимых позиций в Институте истории – в июне 1949 г.³²³ статус исследователя был понижен с должности заведующего сектором новейшей истории до старшего научного сотрудника, в 1953 г. его вовсе исключили из учёного совета³²⁴).

В 1950 г. комиссия приступила к обсуждению плана будущей «Истории исторической науки» (так первоначально назывались будущие «Очерки»). Предполагалось сделать это издание двухтомным, разделив тома по хронологическому признаку: на дореволюционный и советский период. К началу 1951 г. комиссия определилась с концепцией издания: были сформулированы магистральные идеи обоих томов. В первом томе планировалось представить историю отечественной исторической науки с древнейших времен до 1917 г. в тесной связи с общим контекстом развития общества и государства и «на фоне классовой борьбы и борьбы политических течений»³²⁵. Акценты предполагалось делать на проблемах «формирования прогрессивной исторической мысли», на иллюстрации «ведущей роли революционно-демократических идей в развитии исторической науки» и «ее

³²³ Уже весной 1948 г. тучи над А.М. Деборина сгущались. Так, аспирант сектора, референт А.М. Деборина, А.М. Некрич вспоминает о разговоре с В.Д. Мочаловым, секретарем партячейки Института истории, который в конце беседы сказал: «Александр Моисеевич, в вашем секторе не все благополучно. Весьма вероятно, что будут какие-то перемены. Постарайтесь быть в стороне» Цит. по: Некрич А.М. Отрешись от страха...С. 37.

³²⁴ См. об этом: Корсаков С.Н. Вступительная статья // А.М. Деборин (1881 – 1963). М., 2013. С. 33 -34.

³²⁵ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 768. Л. 5 – 5 об.

приоритета перед зарубежной исторической наукой в постановке ряда исторических проблем и способах их разрешения»³²⁶.

Магистральная линия второго тома – «показать значение трудов Ленина и Сталина» в развитии историографии³²⁷. Здесь также были намечены «узловые» проблемы, которые по существу сводились к демонстрации исключительности и уникальности советской исторической науки. Планировалось изучить превосходство марксистско-ленинской историографии «над дореволюционной буржуазной историографией в России и над современной буржуазной историографией», а также «вскрыть социальную сущность враждебных антимарксистских течений в советской историографии и показать преодоление этих течений в советской историографии»³²⁸. В условиях «холодной войны», конфронтации двух противоположных систем особенно актуальным стал «экспорт» марксистско-ленинского знания в страны народной демократии. С этой целью в 1946 – 1947 гг. Чехословакию посетил А.Л. Сидоров. Среди прочего историк прочел лекции и по историографии студентам Пражского университета и университета в Братиславе. А.Л. Сидоров в отчете о командировке отметил: «Во время поездки я убеждался в том, что мы не используем силу и авторитет советской науки, чтобы увеличить капитал, завоеванный Красной Армией»³²⁹. Все перечисленное подтверждает актуальность акцента в обобщающем издании по историографии на проблеме влияния советской историографии «на развитие исторической науки в странах народной демократии»³³⁰.

Задаваемый ракурс историографического исследования носил выраженный политический характер воспевания универсальности марксистского подхода и соответствовал риторике «холодной войны». В то

³²⁶ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 768. Л. 5 – 5 об.

³²⁷ Там же. Л. 5 об.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Отчет о работе в Чехословакии профессора Московского университета А.Л. Сидорова // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 80. Д. 3. Л.20.

³³⁰ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 768. Л. 5 об.

же время этот подход строился с учетом замечаний, предъявляемых авторам историографических трудов во время идеологических кампаний. Но только ли внешними факторами можно объяснить это грандиозный замысел? Обращение к деятельности комиссии по написанию «Очерков» позволит нам зафиксировать не только эти внешние факторы развития историографии, но и выявить собственно-научный дискурс.

В работе над «Очерками» привлекались сотрудники Института истории АН СССР, специалисты, работавшие в филиалах АН СССР и в Академиях наук Союзных республик. На первом этапе подготовки коллективного труда возникли сложности с авторами разделов по истории изучения всеобщей истории в отечественной науке. На очередном заседании комиссии в 1950 г. (16 октября) М.А. Алпатов предложит следующее решение вопроса: материал по историографии Древнего мира поручить подготовить С.Л. Утченко, Средних веков – М.А. Алпатову, византиноведения до Октябрьской революции – А.Д. Удальцову. Кроме того, докладчик высказал сомнения относительно целесообразности участия Б.Г. Вебера в подготовке статей по историографии Нового времени. В этом его поддержал Б.Ф. Поршнев, отметив, что Вебер имеет не только «напряженный план по сектору», но и обязательство написать статью по историографии французской революции для многотомной «Истории СССР»³³¹. В конце концов было решено поручить подготовку разделов по дореволюционной и советской историографии Средних веков и Нового времени Ф.В. Потемкину³³².

В 1951 г. комиссия, следуя «рекомендации» И.В. Сталина, согласно которой «никакая наука не может развиваться без борьбы мнений, без свободы критики», стала выносить на широкое обсуждение наиболее важные сюжеты «Очерков»³³³. Данное обстоятельство, полагаем, тормозило работу над томами, так как, во-первых, много сил и времени уходило на

³³¹ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 676. Л. 3.

³³² Там же. Л. 3.

³³³ Комиссия по истории исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 770. Л. 1

дополнительные совещания, а во-вторых, авторов обязали составлять «более подробные, чем общий проспект конспекты»³³⁴.

В 1951 г. состоялось обсуждение проспекта первого тома: сначала в комиссии, а 30 мая – на заседании Ученого совета Института истории АН СССР³³⁵. Представил проспект на совете председатель комиссии М.Н. Тихомиров. В своем выступлении историк обозначил главные проблемы, с которым столкнулась авторская группа. Большую трудность вызвали методологические вопросы, отметил докладчик, в «Очерках» предпринималась попытка преодолеть «ошибку предыдущих авторов, когда все это развитие [имеется в виду исторической науки – *В.Г.*] показывалось в виде смены одних крупных работ другими: за Татищевым идет Ломоносов, за Ломоносовым вышла большая работа Щербатова, затем взгляды Болтина и т.д. и т.п.». М.Н. Тихомиров не согласен с таким подходом, в результате которого историографический процесс предстает монотонным движением исторической науки. Что предлагалось взамен? Историк отметил, что авторы нового издания стремились «показать развитие историографии как научной дисциплины, показать расширение проблематики, развитие исследовательской работы, накопление конкретного исторического знания, одним словом, то, что создавало бы фундамент для будущих работ – это то, что обычно в обыкновенных курсах историографии почти что пропускается совершенно»³³⁶.

Другая проблема, которой уделил внимание докладчик, посвящалась организации работы комиссии. В первую очередь, М.Н. Тихомиров указал на неодинаковый вклад секторов Института истории в общее дело. Особое недовольство у него вызвал сектор истории СССР XIX века: в главах по этому периоду, отметил докладчик, «недостаточно общей характеристики» эпохи. Это же замечание сделали присутствовавшие на совете Института

³³⁴ Там же. Л. 2.

³³⁵ Стенограмма заседания Ученого совета по обсуждению проспекта издания «История исторической науки в СССР с древнейших времен до наших дней» // АРАН.Ф. 1577. Оп. 2. Д. 268.

³³⁶ Там же. Л. 9.

историки. М.Н. Тихомиров эмоционально заявил: «Но эти характеристики я сам составил, плохо, правда, составил – но вы-то в секторе ничего не сделали, – и, повышая градус своего выступления, продолжил, – Разрешите мне рассердиться. Плохо, скверно сделал, но сделал, а вы не сделали. Я как нищий хожу, прошу. А что вы сделали?»³³⁷.

Вообще надо сказать, что Ученый совет был критически настроен к представленному проспекту. Н.А. Сидорова упрекнула авторов-составителей в недостаточном освещении взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. По ее мнению, они так скудно представлены, что их буквально «под лупой» можно рассмотреть. С этим упреком согласился и Б.П. Полевой.

Также было сделано замечание по поводу хронологии: где следует проводить «демаркационную» линию между томами, когда берет свое начало марксистская историографии в России, когда «буржуазная историография» достигает кризиса? По данному вопросу высказывались разные мнения. Однако реакция М.Н. Тихомирова на них была неизменно раздраженной. Так, на замечания А.С. Ерусалимского он ответил: «... Вы так весело сказали: того нет, другого нет. А Вы тоже историограф!»³³⁸.

Стенограмма заседания Ученого совета позволяет современному исследователю последить замысел и подготовку первого тома. Финальным аккордом заседания стала пламенная речь М.Н. Тихомирова, которая как нельзя лучше передает настроение ученого. В ней исследователь говорит о сложности задачи постижения историографии: «Я, как председатель этой комиссии, скажу определенно, что когда год тому назад мне пришлось это дело на себя взять, я не представлял себе размаха этой работы»³³⁹. Слова М.Н. Тихомирова наполнены решимостью реализовать столь грандиозный проект, поскольку, по его мнению, это позволит изменить настроение в научном сообществе в отношении истории науки. Ученый отметил, что «в

³³⁷ Там же. Л. 53 – 54.

³³⁸ Там же. Л. 54.

³³⁹ Там же. Л. 59.

последнее время возникло по другим наукам <...> сомнение, нужна ли история науки»³⁴⁰.

Отчасти М.Н. Тихомиров воплотит задуманное. Озвученные на Ученом совете предложения и замечания впоследствии были обсуждены на заседании комиссии³⁴¹. Обратимся к плану-проспекту, утвержденному после горячих споров в 1951 г. Итак, в первый том должны были войти следующие части:

1. Развитие исторических знаний в Киевском государстве и при феодальной раздробленности Руси (автор – М.Н. Тихомиров);
2. Развитие исторических знаний в Русском государстве XVI – XVII вв. (автор – М.Н. Тихомиров);
3. Развитие исторических знаний в России первой половине XVIII в. (автор – М.Н. Тихомиров);
4. Развитие исторических знаний в России во второй половине XVIII в. (автор – Б.Б. Кафенгауз);
5. Исторические взгляды декабристов и А.С. Пушкина (автор – А.В. Предтеченский);
6. «Государственная» историческая школа (автор – Н.Л. Рубинштейн);
7. С.М. Соловьев как наиболее крупный представитель «государственной школы» (автор – Н.Л. Рубинштейн);
8. Изучение всемирной истории (автор – М.А. Алпатов);
9. Изучение социально-экономической истории, исторической географии, краевой истории в первой половине XIX в. (автор – В.К. Яцунский);
10. Изучение социально-экономической истории, исторической географии, краевой истории во второй половине XIX в. (автор – В.К. Яцунский);

³⁴⁰ Там же. Л. 59.

³⁴¹ Отчет о работе комиссии по истории исторической науки за 1951 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1 Д. 770. Л. 12 – 13.

11. Развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в первой половине XIX в. (автор – К.В. Сивков);
12. Научные учреждения и архивы. Развитие археографии и вспомогательных исторических дисциплин во второй половине XIX в. (автор – К.В. Сивков);
13. Н.И. Костомаров (автор – А.М. Станиславская);
14. В.О. Ключевский и его школа (автор – И.К. Додонов);
15. Развитие исторических знаний у народов СССР до Великой Октябрьской социалистической революции (автор – АН Союзных республик);
16. Основные черты исторического знания в России в первой половине XIX в. (автор – В.Е. Иллерицкий);
17. Революционные демократы: Г.В. Белинский, А.И. Герцен (автор – В.Е. Иллерицкий);
18. Основные черты исторического знания в России во второй половине XIX в. (автор – В.Е. Иллерицкий);
19. Развитие революционно-демократического понимания истории: Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов (автор – не указан);
20. «Официальное» направление (М.П. Погодин и др.). Славянофилы. Скептическая школа. Н.А. Полевой (автор – А.В. Предтеченский)
21. Кризис буржуазной историографии в России (автор – Л.В. Черепнин)³⁴².

Оживляют историю подготовки этого издания воспоминания Р.А. Киреевой, одной из активных участниц деятельности комиссии (впоследствии сотрудницы группы/сектора по истории исторической науки в Институте истории). Исследовательница отмечала: «Работа над первым томом книги близилась к завершению <...>. Не было лишь одного –

³⁴² Отчет о работе комиссии по истории исторической науки за 1951 г. // НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 770. Л. 8 – 11.

политически заостренного, "правильного" Введения, без которого книга не могла выйти в свет. Правда, для написания Введения были предусмотрены партийные члены редколлегии – А.М. Панкратова и А.Л. Сидоров. Всегда чрезвычайно занятая Анна Михайловна предпочла выйти из редколлегии. А.Л. Сидоров, ставший к тому моменту директором Института истории АН СССР, писать Введение отказался. Взоры обратились к еще одному члену партии – Михаилу Антоновичу Алпатову. Он-то и написал Введение. Оно было одобрено редколлегией и без подписи опубликовано как редакционное»³⁴³.

Обратимся к введению первого тома. Для авторов «Очерков» характерен сциентистский подход к определению дисциплины, согласно которому историография есть наука с широким предметным полем. Так, историография изучает и «историю накопления знаний о развитии человеческого общества», и «историю усовершенствования методов исторического исследования», и «историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений», и «историю раскрытия законов исторического развития, и «историю марксистско-ленинской науки над буржуазной псевдонаукой»³⁴⁴.

Далее в духе исправления ошибок, обозначенных идеологическими кампаниями конца 1940-х гг., перечислены преимущества марксистской историографии над буржуазной. Среди них представление об историческом процессе как цельном, закономерном, поступательном движении, не сводимом исключительно к деятельности отдельных лиц-монархов. Во введении были названы и «враги» советской исторической науки. С одной стороны, это представители буржуазной историографии начала XX века в лице ее видных представителей: П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского. В работах этих и других историков, как следует из источника, «отрицается закономерность в историческом процессе, а исторический материал эти

³⁴³ Киреева Р.А. М.А. Алпатов и "Очерки истории исторической науки в СССР" (М., 1955-1985. Т. I-V) // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С.328.

³⁴⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955. С. 5.

ученые «подгоняют под реакционные схемы с целью исторического оправдания капиталистического строя»³⁴⁵.

Другим врагом названа «современная реакционная зарубежная «наука»» (причем, слово наука взято в кавычки!), которая также основывается на отрицании существования объективной реальности³⁴⁶. И вот как объясняется причина этого подхода авторами «Очерков»: «Идеологи империалистической реакции и поджигателей войны боятся признать объективную закономерность развития общества и возможность научного предвидения исторического процесса, ибо это означало бы признание неизбежности гибели капитализма»³⁴⁷. Что же здесь добавить?! Да здравствует классовый подход и навешивание ярлыков, так хорошо усвоенное учениками Покровского! Сравним этот пассаж с рассмотренными нами докладами на заседаниях комиссии (той же самой институции, но в иных культурных реалиях!) – с докладами, так или иначе посвященных буржуазной историографии. Отличается все: лексика, тональность, эмоциональный настрой. Урок идеологических кампаний конца 1940-х г. выучен: буржуазный объективизм в советской историографии побежден!

История исторической науки, по мысли авторов издания, делится на два периода. В первый период, названный «домарксистским/донаучным», история еще не была научной дисциплиной, «несмотря на свои отдельные достижения»³⁴⁸. Второй период – «марксистский/научный» – знаменовал собой «всемирно-исторический подход в области идеологии», превратив историю в «подлинную науку»³⁴⁹. Забегая вперед, скажем, что на организованной комиссией научной сессии в 1959 г. предложенная периодизация будет подвергнута критике.

Таким образом, во введении к первой академической истории исторической науки в СССР был четко сформулирован историографический

³⁴⁵ Очерки истории исторической науки ... С.9.

³⁴⁶ Там же. С. 10.

³⁴⁷ Там же. С. 10.

³⁴⁸ Там же. С. 11.

³⁴⁹ Там же. С. 12

подход, исходный посыл которого – историческая наука «национальна по своему характеру». Действительно, трудно не согласиться с тем, что нельзя не учитывать в историографическом анализе национальные традиции. Однако авторы издания постулировали исключительность национальной историографии и классовый подход: «Только исследовав, представителем какого класса и в какой стране выступают данное историографическое направление и данный историк, можно правильно и всесторонне оценить это направление»³⁵⁰.

Первый том был сдан в печать в 1953 г. Архитектоника издания претерпела изменения в сравнении с проспектом и представляла собой 12 глав, которые можно разделить на 3 группы: 1) историография истории России с древнейших времен до середины XIX века; 2) историография национальных республик; 3) историография изучения всеобщей истории³⁵¹. В 1955 г. состоялось долгожданное событие: первый том в синем переплете с золотой надписью «Очерки истории исторической науки» вышел из печати, однако синего переплета могло и не быть. Об интересном курьезе по этому поводу вспоминает Р.А. Киреева: «Получили сигнал первого тома – это всегда праздник в истории издания книги! Но переплет был цвета грязной охры, на котором почти не читалось набранное золотыми буквами название. Творческий человек, мыслящий образами Михаил Антонович [Алпатов – В.Г.] сразу определил: "это цвет живота лягушки в обмороке!" Предложенный цвет переплета просто обидел Михаила Николаевича [Тихомирова – В.Г.]. Он написал сердитую резолюцию о том, что подобный цвет является знаком неуважения к такому важному, солидному изданию, что он категорически против него и поставил свою подпись. Через секунду Михаил Николаевич дописал перед своей фамилией: "Академик",

³⁵⁰ Там же. С. 14.

³⁵¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955.

приговаривая: "Вот им!"»³⁵². Жалобы были услышаны, а «Очерки» были «одеты» в синий переплет.

В 1955 г. первый том «Очерков» вышел в свет. В крупных центрах исторической науки того времени – Москве, Ленинграде, Саратове – прошло публичное обсуждение издания³⁵³. Известно, например, о заседании в редакции «Вопросов истории» в октябре 1955 г.³⁵⁴. Собравшиеся, их было около 20 человек, являлись сотрудниками академических институтов и преподавателями столичных вузов. Выступавшие назвали «Очерки» важным событием научной жизни. Однако было высказано немало замечаний, главное из них – вопросы периодизации истории исторической науки в СССР. Предложенное авторами «Очерков» деление истории исторического знания на «домарксистский» и «марксистский», по мнению участников встречи, довольно примитивное (С.А. Покровский) и не отражает реальной картины развития историографии в СССР, поскольку замыкается исключительно на русской историографии (А.М. Сахаров, М.С. Селезнев, А.В. Фадеев, М.И. Хейфиц). Что касается истории исторической науки других народов Советского Союза, то она «подгоняется» под русскую историографию. Профессор МГУ И.А. Федосов существенным недостатком издания назвал «попытку разложить всю историю исторической науки на определенные «полочки»: дворянская историография, буржуазная историография, революционно-демократическая, – как если бы между этими направлениями не существовало никаких точек соприкосновения»³⁵⁵. Н.Л. Рубинштейн, напротив, выделение «домарксистского» и «марксистского» периодов назвал правильным методологическим решением. Однако, по его мнению, все же не следует смешивать домарксистский и псевдонаучный

³⁵² Киреева Р.А. М.А. Алпатов и "Очерки истории исторической науки в СССР"... С.328.

³⁵³ Об прошедших осенью 1955 г. обсуждении «Очерков» в Московском и Ленинградском университете сообщил М.А. Алпатов на заседании исторического и филологического факультетов Саратовского университета.

³⁵⁴ Обсуждение «Очерков истории исторической науки в СССР» // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 188 – 194.

³⁵⁵ Обсуждение «Очерков истории исторической науки в СССР»...С. 191.

период, как это сделали авторы «Очерков». Многие замечания московских коллег повторили и саратовские историки.

В Саратовском университете обсуждение «Очерков» состоялось 23 – 24 ноября 1955 г. В нем приняли участие не только преподаватели исторического и филологического факультетов СГУ, студенты, но и партийные работники, преподаватели Высшей партийной школы в Саратове. В личном фонде саратовского историка Л.А. Дербова сохранились фрагмент стенограммы его выступления³⁵⁶, а также подписанная историком справка, в которой кратко указывались основные замечания, прозвучавшие на заседании³⁵⁷. Присутствовал на заседании и представитель авторского коллектива М.А. Алпатов. Во вступительном слове он обратился к аудитории: «Товарищи, я нахожусь в положении человека, который втянул голову в плечи и ждет, с какого бока его ударят»³⁵⁸. Положение историка понятно: до обсуждения в Саратове «Очерки» подверглись серьезной критике в Москве и Ленинграде. Теперь настал черед саратовских ученых. Первым выступил Л.А. Дербов, который положительно оценил сам факт публикации такого рода издания. Это третья попытка в советской исторической литературе «создать нечто сводное по историографии» – заявил историк³⁵⁹. Первая попытка была предпринята М.Н. Покровским и его учениками в 1920-е г. («Русская историческая литература в классовом освещении»). Этот сборник статей, продолжил Л.А. Дербов, «порочный в методологическом отношении» и используется современными авторами «для критики антиленинских, антимарксистских позиций школы Покровского»³⁶⁰. Вторая попытка была предпринята Н.Л. Рубинштейном: накануне войны вышла из печати его «Русская историография». Этот труд, по мнению Л.А. Дербова, также нельзя назвать удачным опытом. И вот волнующий момент –

³⁵⁶ Стенограмма заседания работников исторического и филологического факультетов, посвященного разбору книги «Очерки истории исторической науки в СССР» // ГАСО. Ф.3731. Оп.1. Д. 98.

³⁵⁷ Обсуждение книги по истории исторической науки // ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 56

³⁵⁸ Стенограмма заседания работников исторического и филологического факультетов, посвященное разбору книги «Очерки истории исторической науки в СССР» // ГАСО. Ф.3731. Оп.1. Д. 98. Л.1 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 2.

³⁶⁰ Там же. Л. 2.

Институт истории подготовил столь долгожданное академическое издание по истории исторической науки в СССР. И оно не то, что не лишено, оно изобилует недостатками!

Какие же недостатки этого труда отметили саратовские ученые? Л.А. Дербов указал на «низкий теоретический уровень отдельных частей» издания. К таковым он отнес разделы, посвященные революционным демократам: В.Г. Белинскому, Н.Г. Чернышевскому, А.И. Герцену. В этих разделах авторы продемонстрировали «поверхностный подход», заменив по сути анализ развития мировоззрения общественных деятелей цитатами из их трудов. В этом его поддержал историк литературы, доктор филологических наук Ю.Г. Оксман, сказав, что при таком подходе представители прогрессивного революционно-демократического движения» выглядят «одинаково тускло»³⁶¹.

«Очерки», считает Л.А. Дербов, «перегружены материалом, не имеющим прямого отношения к историографии»³⁶². Также собравшиеся обратили внимание и на низкое качество редакционно-технической работы. По их мнению, редакции не удалось стилистически и концептуально связать воедино разделы, потому «Очерки» напоминают «несобранную мозаику».

Другой недостаток «Очерков», по мнению ряда ученых (М.С. Персова, И.Д. Степанова, И.В. Сеницына), был связан с отрывом истории русской историографии от развития исторической науки в Западной Европе. М.С. Персов заметил, что «авторы «Очерков» всячески обходят связь передовой русской историографии первой половины XIX века с развитием западноевропейской философской мысли, в особенности с философией Гегеля»³⁶³. Заметим, что это замечание на заседании редакции «Вопросов истории» высказал историк права, сотрудник Института права АН СССР С.А. Покровский.

³⁶¹ Обсуждение книги по истории исторической науки // ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же. Л. 2 – 3.

Названные недостатки и «упущения» авторов «Очерков», полагаем, были связаны не с отсутствием необходимого профессионализма. Это была стратегия выживания – ген страха, воплощавшийся в компромиссах. Напомним, что историко-философский акцент делался и в дореволюционных историографических работах (пожалуй, самый яркий пример представляет труд П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли»), и в «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна. Но идеологические проработки конца 1940-х гг. выхолостили эту традицию. С другой стороны, налицо результат той организационной проблемы, о которой М.Н. Тихомиров говорил на заседании Ученого совета Института истории 30 мая 1951 г. Этот вопрос так и остался нерешенным. Одним из объяснений случившегося, полагаем, может служить личность и профессиональные качества председателя комиссия. Вот, что отметил по этому поводу Ю.А. Поляков: «У Тихомирова был один серьезный недостаток. Он слишком любил исследовательскую работу, и заниматься другими делами, особенно организационными, тем более руководящими, не имел большой охоты»³⁶⁴.

Итак, попытка подготовить «компромиссный» труд, устраивавший и ученое сообщество, и власть, не увенчалась успехом. За время подготовки издания в политической и социально-культурной жизни страны произошли большие изменения. Напомним, что подготовка «Очерков» началась, когда идеологические кампании «позднего сталинизма» сходили на нет, опубликованы они были, когда дыхание «оттепели» и приближающихся перемен уже было слышно.

В 1953 г. продолжилась работа над вторым томом. Источники зафиксировали распределение заданий между академическими учреждениями АН СССР. Так, сектор истории народов СССР периода социализма занимался разработкой следующих разделов: 1) В.И. Ленин и развитие советской исторической науки (автор – М.П. Ким). К 1953 г. написано 7 п.л., работа началась в 1951 г.; 2) Изучение истории советского

³⁶⁴ Поляков Ю.А. Минувшее: Фрагменты: Воспоминания историка. М., 2011. С. 284.

общества (автор – Д.А. Баевский). Начало в 1951 г.; 3) Развитие исторического образования в СССР (автор – Т.А. Ремизова); 4) Исторические журналы и издательства (автор – Т.А. Ремизова); 5) Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции (автор – Г.Н. Голиков). Сектор истории народов СССР периода феодализма должен был проанализировать историю докапиталистических формаций в истории СССР, а также исследования по военной истории, предложенные военными специалистами. Секторам истории народов СССР периода капитализма, новой истории, новейшей историю следовало изучить историографию соответствующего периода. Сектору истории религии и атеизма поручалось исследование изучения истории Ближнего и Среднего Востока (автор – Н.А. Смирнов), Ленинградскому отделению Института истории АН СССР – изучение истории древнего мира (автор – М.Е. Сергиенко). Главы о советском источниковедении и вспомогательных научных дисциплин поручались С.Н. Валку. Сотрудники академических институтов (Институт славяноведения, Институт востоковедения, Институт этнографии, Институт истории материальной культуры) должны были подготовить главы об истории своих учреждений. Комиссия по истории исторической науки отвечала за подготовку разделов изучения истории Средних веков (автор – М.А. Алпатов).

Итак, комиссия в 1950-х – начале 1960-х гг. занималась подготовкой томов «Очерков истории исторической науки». В 1958 г. в ее составе снова произошли изменения: сменился председатель. В 1957 г. М.Н. Тихомиров уволился из Института истории и перешел на работу в Институт славяноведения. Видимо, это произошло в начале 1957 г., так как 21 марта 1957 г. историк обратился к заместителю директора Института истории Е.М. Жукову с просьбой «освободить [его – В.Г.] от обязанностей члена ученого совета», поскольку, объясняет адресант, «непосредственной своей работой с

Институтом Истории я в настоящее время не связан»³⁶⁵. Просьба М.Н. Тихомирова будет удовлетворена только в сентябре 1957 г. О чем свидетельствует сохранившееся в личном фонде ученого письмо с выпиской из протокола заседания Бюро Отделения исторических наук³⁶⁶.

В 1958 г. комиссию возглавила М.В. Нечкина. Об обстоятельствах своего назначения на эту должность историк упомянула на заседании Отделения исторических наук 30 ноября 1959 г., где был заслушан отчет о ее деятельности. М.В. Нечкина докладывала о результатах и направлениях исследования трех тем: 1) истории русского революционного движения, 2) истории исторической науки и 3) концепции русского исторического процесса.

Об историографических изысканиях историк сказала следующее: «Я ощущаю эту тематику, как тесно связанную с моей только что очерченной работой [речь идет об изучении революционного движения в России – *В.Г.*], но вместе с тем должна сказать, что, может быть, я и не занялась бы так вплотную и одновременно проблемой истории исторической науки, если в Институте Истории не создалось такое положение, когда пришлось эту тему взять, нельзя было отказаться от нее. Я, может быть, предпочла бы последовательный порядок – всегда приятнее заниматься чем-то одним, – но в данном случае сыграли какую-то роль и мои старые историографические симпатии. Я ведь начала свою работу с проблем историографических и всю жизнь время от времени возвращалась к этим проблемам и печатала свои работы в этой области, не говоря уже о моей первой книге по историографии, которая появилась в 1922 г.»³⁶⁷. Именно поэтому историк приняла предложение дирекции и возглавила комиссию по истории исторической науки.

³⁶⁵ Постановление Президиума АН СССР и извещение МГИАИ об утверждении М.Н. Тихомирова членом ученых советов Института славяноведения АН СССР и МГИАИ // АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 16. Л. 3.

³⁶⁶ Там же. Л. 4.

³⁶⁷ Стенограмма Общего собрания ОИН по отчетам М.В. Нечкиной и А.А. Губера о научной деятельности в 1959 г. // АРАН. Ф.457. Оп. 1/59.Д. 205. Л. 23 – 24.

В 1958 г. комиссия завершила обсуждение глав второго тома «Очерков», посвященного истории исторической науки в России во второй половине XIX в. Труд был сдан в печать после широкого обсуждения научной общественности в марте 1959 г. Широкое обсуждение состоялось 16 – 20 марта в рамках специально созванной комиссией сессии³⁶⁸. Открылась сессия докладом М.В. Нечкиной. Цель данного мероприятия, по ее мнению, состояла в необходимости «учесть все соображения, заслуживающие внимания, вдуматься в критику и улучшить по мере сил и возможностей все детали»³⁶⁹. М.В. Нечкина представила план построения всего издания в целом (том I – IV), которое, по ее мнению, пронизывают четыре потока: 1) «история исторических наук, изучающая историю нашей родины – России»; 2) «изучение всеобщей истории со всеми соответствующими подразделениями»; 3) «изучение истории исторических наук народов нашей родины»; 4) «изучение крупных смежных дисциплин таких, как археология, этнография, источниковедение, и вспомогательных исторических наук»³⁷⁰. Докладчица четко обозначила проблему, стоящую перед авторами и редакционной коллегией труда – вопрос о хронологической границе тома, который поднял на поверхность более глубокий, теоретико-методологический вопрос о периодизации истории исторической науки в целом. Уникальность и беспрецедентность в осмыслении опыта отечественной исторической науки в рамках «Очерков» также отметила М.В. Нечкина. Трудно парировать данному тезису – тем более, что издание привлекало внимание не только советских историков, но и иностранных ученых. В этой связи показательно письмо профессора Стенфордского университета А.Г. Мазура³⁷¹, отправленное 7 мая 1961 г. М.Н. Тихомирову: «За последние шесть месяцев я старался найти экземпляр Очерков Истории

³⁶⁸ Об этом совещании см.: Киреева Р. О работе комиссии по истории исторической науки в СССР // История СССР. 1959. № 3. С. 228 – 231; Королева Н.А. В Комиссии по истории исторической науки при Институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 202 – 207.

³⁶⁹ Личное дело М.В. Нечкиной // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 1. Л. 14.

³⁷⁰ Там же. Л. 15.

³⁷¹ Мазур Анатолий (Mazour Anatole Gregory) (1900 – 1982) – американский историк, специалист по русской истории и историографии, профессор Стэнфордского университета. Эмигрировал из России в 1921 г.

Исторической Науки в СССР (2-ой том), которое Вы издали в прошлом году. К великому моему огорчению я нигде не мог найти этой книги. Так как книга мне очень необходима для моего семинария в Станфордском университете»³⁷². Спустя пару месяцев (16 июля 1961) А. Мазур получил книгу, о чем сообщил в письме советскому коллеге³⁷³.

В 1959 г. параллельно с финальным обсуждением проспекта второго тома завершилась авторская работа над главами и разделами третьего тома и активно разрабатывалась концепция последних двух томов. В дальнейшем работа комиссии переплеталась/дублировалась/срослась с деятельностью таких институтских структур, как группа/сектор и научный совет по проблеме «история исторической науки» (*См.: Приложение 1*)³⁷⁴. В научном архиве ИРИ РАН содержится делопроизводственная документация комиссии по истории исторической науки с 1946 по 1961 гг. Материалы за 1962 год в архиве отсутствуют, но появляются документы вновь созданной группы по истории исторической науки. Скорее всего, комиссия была преобразована в группу по историографии. Данное предположение также подтверждают сведения, полученные нами из беседы с Р.А. Киреевой, которая вспоминает интересную деталь эмоционального плана: Милица Васильевна не любила название комиссия, и еще «de jure» существовавшую комиссию по истории исторической науке называла группой. Безусловно, не только это, но и изменение в сторону расширения направлений деятельности комиссии способствовали ее трансформации в группу. Отныне задачей ученых стала подготовка не только «Очерков», но и ежегодника «История и историки», монографических и диссертационных исследований. К этому сюжету, как и к истории научного совета по проблеме «История исторической науки» мы обратимся в следующем параграфе.

³⁷² Письма Мазур Анатолия Г. к М.Н.Тихомирову // АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 360. Л. 1.

³⁷³ Там же. Л. 2.

³⁷⁴ Институциональная карта и генеалогия историографических структур представлена на стр. 282 настоящей диссертации.

Итак, в исследуемый период историографическая работа в рамках комиссии сосредоточена на подготовку академического издания по историографии. Первоначально планировалось написать фундированную «Историю исторической науки в СССР», однако впоследствии было решено перейти к очерковому построению историографического нарратива. Как считают современные исследователи В.П. Корзун и Д.М. Колеватов, такой ракурс снимал «выстраивание общей картины развития отечественной исторической науки» – закрепился «отраслевой принцип проблемной историографии»³⁷⁵. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, так как подготовка «Очерков» стимулировала изучение важнейших теоретико-методологических проблем (например, вопрос о предмете/методе и периодизации истории исторической науки), осмысление неоднозначных, в том числе с этической точки зрения, страниц недавнего прошлого, а также поиск оптимальных в новых общественно-политических и интеллектуальных условиях моделей историографического исследования.

2.3. Научный совет по проблеме «История исторической науки»: «орган научной общественности» в конце 1950-х – середине 1980-х гг.

В конце 1950-х –1960-х гг. в ученом сообществе историков наблюдается небывалый интерес к истории своей дисциплины. Российская исследовательница Л.А. Сидорова связывает этот процесс с наступлением «переломного этапа» в жизни общества, следствием чего является «обостренное отношение к прошлому»³⁷⁶. Атмосферу эпохи как нельзя лучше передает метафора советского журналиста, диссидента А. Гениса: «История стучится в дверь – и нам остается ее распахнуть»³⁷⁷. И для историографии эта дверь распахнулась.

³⁷⁵ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе ... С. 371 – 372.

³⁷⁶ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке... С. 163.

³⁷⁷ Приведена метафора из работы: Генис А. Долгое поколение // Вайль П. 60-е. Мир советского человека. М., 2014. С. 7.

В годы «оттепели» началось активное институциональное строительство историографической дисциплины. Институционализация, под которой понимается процесс формирования науки как «социального института», по мнению Т.Н. Поповой, осуществляется на когнитивном и социальном уровнях. Когнитивный уровень показывает «степень взаимопонимания между учеными на уровне когнитивных параметров науки», а социальный – «степень интегрированности "интеллектуального движения" <...> в социальных структурах – в рамках университетских кафедр, учебных планов и проч.»³⁷⁸. Для историографической дисциплины такими организационными структурами «всесоюзного» масштаба выступили упоминавшаяся в предыдущих параграфах комиссия по истории исторической науки (которая впоследствии стала группой, а затем сектором по истории исторической науки Института истории АН СССР), а также научный совет по проблеме «История исторической науки».

Прежде чем обратиться к этим сюжетам, представим интеллектуальный климат десятилетия «оттепели».

Импульс к переформатированию исторической науки, собственно, как и всей социально-культурной сферы, дали решения XX и XXII съездов КПСС. Партийные указания, с одной стороны, задали вектор позитивных изменений, расширивших свободу научного творчества, а с другой – очертили границы «допустимого», установив в исследовательской деятельности «контрольно-пропускную» систему. Как этот механизм работал, мы рассмотрим на примере научной «реабилитации» М.Н. Покровского в последнем параграфе диссертационного сочинения.

Существует и другой взгляд на факторы, способствовавшие наступлению «оттепели». По мнению культуролога Ю. Богомолова, вовсе не XX съезд ознаменовал начало эпохи. Начало «оттепели» было связано с кончиной И.В. Сталина, вследствие чего произошло «ослабление

³⁷⁸ Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, С. 139–140.

идеологического ошейника на горле общественности и удлинение для граждан идеологического поводка»³⁷⁹. Память о Великой войне также, по мнению автора, стала мощной предпосылкой «размораживания личностного начала в отношениях Общества с Государством»³⁸⁰. Названные факторы в полной мере применимы и к исторической науке. Однако все же руководство к действию историки получили на XX съезде, где были перечислены «промахи» в исторических исследованиях. В частности, такие – сохранение «субъективистско-идеалистических взглядов на роль личности в истории»³⁸¹, недостаточное изучение истории советского общества, неправильное толкование истории КПСС и др. Настоящей сенсацией стал «секретный доклад» Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях»³⁸². Несмотря на закрытый характер заседания, где доклад был представлен, а также на публикацию текста в 1990 г., о нем было широко известно. Вообще «секретные» выступления на съездах партии по сути таковыми не являлись – спустя короткое время они становились «устной историей»/ народным политическим эпосом! Об этом, в частности, вспоминает А.Я. Гуревич. В 1950 – 1966 гг. историк работал в Калининском пединституте, где его активно призывали вступить в партию. Секретарь партийной организации убеждала А.Я. Гуревича получить партийный билет, ведь это позволило бы ему знать о «закрытых письмах» ЦК КПСС. На что историк ответил: «Лидия Ивановна, я все понимаю, но должен вас разочаровать. Как правило, если я склонен слушать, мне, даже без моей просьбы, рассказывают их содержание»³⁸³.

В конце 1950-х гг. представители исторического сообщества, независимо от наличия «партибилета», не просто знали о критике «культы личности» в партийных кругах. Очень скоро после XX съезда историки

³⁷⁹ Богомолов Ю. Оттепель надежды нашей // Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий. М., 2018. С. 14.

³⁸⁰ Богомолов Ю. Указ. соч. С. 14.

³⁸¹ XX съезд КПСС, 14 – 25 февраля 1956. Стенографический отчет. М., 1956. Т. I. С. 619.

³⁸² О культуре личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170

³⁸³ Гуревич А.Я. История историка... С. 123

приняли эстафетную палочку разоблачения «культа» и приступили к самоочищению от былых заблуждений. В 1956 г. в научных и образовательных центрах столицы прошли заседания, посвященные критике И.В. Сталина. А. М. Некрич вспоминает об одной из таких встреч в Институте истории: А.М. Панкратова рассказала о решениях XX съезда. После развернулось оживленное обсуждение, приправленное личными воспоминаниями участников собрания. А.М. Некрич пишет: «Правда, вспоминали главным образом о том, как историков сгибали в бараний рог, заставляя их писать не только явную ложь, но и несомненную чушь в угоду «культу личности» удобное и не совсем понятное определение эпохи диктатуры Сталина. Не обошлось и без персональных атак, например, на историка Василия Мочалова, яркого «культиста», одного из авторов официальной биографии Сталина»³⁸⁴. Не было среди историков единого мнения насчет критики «культа личности»: «для одних она была явно недостаточной, непоследовательной и скоротечной; для других – просто недопустимой и даже преступной; для третьих – обременительной и излишней; четвертые же всегда довольствовались предложенным»³⁸⁵.

Так было положено начало освобождения исторической науки от идеологических «оков» сталинской эпохи. Пересмотр устоявшейся модели исследования заставил историков обратиться к теоретическим вопросам. Как вспоминает А.Я. Гуревич, наметилось два разных пути этого пересмотра. Первый происходил в координатах марксистской методологии и ориентировал на «новое прочтение» классиков. В рамках второго пути предпринимались попытки «сформировать свободные от давления марксистско-ленинского наследия теоретические положения»³⁸⁶. Последний путь избрал для себя А.Я. Гуревич. О возросшем внимании к теоретическим аспектам исторической науки свидетельствует также создание в 1964 г. сектор методологии в Институте истории АН СССР.

³⁸⁴ Некрич Отрешись от страха: воспоминания историка... С. 141.

³⁸⁵ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке... С. 57.

³⁸⁶ Гуревич История историка...С. 103.

Пробуждение творческой мысли в историческом сообществе было связано не только с критикой «культа личности». Не последнюю роль, считает современник событий Е.В. Гутнова, сыграло возобновление связей с иностранными учеными³⁸⁷. Однако заграничные командировки по-прежнему оставались редкостью. Получить разрешение посетить с рабочим визитом другую страну имела возможность сравнительно небольшая прослойка историков, отобранная, по словам А.Я. Гуревича, «по особым критериям», не всегда соответствующим «критериям научной значимости»³⁸⁸. В то же время выезжавшим за границу советским исследователям нередко существенным образом ограничивали доступ в архивы, или вовсе отказывали³⁸⁹.

Другой чертой советской исторической науки периода «оттепели» стало, по выражению Л.А. Сидоровой, «удовлетворение источникового голода»³⁹⁰. В конце 1950 – начале 1960-х гг. советские архивы «распахнули» свои двери для исследователей. В литературе приводятся следующие цифры посетителей читальных залов Главного архивного управления: в 1947 г. – «более 4 тыс. чел.», а в 1957 г. – «свыше 23 тыс. чел.»³⁹¹. Большое внимание в эти годы уделялось публикации исторических источников. В 1956 г. при Отделении исторических наук АН СССР была учреждена Археографическая комиссия. В 1957 г. в Историко-архивном институте появилась кафедра археографии. В эти годы в Институте истории АН СССР были образованы секторы публикации источников³⁹².

Всплеск интереса к истории исторической науки в СССР совпал с дисциплинаризацией мирового науковедения. В 1950 – 1960-е гг. в развитых странах положение науки изменилось – она стала крупнейшей сферой

³⁸⁷ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 357.

³⁸⁸ Гуревич История историка...С. 94.

³⁸⁹ См.: Ковпак Д.А. Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 274 – 295.

³⁹⁰ Сидорова Л.А. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой. // Очерки истории исторической науки XX века: монография. Омск, 2005. С. 534.

³⁹¹ Там же.

³⁹² См об этом: Степанский А.Д. Отечественная археографическая мысль середины 1950-х – 1960-х гг. и ее ведущие представители // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8. С. 54 – 89.

общественной жизни. Ежегодно увеличивалось число ученых и научных центров³⁹³, росли расходы государства и частных компаний на «большую науку». В этой связи стало чрезвычайно актуальным сделать науку «объектом специального изучения методами самой науки»³⁹⁴. Так возникла потребность в науковедении, дисциплинарное оформление которого пришлось на вторую половину 1950 – 1970-е гг. и включало появление исследовательских центров и коллективов, научных изданий, проведение конференций и т.д.³⁹⁵

Все же не следует идеализировать происходившие в исторической науке сдвиги – их пределы не просто коррелировались партийными управленцами, к концу означенного периода границы «дозволенного» стали сужаться. Приведем пример, иллюстрирующий наш тезис. В 1966 – 1967 гг. в «Истории СССР» были опубликованы фрагменты воспоминаний В.В. Шульгина «Годы»³⁹⁶. Позже отрывок источника был перепечатан в газете «Неделя (еженедельном приложении к «Известиям»)». Публикация вызвала резкое недовольство у партийного руководства и 7 апреля 1967 г. вынесена на обсуждение в Секретариат ЦК КПСС. На собрание были приглашены представители редакции «Известий», а также главный редактор «Истории СССР» – Ю.А. Поляков. Историк вспоминает, что «особенностью этого заседания являлось настойчивое, последовательное возведение публикации

³⁹³ Это замечание справедливо и для советской исторической науки. По данным Роджера Марквика, в 1961 г. в СССР насчитывалось порядка 17 000 историков. Увеличилось и число кандидатов наук: с 2209 человек в 1950 г. до 7795 человек в 1965 г. Также исследователь отметил, что качество и уровень жизни советских историков оказывал непосредственное воздействие на производство исторического знания. См.: Markwick R. *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–74*. New York, 2001. P. 64 – 65.

³⁹⁴ Гиндилис Н.Л. Становление науковедения в СССР (середина 1960-х гг.) // *Науковедческие исследования*. 2011. М., 2011. С. 219.

³⁹⁵ См.: Гиндилис Н.Л. Науковедение глазами его создателей // *Вестник Института социологии*. 2011. № 2. С. 149 – 159; Она же. Из истории советского науковедения: 70-е годы // *Науковедческие исследования*. 2012. М., 2012. С. 161 – 215.

³⁹⁶ Василий Витальевич Шульгин – активный политический деятель дореволюционной России, принимавший вместе с А.И. Гучковым отречение из рук Николая II, участник Белого движения в годы Гражданской войны. После поражения армии генерала Врангеля эмигрировал в Константинополь, а затем в Польшу и Югославию. В 1944 г. он был арестован и экстрадирован в СССР, где был приговорен к 25 годам тюремного заключения. В 1956 г. В.В. Шульгин был досрочно освобожден. Его работы стали печатать в советских газетах, в 1961 г. Василий Витальевич был приглашен на XXII съезд КПСС. В 1965 г. о нем сняли документальный фильм «Перед судом истории».

Шульгина в ранг серьезной политической ошибки»³⁹⁷. Первой мишенью для критики собравшихся стал главный редактор «Известий» (Л.Н. Толкунов), второй – редактор «Недели». Последний удар был нанесен Ю.А. Полякову. Секретариат задавал Ю.А. Полякову один и то же вопрос: «Признаете ли Вы, что была совершенна политическая ошибка?». Историк пытался говорить с собравшимися на научном языке, поэтому прежде всего отметил важность публикации такого источника для исторического исследования. В качестве примера он привел данную В.В. Шульгиным характеристику А.А. Керенского. Но «благодарная» публика не оценила пафоса историка и лишь выкрикивала: «Нам и без Шульгина Керенский ясен. Ленин его насквозь видел»³⁹⁸. Председатель заседания А.П. Кириленко задал вопрос: «Зачем нужен Шульгин советскому журналу? К 50-летию Октября готовимся. Надо печатать материалы о героях революции: о старых коммунистах, рабочих, матросах... Надо героизм народа, мудрость партии показать. А Шульгин тут при чем?»³⁹⁹.

Секретариат передал рассмотрение «дела Ю.А. Полякова» в Академию наук. В конце концов историк получил предупреждение, сохранив за собой должность главного редактора. Вот, что об этом пишет сам Ю.А. Поляков: «<...> происшедшее оставило глубокий рубец. Мелочная опека со стороны обоих отделов (науки и пропаганды) ЦК раздражала все больше. С каждым месяцем я все сильнее ощущал, что быть главредом – не по мне <...>. Я ушел сам <...>. Но одно дело – писание книг, хотя и следовавших партийным установкам, но содержавших документальную базу и самостоятельные конкретно-исторические выводы, другое – журнальная работа под повседневным контролем бдительных цензоров и кураторов»⁴⁰⁰. Приведенный эпизод как нельзя лучше раскрывает устоявшееся в историографии определение этого периода – «санкционированная свобода».

³⁹⁷ Поляков Ю.А. Минувшее... С. 325.

³⁹⁸ Там же. С. 328.

³⁹⁹ Там же. С. 329.

⁴⁰⁰ Там же. С. 332 – 333.

Важным веянием «оттепели» в исторической науке стала организационная «перестановка»/перестройка структуры АН СССР. На XX съезде А.М. Панкратова затронула вопрос организации и управления Академией наук. Серьезным упущением, по мнению историка, является «плохое руководство» АН СССР, а также отсутствие отдельного академического института «по истории нашей родины». Вопрос о реорганизации Института истории возник еще накануне войны – в 1939 г.⁴⁰¹ Тогда предлагалось разделить учреждение на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР. Такое разделение, по мнению авторов проекта, не только «подчеркнуло бы и организационно обеспечило должное место в советской исторической науке изучению прошлого нашей социалистической Родины», но и «обеспечило бы большую оперативность в научном руководстве многочисленных исторических проблем»⁴⁰². Проект был принят: разделение было запланировано на начало 1940 г. Но оно так и не состоялось. Причины тому современные исследователи М.Д. Бухарин и С.Г. Карпюк видят в нехватке средств АН СССР, которые в довоенный период шли на строительство Дворца науки, начавшейся Великой Отечественной войне, которая на время сняла «с повестки дня» вопросы реорганизации⁴⁰³.

Идея реорганизации Института истории была «реанимирована» в середине 1950-х гг. Академики озвучивали разные модели разделения Института истории, но предпочтение отдавалось задумке конца 1940-х г.⁴⁰⁴ Правда, долгожданной реорганизации не произошло, и снова по причине недостаточного материально-финансового обеспечения. Разделение Института истории произошло в 1968 г. В современной литературе это событие традиционно рассматривается в контексте борьбы с мятежным

⁴⁰¹ Бухарин М.Д., Карпюк С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1162 – 1168.

⁴⁰² Там же. С. 1166 – 1167.

⁴⁰³ Там же. С. 1168.

⁴⁰⁴ Базанов М.А. Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 39–48

институтским «парткомом»⁴⁰⁵. Хотя в последнее время обозначился отход от устоявшихся представлений. Исследователи считают решающими в разделении Института истории факторы организационного порядка⁴⁰⁶.

Институциональной новацией в Академии наук периода «оттепели» стали научные советы по важнейшим исследовательским проблемам. В числе таковых была и проблема по «Истории исторической науки».

Дадим общую характеристику новой организационной структуры. Согласно типовому положению, принятом Президиумом АН СССР 24 апреля 1959 г., научный совет по проблеме является «органом научной общественности», призванный «оперативно содействовать развитию исследований путем объединения ученых и специалистов, работающих в данной области, и наиболее целесообразного направления их деятельности»⁴⁰⁷. Задачи институции были определены следующим образом:

1. Анализ современных научных исследований по проблеме, а также определение перспектив и путей их дальнейшего развития;
2. Разработка перспективных планов-заданий по проблеме, предусматривающих перечень работ, целесообразное распределение труда между научными учреждениями различных ведомств, проектными, конструкторскими и опытными организациями;
3. Анализ и внесение предложений по планам работ учреждений по планам работ учреждений и организаций, участвовавших в разработке проблемы; проверка соответствия их народнохозяйственным планам и «Основным направлениям научных исследований в СССР»;
4. Систематическое обсуждение хода научно-исследовательских работ по проблеме с принятием необходимых рекомендаций;

⁴⁰⁵ Курносое А.А. Об одном из эпизодов... разгрома исторической науки 1960 – 1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363 – 389; Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / Публ. Л.В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44 – 80; 2008. № 1. С. 61- 95; № 2. С. 44 – 83.

⁴⁰⁶ Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. «Штатов – избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Отечественная история. 2020. № 3. С. 173 – 184; Бухарин М.Д., Карпюк С.Г. Институт всеобщей истории АН СССР в эпоху перемен // Вестник Российской академии наук. Т. 90. 2020. № 7. С. 647 – 652.

⁴⁰⁷ Постановление Президиума АН СССР от 24.04.1959 г.//АРАН. Ф. 2. Оп.6а. Д. 160. Л. 296.

5. Ежегодное подведение итогов научно-исследовательских работ и определение очередных задач исследований по проблеме;
6. Осуществление информирования о результатах исследований по координируемым вопросам;
7. Обобщение результатов научно-исследовательских работ по проблеме и разработка рекомендаций по внедрению их в производство или использованию в области народного образования, воспитания и культуры⁴⁰⁸.

Научный совет, являясь общественной институцией, не обладал административным ресурсом по отношению к входившим в его состав учреждениям и членам. Кроме того, принимаемые решения носили исключительно рекомендательный характер. О «миссии» научных советов немало было сказано на Всесоюзном совещании историков 18 – 21 декабря 1962 г. В частности, в речи академика, заведующего Международным отделом ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономарева отмечалось, что научные советы, осуществляя координацию, должны действовать решительно: «влиять на планирование научной работы», «устранять параллелизм в тематике», «добиваться переключения работников на разработку главных направлений»⁴⁰⁹.

Что касается научного совета по проблеме «История исторической науки», то относительно даты его возникновения в литературе царит неопределенность. Так, вслед за М.Г. Вандалковской, В.А. Дунаевским исследователи воспроизводят утверждение авторов, что в 1958 г. «по инициативе В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной был создан Научный совет по проблеме «История исторической науки» при Отделении исторических наук АН СССР <...>. С 1961 г. и до конца своих дней М[илица] В[асильевна] возглавляла этот совет»⁴¹⁰. М.Г. Вандалковская и В.А.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М., 1964. С. 39.

⁴¹⁰ Вандалковская М.Г., Дунаевский В.А. Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Милица Васильевна Нечкина / Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории вып.17. М., 1987. С. 28.

Дунаевский были активными участниками работы и научного совета, и комиссии по историографии, институций которые занимались одной темой – историей исторической науки – и включали практически одних и тех же лиц, и, видимо, поэтому эти структуры предстают неразделенными. В марте 2016 года в Институте российской истории нам удалось побеседовать с одной из участниц «историографического ренессанса» Р.А. Киреевой. Так, наш вопрос о времени создания научного совета и его задачах как-то неожиданно «растворился» в ярких воспоминаниях собеседницы о творческой атмосфере создания «Очерков», о личности Милицы Васильевны. Стало очевидным, что процесс институционализации историографии неотрефлексирован историком, он остается неважным на фоне таких ярких воспоминаний о советских классиках, с которыми пришлось работать. В диссертационном сочинении К.П. Ярковой повторяется приведенное выше положение В.А. Дунаевского и М.Г. Вандалковской. В исследовании участника описываемых событий – В.Е. Иллерицкого – в качестве даты образования совета вовсе назван 1961 год (без ссылки на документы и какой-либо аргументации, почему именно этот год). Также исследователи не разделяют между собой комиссию, научный совет, группу и сектор по истории исторической науки. И все-таки когда был создан научный совет и чем он занимался?

В отчете о работе Института истории АН СССР за 1958 год указано: в отчетном году в Институте истории были созданы научные советы по пяти проблемам: 1. «Исторические предпосылки Великой октябрьской социалистической революции»; 2. «История Великой октябрьской социалистической революции»; 3. «Генезис капитализма у народов СССР, в Европе и на Востоке»; 4. «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР, стран Европы и Востока»; 5. «Международное рабочее движение»⁴¹¹. Информации об историографическом совете в делопроизводственной документации нет, как нет ее и в дневниковых записях М.В. Нечкиной за этот год.

⁴¹¹ Отчет о работе Института истории АН СССР за 1958 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д.1383. Л. 29

На заседании Отделения истории АН СССР 18 июня 1959 г. было принято решение о создании институции по историографии и поручено М.В. Нечкиной «подготовить проект состава научного совета»⁴¹². Первое упоминание о совете в дневниках историка относится к 1960 году: «На научном совете по историографии (первое заседание научного совета) мой доклад "Очередные задачи истории исторической науки" (сделанное; очередной). Доклад состоялся 29 февраля. Прошел хорошо. Интересные прения»⁴¹³. Далее историком сделана пометка о выступлении 1 марта на конференции по историографии, и в скобках «соединенной – наша историогр[афическая] комиссия с уч[еным] сов[етом] Кима»⁴¹⁴.

Когда же возник научный совет? Точную дату образования совета не удалось обнаружить ни в протоколах Президиума, ни в решениях Отделения исторических наук АН СССР, ни в бумагах Института истории. Фронтальный просмотр данных документов за 1958 – 1962 гг. оказался безрезультатным. Имеющиеся источники позволяют установить хронологические рамки возникновения научного совета по проблеме «История исторической науки», охватившие период с 18 июня 1959 г. до 29 февраля 1960 г.

Председателем институции, повторимся, стала М.В. Нечкина. Она руководила советом до своей кончины в мае 1985 г. После этого совет был переименован в научный совет по историографии и источниковедению, новым председателем был выбран И.Д. Ковальченко⁴¹⁵. В 1970-е гг., о более раннем периоде, к сожалению, пока не удалось обнаружить подобную информацию, председатель историографического совета имела трех

⁴¹² Комиссия по истории исторической науки. 1959 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1520. Л. 85

⁴¹³ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 415.

⁴¹⁴ Там же. Имеется в виду возглавляемый М.П. Кимом научный совет по истории социалистического строительства.

⁴¹⁵ На заседании Отделения исторических наук 22 октября 1985 г. было решено «преобразовать научный совет по проблеме «История исторической науки» в научный совет по историографии и источниковедению». Против этого решения выступили академик А.Л. Нарочницкий, позиция которого была включена в протокол (!). По его мнению, «реорганизация научного совета сделает его громоздким и может отвлечь совет от работы по борьбе с буржуазной историографией». Протоколы и стенограммы годового общего отчета отделения. № 9 – 21 // АРАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 759.Л. 162.

заместителей (в Справке о деятельности Научного Совета за период 1973 – 1978 гг. ручкой подписано «на общественных началах»): И.Д. Ковальченко, Е.Н. Городецкий, А.О. Чубарьян⁴¹⁶. Примечательно, что заместители курировали такие области историографии, как «историография истории СССР досоветского периода (И.Д. Ковальченко), историография советского общества (Е.Н. Городецкий), историография всеобщей истории (А.О. Чубарьян)»⁴¹⁷.

Аппарат совета состоял из двух сотрудников: ученого секретаря и заместителя председателя по организационным вопросам – В.А. Дунаевский, референта – О.А. Афанасьев. Также к совету был прикреплен сотрудник Института всеобщей истории – Н.А. Никаноров.

В Научном архиве Института российской истории сохранились списки членов⁴¹⁸ научного совета по проблеме «История исторической науки» за 1962, 1971, 1977 и 1984 гг. Согласно типовому положению, состав совета выбирался на конференции или совещании ведущих ученых той или иной области сроком на пять лет. Утверждался список Президиумом АН СССР⁴¹⁹.

Численность членов научного совета по историографии не оставалось неизменной – до 1984 г. наблюдается постоянный рост участников. Так, за почти десятилетний период, с 1962 г. до 1971 г., список увеличился на треть: с 68 до 96 чел. В 1977 г. в состав совета уже входило 127 ученых. А в 1984 г. количество членов сократилось почти в два раза и составило 74 чел.

Позитивные сдвиги в 1960-е гг., полагаем, были вызваны активной работой совета по сбору информации об историках, занимающихся историографической проблематикой. В 1960 – 1961 гг. совет направил письма в научные и образовательные организации страны с просьбой сообщить о проводимых исследованиях в области историографии, читаемых

⁴¹⁶ Документы о руководстве Научным советом по проблеме «История исторической науки» при ОИ АН СССР// АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369. Л. 199.

⁴¹⁷ Там же. Л. 201.

⁴¹⁸ Материалы по составу Научного совета по проблеме «История исторической науки» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 19 а; Состав Научного совета по проблеме «История исторической науки» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 68.

⁴¹⁹ Постановление Президиума АН СССР от 24.04.1959 г.//АРАН. Ф. 2. Оп.6а. Д. 160. Л. 298 .

курсах и т.д. В общей сложности на эти письма было получено 57 ответов: 10 от филиалов Института истории АН СССР и Институтов истории республиканских Академий наук⁴²⁰; 29 – от классических университетов⁴²¹, 18 – от педагогических институтов⁴²². Всего было отправлено 148 запросов: 18 – в академические учреждения; 38 – в университеты; 102 – в педагогические институты.

Наибольшее внимание историографической тематике, как следует из источников, уделяли в классических университетах. В первую очередь это было связано с тем, что с 1955 г. курс историографии истории СССР стал обязательным в университетской программе подготовки историков. Только в письме Вильнюсского университета сообщалось, что курс историографии истории СССР не преподавался «из-за отсутствия специалистов»⁴²³. В некоторых учреждениях не только читались курсы лекций по историографии древней истории (в Белорусском университете – Ф.М. Нечай), средних веков (например, в МГУ – Е.В. Гутнова, в СГУ – С.М. Стам) новой и новейшей истории (например, в МГУ – И.С. Галкин, А.В. Адо, в СГУ – А.М. Шапиро, в Белорусском университете – Н.П. Полетика), по историографии археологии (в МГУ – А.В. Арциховский), но велись научные изыскания в области историографии отечественной и всеобщей истории отдельного периода (в частности, с дореволюционной историографией истории СССР были связаны научные интересы преподавателей Ленинградского (А.Л. Шапиро и С.Л. Пештич) и Ростовского (А.П. Беспалова) университетов; в Иркутском университете Ф.А. Кудрявцев занимался историографией Сибири и др.).

Иная ситуация с изучением историографической проблематики сложилась в академических структурах. Согласно ответам на анкету,

⁴²⁰ Ответы государственных Институтов истории союзных и филиалов АН на запрос Научного совета о состоянии историографической работы // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 26.

⁴²¹ Ответы государственных университетов на запрос Научного совета по проблеме «История исторической науки» о состоянии историографической работы // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 19.

⁴²² Ответы государственных педагогических институтов на запрос Научного совета о состоянии историографической работы // Ф. 1. Оп. 10а. Д. 27.

⁴²³ Ответы государственных университетов на запрос Научного совета по проблеме «История исторической науки» о состоянии историографической работы // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 19. Л. 20.

историографические темы не включались в научно-исследовательские планы этих учреждений. В тоже время некоторые Институты в качестве примеров историографических работ называли труды в духе «Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане в свете решений XX съезда КПСС» т.п.

Что касается педагогических институтов, то крайне сложно представить более или менее общую картину, поскольку из 102 учреждений на запрос совета ответило лишь 18 (то есть около 17 %). Полученные данные отражают слабую заинтересованность историографией преподавателей педагогических институтов, поскольку в программе подготовки учителей истории данный предмет не был обязательным, в лучшем случае речь могла идти о факультативе. Правда, исключением из этого правила стал Бурятский пединститут, где с 1957 г. студентам пятого курса В.П. Тюшев читал курс по историографии. Хотя сфера научных интересов этого историка лежала в области истории изучения «колхозного движения в Восточной Сибири»⁴²⁴.

Респондентов просили сообщить контактные данные сотрудников, с которым совет смог бы поддерживать связь. Было названо более 100 имен ученых и преподавателей, из которых только 17 вошли в состав научного совета в 1962 г.⁴²⁵ Это представители университетов и республиканских академических центров, занимавшихся историографическими исследованиями. На основе полученных данных, как следует из отчета о деятельности научного совета за 1961 г., была составлена «научная картотека, дающая отчетливое представление о направлениях в историографической науке»⁴²⁶.

В 1970-е гг. наблюдается рост членов научного совета, который, считаем, был связан с крупными конференциями по историографии,

⁴²⁴ Ответы государственных университетов на запрос Научного совета по проблеме «История исторической науки» о состоянии историографической работы // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 27. Л. 7.

⁴²⁵ Назовем эти имена: Арутюнян Ш.Р., Галкин И.С., Дахшлейгер Г.Ф., Ибрагимов З.И., Илларионов В.Т., Киссельгоф И.С., Ковальченко И.Д., Лазутка С.А., Марченко И.Е., Марченко М.И., Персов М.С., Пештич С.Л., Слонимский А.Г., Черных А.Г. Шапиро А.Л., Шерстобитов В.П.

⁴²⁶ Отчет о научно-исследовательской деятельности ОИН АН СССР за 1961 г. // АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 336. Л. 107

организованными советом. Так, в 1973 г. в Смоленске прошла Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории, в 1976 г. в Калининне состоялась Всесоюзная конференция «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания истории исторической науки». На наш взгляд, причина подобной активности может крыться в том, что с 1972/1973 учебного года историография истории СССР стала обязательной для преподавания в педагогических вузах, а с 1973/1974 года – еще и историография новой и новейшей истории. В связи со сложившимися изменениями нередко были случаи, когда учебное заведение испытывало трудности в организации учебного процесса. В этом вопросе члены научного совета готовы были помочь. Например, в 1980 году В.А. Дунаевский был командирован в Петропавловск-Камчатский для чтения лекций по историографии новой истории в местном педагогическом институте⁴²⁷.

Численность научного совета по историографии в 1984 г. сократилась практически в два раза. Причины сокращения могли быть связаны и со следующим обстоятельством. В конце 1983 г. академическое сообщество заговорило о реформировании научных советов. Бюро Отделения наметило необходимые мероприятия. В частности, к маю 1984 года научные советы должны были предложить проекты нового положения⁴²⁸. Правда, в итоговом за 1983 г. докладе академика-секретаря Отделения исторических наук С.Л. Тихвинского, заслушанном 14 марта 1984 г., говорилось, что с реформами придется повременить. Почему? К такому шагу, подчеркнул С.Л. Тихвинский, «нас прямо призывают слова товарища Черненко К.У., который говоря об увеличении созданием по любому поводу разного рода комиссий и штабов, отметил, что «их порой так много, что сами организаторы не разберут, кому что поручено и кто за что отвечает»⁴²⁹. Таким образом, резкое сокращение состава совета на деле могло обозначать следование указаниям «генеральной линии» партии.

⁴²⁷ НИОР РГБ. Ф. 879. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 1.

⁴²⁸ Стенограмма общего собрания ОИН от 12 марта 1984 г. // А РАН. Ф. 457. Оп.1. Д.751. Л. 30.

⁴²⁹ Там же. Л. 30.

Но, возможно, изменение численности совета было вызвано и внутринаучными причинами. В начале 1980-х гг. изменилось направление деятельности совета – возобновилась работа над пятым томом «Очерков истории исторической науки». В дневниках Милица Васильевна сделана запись о состоявшемся по этому поводу разговоре с директором Института истории СССР АН СССР С.С. Хромовым⁴³⁰. Уже 14 апреля 1981 г. произошло заседание авторского коллектива «Очерков». В следующем, 1982 г., том будет «одобрен к печати», что зафиксировано в дневниках М.В. Нечкиной⁴³¹. Очевидно, что работа над изданием потребовала дополнительной концентрации усилий членов советов. Поэтому иная деятельность совета, в том числе и координационного плана, могла отойти на второй план.

Научный совет по проблеме «История исторической науки» совместно с группой/сектором по историографии занимался организацией конференций и подготовкой к публикации их материалов, проведением «историографических сред» и научных сессий, выпуском ежегодника «История и историки». Также большое место в работе институции отводилось учету историографов. С этой целью была разработана «анкета историографа»⁴³². Анкета предназначалась историку, принимавшему участие в историографических конференциях или «средах». Сохранилось 435 экземпляров, заполненных в период с начала 1960-х до 1985 гг. В анкетировании приняли участие историки академической и вузовской науки. 364 анкеты (84 %) было заполнено преподавателями университетов и педагогических институтов, из них лишь 29 экземпляров (8 %) принадлежали столичному региону (Москва и Ленинград). Значит, основной контингент опрошенных составляли ученые из региональных вузов. Мы располагаем

⁴³⁰ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 575.

⁴³¹ Там же. С. 581.

⁴³² «Анкеты историографа», заполненные историками СССР, занимавшимися историографическими исследованиями, разработанные и собранные Научным советом по проблеме «История исторической науки» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 47.

анкетами, заполненными в 1960-е годы (20 экземпляров, 4,5%) и в 1976–1985 гг. (389 экземпляров, 89 %).

Ранние образцы содержали следующие вопросы: 1. Над какой темой в области историографии Вы работаете в настоящее время? (Укажите темы, характер работы (монография, статья, диссертация), ее объем, сроки начала и предполагаемого завершения работы). 2. Ведете ли Вы преподавательскую работу в области историографии (какие курсы читаете, где, с какого года). 3. Руководители ли Вы дипломантами или аспирантами по историографической проблематике (Укажите фамилию, имя, отчество, тему и сроки работы аспирантов и дипломантов). 4. Каковы Ваши дальнейшие планы в области историографии (разработка новых тем, подготовка лекционных курсов, подготовка к защите кандидатской и докторской диссертации)?

Обозначенный перечень вопросов явно свидетельствует о желании организаторов не только собрать формальные данные, но и углубиться в детали (в частности, фамилии аспирантов и дипломантов, дальнейшие планы в историографической работе). Ответы же респондентов, очевидно, должны были разочаровать составителей, поскольку они были односложными и невероятно скудными на детали. Например, на вопрос о научном руководстве ленинградский историк С.Н. Пештич ответил: «руководил и руковожу»⁴³³.

Видимо, понимая эту особенность, составители в следующем тираже анкет (которые относятся к середине 1970-х гг.) оставили всего два вопроса: 1. Ведете ли Вы преподавательскую или исследовательскую работу в области историографии (какие курсы читаете, какие исследования ведете)? 2. Ваши пожелания Научному совету для улучшения координации научно-исследовательских работ по проблеме?

Анализ ответов на вопрос о преподаваемых курсах позволяет выявить некоторые тенденции развития историографии в высшей школе. Среди опрошенных в 1976–1985 гг. около трети (170 ответов) являлись

⁴³³ «Анкеты историографа», заполненные историками СССР, занимавшимися историографическими исследованиями, разработанные и собранные Научным советом по проблеме «История исторической науки» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 47. Л. 395.

преподавателями педагогических институтов. Респонденты называли также спецкурсы и спецсеминары, которые свидетельствуют о проблемной и территориальной локализации историографической проблематики. В частности, исследовательница из Томского университета М.Е. Плотникова в анкете указала спецкурс по историографии Гражданской войны в Сибири. Известно, что в 1954 году она защитила кандидатскую диссертацию на эту тему, а в 1969 году – докторскую. Нередкими были случаи преподавания курсов по историографии края или республики. В качестве предметов исследования респондентами был назван достаточно широкий круг сюжетов из отечественной и мировой истории: история медиевистики на Украине, исследование творчества Т. Момзена, историография истории Горьковской области, развитие буржуазной историографии ФРГ, истории Бразилии и Румынии, истории местных органов советской власти восстановительного периода (1921–1925) и др.

На следующий вопрос (о пожеланиях научному совету) в анкетах до конца 1970-х гг. редко встречаются ответы, только в 73 анкетах (17 %). В большинстве своем их можно свести к следующему: увеличить количество историографических мероприятий («почаще проводить расширенные пленумы Научного совета с постановкой актуальных вопросов историографии», «более часто проводить проблемные конференции», «желательно четче координировать работу, организовать повышение квалификации по историографии»), выпустить учебное пособие по историографии (об этом попросил преподаватель из Нахичеванского педагогического института). Большинство опрошенных в период 1976–1985 гг. (253 анкеты, почти 60 %) ответили на данный вопрос. В числе важнейших проблем в организации деятельности совета стоят улучшение информирования научного сообщества о планируемых мероприятиях (конференциях, сессиях, совещаниях), особенно это указывали представители провинциальной науки. Также респонденты отметили недостаточно оперативную издательскую деятельность научного совета. Речь

по всей видимости шла о многолетней задержке печати материалов конференции, выпусков «Истории и историков». Интересным представляется замечание сотрудников Института всеобщей истории Академии наук СССР (ИВИ АН СССР) о необходимости более тесной совместной работы над историографическими сюжетами с учеными из Института истории СССР АН СССР. Несколько опрошенных просили усилить внимание к молодым историографам, организовав для них учебу по повышению квалификации.

Произошедшие изменения в ответах на анкеты конца 1970 – середины 1980-х были связаны как с изменениями функций научного совета по формированию научного сообщества, так и со степенью сформированности сообщества историографов. В начале своей деятельности научному совету важно было собрать круг историков, занимающихся историографической проблематикой в рамках всей страны. В архивной коллекции институции сохранились папки 1960-х – первой половины 1970-х гг. с адресами историков-историографов, официальная переписка с ними по поводу участия во всесоюзных конференциях и научных сессиях⁴³⁴. Сейчас же мы видим, что сообщество не только сформировано, но и функционирует путем выражения единых пожеланий относительно увеличения доли своего участия в историографической работе.

Организационная структура совета окончательно оформилась в начале 1970-х гг., в ее основу был положен территориальный принцип. Научный совет имел разветвленную сеть зональных секций. Всего их было четырнадцать: семь в РСФСР, Украинская, Прибалтийская, Среднеазиатская, Казахская, Армянская, Азербайджанская, Молдавская. Кроме этого, в Российской Федерации было еще две подсекции, а на Украине – пять. Председателей секций утверждало Отделение истории АН СССР.

Рассмотрим деятельность зональной секции на примере Поволжской. Ее председателем в 1981 – 1985 гг. был доктор наук, профессор Саратовского

⁴³⁴ Разное (переписка) // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 35; Адреса историков-историографов // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10 а. Д. 64.

университета Л.А. Дербов. В личном архиве историка сохранились делопроизводственные материалы секции⁴³⁵. К сожалению, не удалось установить, когда Поволжская секция была создана. Документы из фонда Л.А. Дербова проливают свет на организационный аспект деятельности институции, а также иллюстрируют взаимодействие с научным советом в Москве. Известно, что текущие вопросы секции решало бюро, в состав которого входили: 1. Л.А. Дербов (председатель, Саратовский университет); 2. Порох И.В. (заместитель председателя, Саратовский университет); 3. Парфенов И.Д. (заместитель председателя, Саратовский университет); 4. Бурдей Г.Д. (ответственный секретарь, Саратовский университет); 5. Персов М.С. (член бюро, Саратовский университет); 6. Стам С.М. (член бюро, Саратовский университет); 7. Ванчинов Д.П. (член бюро, Саратовский университет); 8. Тюрин В.И. (член бюро, Саратовский университет); 9. Абалихин Б.С. (член бюро, Волгоградский университет); 10. Козенко Б.Д. (член бюро, Куйбышевский университет); 11. Газизов К.Г. (член бюро, Башкирский университет)⁴³⁶.

В 1981 – 1985 гг. деятельность секции была регламентирована планом. Итак, чем же должна была заниматься институция? Первая задача секции – координация историографических исследований. Предполагалось «устанавливать тесные связи с историческими факультетами и кафедрами вузов региона, окончательно уточнить план историографических исследований, проводимых в этих вузах»⁴³⁷. Следующее направление деятельности – организация научных мероприятий (региональных конференция, совещаний, личных встреч). Также планировалась активная публикационно-издательская деятельность, включающая публикацию двух монографий, двух учебных пособий, 24 исследовательских статей и пяти выпусков межвузовского «Историографического сборника». Кроме того

⁴³⁵ Материалы бюро Поволжской зональной секции научного совета по проблеме «История исторической науки» // ГАСО. Ф. 3731. Оп.3. Д. 197.

⁴³⁶ Там же. Л. 7.

⁴³⁷ Там же. Л. 8.

предполагалась подготовка и защита двух докторских и пяти кандидатских диссертаций. Насколько этот план был выполнен – открытый вопрос. Среди бумаг Л.А. Дербова сохранился отчет о деятельности секции за 1983 г. Из него следует, что в отчетном году было защищено две диссертации, еще одна работа рекомендована к защите в 1984 г.⁴³⁸

Последний пункт плана секции был посвящен научному совету и гласил следующее: «Поддерживать постоянные научно-[нрзб] связи с руководством Научного совета, принимать участие в проводимых им заседаниях и др. мероприятиях, устанавливать деловые контакты и обмен опытом с другими зональными секциями»⁴³⁹.

Обратимся к нескольким казусам-иллюстрациям этого взаимодействия. Первый произошел в 1980 г. О нем нам известно благодаря мемуарам украинского историка Д.П. Урсу, участника заседания-«историографической среды» в мае 1980 г. (о ней мы подробно скажем в следующем параграфе). Вот что он вспоминает: «Хотя я пришел на заседание за полчаса до намеченного времени, Милица Васильевна была уже в своем кабинете <...>. Продолжала разговор с известным мне проф[ессором] В. А. Дунаевским о темах, которые будут обсуждаться на следующих «средах». Потом обратилась ко мне и сообщила, что осенью будет поставлена проблема плагиата как историографического факта»⁴⁴⁰. Сначала планировалось выступление юриста ВАК с разъяснениями, что такое плагиат с правовой точки зрения. Затем основной доклад должен был представить профессор СГУ Н.А. Троицкий. М.В. Нечкина добавила, что историк «собрал большой материал о плагиатах в трудах историков разных эпох»⁴⁴¹. Подлинно неизвестно, состоялась ли «разоблачительная» «среда» с участием Н.А.

⁴³⁸ Речь идет о диссертации С.А. Мезина «Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века», которая была подготовлена под руководством Л.А. Дербова и защищена в 1984 г. Из личного разговора с Сергеем Алексеевичем, выяснилось, что историк не слышал ни о научном совете по историографии, ни о его зональной секции в Саратове.

⁴³⁹ Материалы бюро Поволжской зональной секции научного совета по проблеме «История исторической науки» // ГАСО. Ф. 3731. Оп.3. Д. 197. Л. 9.

⁴⁴⁰ Урсу Д.Н. Университет длиною в жизнь... С. 136.

⁴⁴¹ Там же. С. 136.

Троицкого, в воспоминаниях историка также не содержится информации об этом факте⁴⁴². Таким образом научный совет выполнял функцию координации и информирования «научной общественности» об исследованиях по историографии.

Второй эпизод относится к 1982 г. В дневниковых записях М.В. Нечкиной за 1982 г. зафиксировано: «Обсуждение с Дунаевским вопросов плана (и сложившейся ситуации с Порохом). Выходит – Порох подделал (?) докум[ент] о заявке всесоюзн[ой] конфер[енции]. Неграмот[ный] текст заявки. Я не подписала. Явная фальсификация И. Пороха! Они рассчитыва[ли], что я не замечу»⁴⁴³. О чем речь? Полагаем, что предметом разногласий стала заявка на проведение конференции в 1985 г., приуроченной к 50-летию исторического факультета Саратовского университета. В фонде Л.А. Дербова обнаружен черновик письма на имя М.В. Нечкиной. В нем говорится о намерении Поволжской зональной секции совместно с Казанским университетом и Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР организовать конференцию «История общественной мысли и проблемы историографии» в Саратове осенью 1985 г. Бюро секции обращается к М.В. Нечкиной с просьбой «санкционировать проведение конференции и оказать помощь в ее организации посредством официального обращения в Саратовский областной комитет КПСС и ректорат СГУ (ректор профессор А.М. Богомолов) с рекомендацией

⁴⁴² Николай Алексеевич Троицкий, действительно, собирал материал о «некорректных заимствованиях» в исторических исследованиях. Часть из них была опубликована в книге «Сказания о правде и кривде в исторической науке» (СПб., 2013). Однако историк не писал в стол: он направлял свои «разоблачительные опусы» в редакции научных периодических изданий, академические институты и ведущим специалистам по проблеме. В одной из таких историй фигурировала и М.В. Нечкина. В 1973 г. Н.А. Троицкий разослал в ЦК КПСС, АН СССР, АОН, в «Литературную газету», и даже в сатирический журнал «Крокодил» очерк «Плагиаторы». В нем разоблачалась докторская диссертация Н.М. Лебедева «Пестель – идеолог и руководитель декабристов», которая практически целиком повторила двухтомник М.Н. Нечкиной «Движение декабристов» (1955). Николай Алексеевич доказал справедливость своих обвинений, сопоставив обе работы. Даже далекому от науки человеку ясно, что тексты идентичны, в ряде случаев, правда, встречается перестановка слов местами. Однако дело ничем не закончилось – письма Троицкого были проигнорированы партийными инстанциями. «Кривда вновь и надолго восторжествовала над Правдой» – написал по этому поводу автор. См.: Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. С. 12 – 22.

⁴⁴³ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 581.

поддержать наше начинание, имеющее в свете решения июньского 1983 г. Пленума ЦК КПСС научной и идейно-воспитательное значение»⁴⁴⁴.

О какой «фальсификации И. Пороха» идет речь нам пока не удалось выяснить. Зато известно, что 24 – 25 октября 1985 г. состоялись «Научные чтения, посвященные 50-летию исторического факультета Саратовского университета». Научный совет по историографии проигнорировал это событие. На программе конференции гриф институции не стоял (в отличие от программ и материалов конференций в Калининне, Смоленске, Калининграде и др.). Кроме того, в программе не было заявлено ни одного московского историографа – члена научного совета. Приведенные фрагменты свидетельствуют о непростых отношениях между советом и его Поволжской секцией, вернее о сложных и даже конкурентных отношениях между М.В. Нечкиной и саратовскими историками не столько в историографии, сколько в области изучения истории общественных движений XIX века.

Научный совет по проблеме «История исторической науки» являлся общественной структурой, объединявшей ученых из разных уголков Советского Союза. Основное направление его деятельности заключалось в координации историографической работы, консолидации историков-историографов.

⁴⁴⁴ Материалы бюро Поволжской зональной секции научного совета по проблеме «История исторической науки» // ГАСО. Ф. 3731. Оп.3. Д. 197. Л. 2 – 3.

**ГЛАВА 3. ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.:
КОММУНИКАТИВНЫЙ, ПРЕДМЕТНЫЙ И
КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

**3.1. «Историографические среды» как канал формирования
научного сообщества историографов**

Одной из площадок научной коммуникации историков-историографов в изучаемый период стали так называемые «историографические среды». «Историографические среды» представляли собой заседания с участием столичных и провинциальных представителей академической и вузовской науки, на которых обсуждались доклады на историографические темы. Заседания записывались: стенограммы «сред» подшивались в папки с названиями: «Заседание Научного совета» и «Заседание Группы по изучению истории исторической науки». Организаторы и участники данного мероприятия не разводили между собой названия «среда» или «заседание». Так, открывая работу очередной «среды» М.В. Нечкина, которая практически всегда выступала в роли председателя, говорила: «Разрешите открыть нашу очередную среду – заседание Группы по истории исторической науки»⁴⁴⁵.

Любопытна и одна из версий происхождения «сред». В личном разговоре с Раисой Александровной Киреевой, нам удалось узнать, что среда – это любимый день недели Милицы Васильевны, именно, на этот день она назначала заседания во всех возглавляемых ею институтских структурах: в группе по изучению революционной ситуации, в группе по изучению истории исторической науки и в научном совете по проблеме «История исторической науки».

На «историографические среды» организаторы (которыми, как уже было сказано, выступали историографические институты (комиссия, группа или научный совет) возлагали большие надежды в деле формирования

⁴⁴⁵ «Стенограмма Заседания Группы по истории исторической науки от 14 марта 1962 г.» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д.37. Л.2.

научного сообщества историографов. М.В. Нечкина, например, отмечала, что на таких заседаниях «специалист по истории исторической науки имеет возможность выступить с докладом, в среде специалистов, своих коллег и, вернувшись к себе в вуз, на кафедру, продолжить исследовательскую и преподавательскую работу обогащенным новыми мыслями и идеями»⁴⁴⁶. В отличие от научных сессий (которые нередко созывались в изучаемый период) «историографические среды», заметила историк на первом заседании 4 января 1961 г., позволят «перейти к планомерной, регулярной работе», а потому будут иметь большую практическую ценность⁴⁴⁷.

В контексте указанного возникает отнюдь не праздный вопрос о том, как часто собиралась «творческая лаборатория историографов», как называла иногда «среды» М.В. Нечкина. Современная исследовательница К.П. Яркова отмечает, что сначала планировалось проводить заседания «в первую среду каждого месяца», однако «впоследствии этот график был изменен и «среды» собирались, как правило, раз в два месяца»⁴⁴⁸. Все же архивные материалы не позволяют установить какую-либо закономерность проведения заседаний. Это связано как со спецификой и состоянием источников, так и с перерывом в проведении «историографических сред».

Итак, первая «среда» состоялась 4 января 1961 года. Она была посвящена обсуждению проблемы предмета и метода исторической науки⁴⁴⁹. На этом заседании было решено отказаться от доклада, что, следует сказать, больше не повторялось. Подробно эта «среда» будет рассмотрена в разделе диссертационного исследования, посвященного дискуссии о предмете историографии.

Меньше чем через месяц 1 февраля 1961 г. прошла вторая «среда», на которой Е.А. Луцкий представил доклад «Советская историческая наука в годы Великой Отечественной войны». Председательствовал на заседании

⁴⁴⁶ Цит. по: Вандалковская М.Г., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁴⁷ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 4.

⁴⁴⁸ Яркова К.П. Указ. соч. С. 67.

⁴⁴⁹ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 420.

Е.Н. Городецкий, так как Милица Васильевна в это время находилась на годовичном собрании Отделения истории АН СССР. В личном архиве М.В. Нечкиной осталось упоминание об этом событии: «Все было хорошо» (над словом «хорошо» историк простым карандашом подписала «Увы! Увы!»)⁴⁵⁰. «Сожаление» историка вызвал вовсе не успех доклада Е.А. Луцкого, а ее невозможность принять участие в интересном обсуждении.

Следующее заседание состоялось 5 апреля 1961 года. На нём были заслушаны доклады: «Марксистские листовки начала XX века по крестьянской реформе» Б.С. Волина; «Из истории музеев исторического профиля 1917–1934 гг.» А.Б. Закса. Больше упоминаний об «историографических средах» в 1961 году мы не встретили. Как следует из отчета о деятельности комиссии по истории исторической науки за 1961 год также не содержит, «комиссия периодически проводила заседания с широким участием научной общественности, на которых <...> были поставлены и обсуждены вопросы о предмете и методе исторической науки, о важнейших этапах развития советской исторической науки, о роли советских музеев в пропаганде исторических знаний, об исторической проблематике в большевистских листовках, о советской историографии истории монополистического капитализма в России и др.»⁴⁵¹. Значит ли это, что в этот год было проведено всего три «среды»? Необязательно, учитывая специфику и состояние используемых источников, свидетельства об иных «средах» могли не сохраниться.

В отчетах группы по истории исторической науки Института истории АН СССР (ставшей в 1967 г. сектором) содержатся сведения о количестве докладов, заслушанных и обсужденных на «историографических средах»: в 1962 г. их было пять⁴⁵², в 1963 г – шесть⁴⁵³, 1965 г. – пять⁴⁵⁴, 1966 г. – семь⁴⁵⁵,

⁴⁵⁰ Документы о руководстве группой (сектором) Институтом истории АН СССР, комиссией (Научным советом) при ОИ АН СССР по проблеме «История исторической науки» // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 368. Л. 159.

⁴⁵¹ Отчет о деятельности комиссии по истории исторической науки за 1960 г. // НА ИРИ РАН. Ф 1. Оп.1. Д. 1741. Л. 28.

⁴⁵² Отчет о работе группы по истории исторической науки за 1962 год // НА ИРИ РАН. Ф 1. Оп.1. Д. 1859. Л. 177 – 185.

1967 г. – четыре⁴⁵⁶. Информация о заседаниях, прошедших в 1964 году, в отчетной документации отсутствует, как и отсутствуют их стенограммы в Научном архиве ИРИ РАН (Ф. 1. Оп. 10а). Отвечая на вопрос о частоте заседаний нельзя не учитывать, что количество «сред» и докладов, обсужденных на них, могло и не совпадать. Например, на «среде» 5 апреля 1961 года было заслушано сразу два доклада.

Мы упоминали, что в деятельности «творческой лаборатории» историографов был сделан перерыв. Известно, что организация «сред» возобновилась в конце 1977 г.⁴⁵⁷. Эта информация зафиксирована в Справке о деятельности научного совета по проблеме «История исторической науки» за 1973 – 1978 гг.⁴⁵⁸ Прямых указаний на начало указанного перерыва обнаружить не удалось. Однако, сопоставив подтвержденные документально факты, мы можем определить хронологический период, в пределах которого «историографические среды» не собирались. Последнее до перерыва заседание состоялось в 1967 г., в 1977 г., как следует из Справки, «среды» уже проводились. Значит, начало перерыва относится к периоду между 1968 и 1972 гг. Следовательно, работа «сред» была приостановлена с 1968/1972 до конца 1977 гг.

«Историографические среды» как коммуникативная площадка обладали интегративностью, которая проявилась, в том числе, в широком спектре поднимаемых проблем. По тематическому содержанию можно выделить несколько групп докладов. Первую составляли теоретико-методологические сюжеты. В начале 1960-х годов на волне оттепельного

⁴⁵³ Отчет о работе группы по истории исторической науки за 1963 год // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 2095.

⁴⁵⁴ Отчет о работе группы по истории исторической науки за 1965 год // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 2311. Л. 261 – 267.

⁴⁵⁵ Отчет о работе группы по истории исторической науки за 1966 год // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 2412. Л. 203 – 209.

⁴⁵⁶ Отчет о работе сектора по истории исторической науки за 1967 год // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 2509а. Л. 1 – 14.

⁴⁵⁷ Первая после перерыва «среда» состоялась 30 ноября 1977 г. На ней обсуждался доклад Н.А. Ерофеева «О задачах и предмете историографии». Это заседание будет отдельно рассмотрено в третьем параграфе данной главы.

⁴⁵⁸ Документ о руководстве Научным советом по проблеме «История исторической науки» при ОИ АН СССР// АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369. Л. 190 – 226.

тренда увеличения интереса к ленинскому наследию преобладали доклады, посвященные пересмотру теоретических воззрений В.И. Ленина⁴⁵⁹. Вообще надо сказать, в советской культуре «оттепели» апелляции к Ленину стали мощным «идеологическим оружием» борьбы с «культом личности»⁴⁶⁰. Во второй половине 1970-х годов акценты смещаются в сторону науковедческих сюжетов⁴⁶¹. Причины «поворота», полагаем, связаны с взлетом мирового науковедения, а также с образовавшейся после ликвидации в 1970 г. сектора методологии истории институциональной лакуной в разработке методологических проблем.

Вторая группа докладов посвящалась истории советской исторической науки и историографии советского общества. Интерес к историографии советского периода в 1960-е годы был вызван подготовкой последних томов «Очерков истории исторической науки»⁴⁶². Кроме того, возникла возможность, преодолеть корпоративную «травму» репрессий 1930-х и 1940-х годов, осмыслив тернистый путь развития советской исторической науки. К концу 1970-х гг. наблюдается снижение интереса к данной проблеме. Так, из девяти запланированных на 1978 год выступлений, только один доклад В.Д.

⁴⁵⁹ В частности, нами были выявлены следующие доклады: «Исторический опыт буржуазных революций в работах В.И. Ленина» (М.С. Персов, 1962), «Вопросы классификации источников в русской исторической литературе XIX – XX вв. (до 1917 г.)» (Л.Н. Пушкарев, 1962) «В.И. Ленин против плехановской концепции революции в России» (А.Г. Черных, 1963), «Н.К. Крупская как биограф В.И. Ленина» (А.И. Романова, 1965)

⁴⁶⁰ Богомолов Ю. Оттепель надежды нашей... С. 15.

⁴⁶¹ Речь идет о докладах: «О задачах и предмете историографии» (Н.А. Ерофеев, 1977), «Критерии анализа и оценок историографических фактов» (В.Л. Наумов, А.И. Зевелев, 1978), «О содержании понятия историографический факт» (В.И. Дурновцев, 1978), «Рецензия как историографический факт» (В.А. Муравьев, 1979).

⁴⁶² В рамках этого направления были подготовлены и заслушаны доклады: «Вопрос о Покровском в постановлениях о преподавании истории в 1934–1938 гг. (историографическая сторона вопроса)» (М.В. Нечкина, 1962); «Новые архивные материалы о Покровском» (О.Д. Соколов, 1962); «Проблема монополистического капитализма в советской историографии» (К.Н. Тарновский, 1962); «Советская историческая наука в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными историографиями в 1917–1934 гг.» (Л.В. Черепнин, 1963); «В.И. Невский – историк революционного движения в России» (В.И. Чесноков, 1963); «История внешней политики в советской историографии» (А.Е. Иоффе, 1963); «Формирование марксистской концепции истории феодализма в советской историографии» (Л.В. Данилова, 1963); «Классовая борьба в 1920-х гг. и историческая наука» (О.Л. Вайнштейн, 1965); «Общество историков-марксистов. Его место в развитии советской исторической науки» (А.И. Гуковский, 1965); «В.А. Быстрянский как историк» (Л.В. Иванов, 1966); «Истпарт и историческая наука» (М.С. Волин, 1966); «Основные этапы развития советской исторической науки» (Л.В. Черепнин, 1966); «Основные этапы развития историко-партийной науки. 1930–1960 гг.» (Н.Н. Маслов, 1966); «М.Н. Лядов как историк партии» (И.Л. Маньковская, 1966); «Деятельность Института истории АН СССР за 30 лет» (Г.Д. Алексеева, 1966).

Поликарпова о первом этапе Гражданской войны освещал советский период⁴⁶³.

К следующей группе нами отнесены доклады, посвященные русской дореволюционной историографии в разных ракурсах: периоды, историки и их методологические подходы⁴⁶⁴. На «средах» поднимались проблемы не только отечественной, но и зарубежной историографии. В 1960-е годы было только одно выступление на эту тему. Речь идет о докладе преподавателя Ленинградского университета И.Н. Олегиной «Англо-американская историография социалистической индустриализации СССР», прочитанном в 1966 г.⁴⁶⁵ В 1978 году планировались доклады о состоянии историографической работы в ГДР (М.Н. Машкин) и о концепциях современной китайской историографии, обосновывающие территориальные претензии КНР к СССР (Б.П. Гуревич)⁴⁶⁶.

«Историографические среды» становятся формой коммуникации специалистов областей исторической науки, которых объединяет интерес к историографическим проблемам. Историки со всей страны принимали участие в работе «сред» и в качестве слушателей, и в качестве докладчиков. В архивной коллекции научного совета по проблеме «История исторической науки» сохранился список с координатами «историков-историографов»⁴⁶⁷, а также фрагменты официальной переписки с исследователями и организациями, посредством которой их информировали и приглашали на организуемые советом мероприятия⁴⁶⁸.

Известны случаи, когда благодаря личным контактам ученый получал возможность выступить на «среде». Так, например, произошло с

⁴⁶³ Документы о руководстве Научным советом по проблеме «История исторической науки» при ОИ АН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369. Л. 37

⁴⁶⁴ В качестве примера назовем следующие: «XVIII век как новый этап в русской историографии» (М.А. Алпатов, 1963), «Н.И. Костомаров и революционная ситуация 1959–1961 гг.» (Е.С. Шаблинский, 1966), «Теоретические основы концепции западно-европейского феодализма в русской либеральной историографии» (Б.Г. Могильницкий, 1966).

⁴⁶⁵ В 1967 г. историк защитит кандидатскую диссертацию по этой теме.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 37.

⁴⁶⁷ Адреса историков-историографов // НА ИРИ РАН. Ф. 1 Оп.10а. Д. 64.

⁴⁶⁸ Разное (переписка) // НА ИРИ РАН. Ф. 1 Оп.10а. Д. 35.

преподавателем Одесского университета, африканистом Д.Н. Урсу. На заседании 28 мая 1980 г. он выступил с докладом «Применение некоторых количественных методов в историографических исследованиях». Историк оставил интересные воспоминания об этом событии. Д.Н. Урсу сказал, что выступление на «историографической среде» для него явилось возможностью познакомить широкую научную общественность с результатами своего докторского исследования. Причем, прошедшая ранее апробация в кругу специалистов Института Африки АН СССР для исследователя была недостаточна, так как он «хотел большего – сказать новое слово в историографии вообще, безотносительно к конкретным географическим, хронологическим или тематическим координатам»⁴⁶⁹. В качестве коммуникативной площадки, позволяющей широко презентовать свои научные достижения, историком были выбраны «среды». С просьбой содействия Д.Н. Урсу обратился к старшему коллеге, профессору МГУ Н.А. Ерофееву (напомним, также участнику «историографической среды» 30 ноября 1977 г.), который в письме от 3 мая 1979 г. ответил: «Относительно доклада на «историографической среде» акад. Нечкиной поговорил с ее замом Е.Н. Городецким. Ваша статья⁴⁷⁰ его очень заинтересовала и он считает, что она должна быть предметом доклада на очередной среде. Нужна маленькая доделка, мелочь – указать на Нечкину как на первооткрывателя некоторых вопросов»⁴⁷¹.

Приведенный пример свидетельствует о функционировании научного сообщества историографов со своими правилами поведения (ссылка на М.В. Нечкину как на научный авторитет; процедура одобрения темы доклада) и когнитивными установками (обращение к теоретическим проблемам историографии и науковедения) в рамках конкретной формы научной коммуникации – «историографическая среда», которая за два десятилетия

⁴⁶⁹ Урсу Д.Н. Университет длиною в жизнь... С. 135.

⁴⁷⁰ Имеет в виду текст присланный Д.Н. Урсу текст доклада.

⁴⁷¹ Там же. С. 135.

трансформировалась от «академического кружка» в начале 1960-х до научного мероприятия высокого статуса в 1980-е.

С точки зрения организации заседания проходили по единому сценарию: сначала председатель приветствовал участников, затем выступление докладчика, далее присутствующие задавали ему вопросы, после же переходили к обсуждению/прениям, завершалась работа ответным словом докладчика и подводящей итоги речью председателя. Сфокусируем свое внимание на одном из заседаний, состоявшемся 11 апреля 1962 года. Такой микроисторический ракурс дает возможность плотно описать интересующий нас феномен конкретной коммуникативной площадки.

На повестке дня апрельской «среды» стоял доклад М.С. Персова⁴⁷². «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах В.И. Ленина»⁴⁷³.

Заседание открыл председатель, которым, кстати, был М.А. Алпатов, а не М.В. Нечкина, выбравшая в данном случае роль эксперта. Далее следовало представление доклада. К сожалению, у нас нет текста самого доклада, так как на заседании он не стенографировался, и в архиве не сохранилась его копия. По окончании выступления председатель спросил, есть ли вопросы у присутствующих. Вопросов не оказалось, и «среда» вступила в стадию обсуждения доклада. Первым взял слово Б.Г. Вебер. Прежде всего, историк

⁴⁷² Марк Соломонович Персов (1903 – 1982) – саратовский историк, занимающийся изучением наследия В.И. Ленина. В 1920 – 1921 гг. записался добровольцем в Красную Армию, тогда вступил в партию большевиков. После окончания гражданской войны, в 1924 г., М.С. Персов поступил в Индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта в Москве. В 1928 – 1931 гг. учился в ИКП. Затем был назначен ректором комвуза в Иркутске. Накануне войны вернулся в Москву, где преподавал в архитектурном институте и работал в Коминтерновском районе ВКП(б) в Москве. Участвовал в Великой Отечественной войне сначала в качестве преподавателя в военном пехотном училище, затем – агитатора политотдела гвардейской стрелковой дивизии. С 1946 г. стал работать в Саратовском государственном университете. В середине 1950-х гг. научные интересы историка связаны с проблемой «В.И. Ленин как историк» - выходит ряд крупных работ по этой тематике. Цит. по: Л.А. Дербов М.С. Персов // ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-2. Интересны воспоминания о М.С. Персове младшего коллеги по СГУ – Н.А. Троицкого: «У нас [в Саратовском университете – В.Г.] он стал главным «лениноведом», то есть исследователем и пропагандистом теоретического наследия В.И. Ленина. Запомнились его основательные à la Стам (хотя и несколько скучноватые) лекции, доклады и очень затяжные выступления на методологических семинарах с неизменным уведомлением: «Позволю себе пару замечаний». Эта «пара замечаний» Персова всегда была теоретически насыщена, но именно своей умозрительностью многих (особенно темпераментного и конкретно мыслящего И.В. Пороха) раздражала». Цит. по: Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 90.

⁴⁷³ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Доклад М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах Ленина» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 38. Л. 1.

отметил актуальность затронутой проблемы, но обратил внимание на несводимость научной актуальности к политическим запросам. «Докладчику следовало бы пойти несколько дальше в смысле того, чтобы сделать шаг от политического анализа к углубленному историографическому анализу, – отметил историк и далее дополнил – Некоторые моменты даны, но пока еще слишком схематично и несколько упрощенно»⁴⁷⁴. Б.Г. Вебер высказал свое несогласие и с некоторыми трактовками докладчика относительно проблемы места масс в буржуазной революции в концепции В.И. Ленина.

Следующей взяла слово М.В. Нечкина. Она указала на отсутствие историографического подхода при анализе проблемы. Но в отличие от Б.Г. Вебера, который достаточно мягко критиковал доклад, Милица Васильевна ревностно подошла к этому вопросу. По словам М.В. Нечкиной, при изучении проблемы «Ленин как историк» просто необходимо выйти «за пределы собрания сочинений Ленина»⁴⁷⁵. В упрек автору было поставлено то, что он игнорировал предшественников, которые уже изучали тему: «Вы забыли такого историка, как Б.Ф. Поршнев. Вы его критиковали, но не заметили его, как предшественника. А он очень много сделал в этой области. Это лежит в обязанности каждого докладчика, показать, что в данном направлении сделано до него. Тогда нам интересно его (докладчика – *В.Г.*) увидеть в ряду других предшественников и что им сделано»⁴⁷⁶. Непреложный элемент современного канона историописания, предполагающий наличие историографического обзора темы, в начале 1960-х гг. реанимировался после долгого забвения, связанного с самодостаточностью классиков как в политике, так и в исторической науке. Назрела необходимость обучить советских историков так называемому историографическому подходу и тем самым сформировать когнитивные исследовательские установки у ученых-историографов. В этом деле Милица Васильевна решила использовать даже

⁴⁷⁴ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Доклад М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах Ленина» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 38. Л. 2.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 6

⁴⁷⁶ Там же. Л. 7.

анекдот. «Какая разница между мертвецом и предшественником? – спрашивает историк и отвечает: – О мертвце говорят или хорошее или ничего, а о предшественнике или ничего или плохое. Нам надо придерживаться этого анекдота»⁴⁷⁷. Вряд ли это удачная метафора, скорее это возвращение к историографическому канону предшествующих десятилетий. В завершении выступления Милица Васильевна делилась с присутствующими своими размышлениями относительно направления изучения ленинского наследия, которое должно идти вглубь его «источниковедческого анализа».

Далее выступил М.Я. Гефтер. Историк положительно оценил доклад в сравнении со сложившейся практикой: подмена историографического изучения Ленина «необходимым количеством цитат на исторические темы»⁴⁷⁸. М.Я. Гефтер согласился с замечаниями, сделанными в предыдущих выступлениях, относительно историографического подхода. Но его больше интересовали сюжеты, иллюстрирующие осмысление опыта буржуазных революций. По существу, речь идет о важной функции проблемной историографии – ее когнитивном потенциале в осмыслении конкретной проблематики и очерчивании новых проблемных полей. Историк рефлексировал, указывая на необходимость дискуссий по некоторым проблемам. На этом выступлении по докладу завершились.

Видимо, выступающие познакомились с текстом доклада заранее, так как М.Я. Гефтер зачитывал (в стенограмме зафиксировано «читает») выдержки из В.И. Ленина для аргументации своих тезисов. Наш тезис косвенно подтверждают воспоминания о «среде» 28 мая 1980 г. Д.П. Урсу, который сетует: «Мой доклад, как мне показалось, аудитория слушала невнимательно, так как с его текстом те, кто собирался выступить, давно познакомились»⁴⁷⁹. Традиционно экспертами на заседаниях выступали

⁴⁷⁷ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Доклад М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах Ленина» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 38. Л. 7.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 9.

⁴⁷⁹ Урсу Д.П. Университет длиною в жизнь... С. 137.

специалисты в данной области. Так, на «среде» 1962 года, где выступал М.С. Персов, с критикой выступил специалист по истории Великой Французской революции Б.Г. Вебер, исследовавшая революционную ситуацию в России во второй половине XIX века М.В. Нечкина и представитель «нового направления» М.Я. Гефтер, в центре внимания которого были исторические взгляды В.И. Ленина. Выступавшие сошлись во мнении, что главный недочет работы М.С. Персова состоял в отсутствии историографического подхода.

После выступления М.Я. Гефтера слово взял докладчик. М.С. Персов болезненно воспринял критику. Он сразу же согласился с замечаниями по поводу отсутствия анализа взглядов своих предшественников, и чтобы себя реабилитировать стал по поводу и без повода ссылаться на них. Не принял докладчик замечание относительно отсутствия в докладе историографической проблематики: «Видимо, мы друг друга не поняли. Может быть, я действительно неправильно сделал, что адресовался в группу по истории исторической науки. Но то, что поставили передо мной (в качестве нормы историографического анализа – *В.Г.*) я считаю себя, да и других неспособных выполнить эту задачу»⁴⁸⁰. Последнее следует рассматривать как ответ на упрек М.В. Нечкиной в том, что В.И. Ленин как историк оказался исключенным из историографического контекста. Докладчик же трактовал это замечание как необходимость определить, как «рассматривал вопрос Ленин в атмосфере науки» как отечественной, так и всемирной⁴⁸¹. Такая реакция М.С. Персова на замечания подтверждает сложность проблемного поля историографии.

Завершается заседание речью председателя. М.А. Алпатов попытался разрядить атмосферу словами: «Вы обиделись на то, что мы предъявили к Вам непомерные требования. Но я не так понял М.В. [Милицу Васильевну – *В.Г.*], как поняли Вы»⁴⁸². Далее председатель пояснил, что от докладчика не

⁴⁸⁰ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Доклад М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах Ленина» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 38. Л. 16.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же. Л. 24.

требовалось «поднять всю мировую историографию», нужно было сравнить взгляды В.И. Ленина с предшественниками, хотя бы с К. Марксом и Ф. Энгельсом. А заканчивается «среда» словами председателя: «...нам было бы неприятно и горько, если бы Вы ушли от нас с какой-то обидой»⁴⁸³.

«Среды» представляли собой форму коммуникации, для которой характерны привычные для конференции поведенческие нормы и стратегии. Именно так и воспринимались заседания. Так, упомянутый уже Д.П. Урсу вспоминает: «... на деле это была настоящая научная конференция, собравшая не только московских историков. Зал заседаний Института истории СССР в здании на улице Дмитрия Ульянова был заполнен»⁴⁸⁴. Однако отличие от конференции заключалось в количестве докладов (на «средах» не больше двух), разнообразии тем выступлений (от методологических вопросов до конкретно-историографических) и регулярности их проведения (несколько раз в год), и несменяемости локализации коммуникативной площадки (в Институте истории АН СССР).

Интересно понимание «историографических сред» Милицей Васильевной «как своеобразной лаборатории для дальнейшей разработки методологических вопросов историографии, как научного форума, способного выявить лакуны в изучении проблем истории исторической науки, поощрить новые творческие замыслы историографов»⁴⁸⁵. На характер заседаний повлияла тонкая поэтичная натура М.В. Нечкиной. Это проявилось и в названии заседания – «историографическая среда», которое имело двойное значение (среда как день недели и среда как пространство/территория) и выходило за рамки академической лексики, и в создании особой психологической атмосферы (в камерной обстановке представители академической и вузовской, столичной и провинциальной науки бок о бок решали научные проблемы, обменивались мнениями). В

⁴⁸³ Там же. Л. 25.

⁴⁸⁴ Урсу Д.П. Историография как точная наука // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2010. Вип. 10. С. 99.

⁴⁸⁵ Документы о руководстве Научным советом по проблеме «История исторической науки» при ОИ АН СССР// АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369. Л. 218.

обозначенном ракурсе можно увидеть аллюзию «сред» с дореволюционными «журфиксами» в университетской среде, когда в фиксированный день недели преподаватели устраивали у себя дома семинар. Возможно, эта аналогия была проявлением академической памяти, однако это предположение нуждается в отдельном исследовании. Атмосфера узкого круга единомышленников, созданная на «историографических средах», работала на более глубокое проникновение когнитивных установок историографического мышления. Организаторам заседаний удалось установить связь между камерностью «сред» и трансляцией полученного на них знания внутри всего складывающегося научного сообщества. Этим мостом стал сборник «История и историки», к публикации в котором рекомендовали наиболее значимые доклады, заслушанные на «историографических средах».

Безусловно, «историографические среды» не являлись единственным или основным каналом научной коммуникации складывающегося историографического сообщества в 1960 – 1980-е гг., в этот период прошло несколько крупных историографических конференций, организовывалось обсуждение дискуссионных сюжетов на страницах научной периодики, которые, в отличие от заседаний – «сред», имели широкую научную направленность. Но «историографические среды» обладали такими специфическими свойствами, как разноплановость историографических проблем, универсальность формы, относительная регулярность и высокий профессиональный уровень организации, камерность атмосферы, что в совокупности, с одной стороны, оказывало точечное воздействие на складывание когнитивных ценностей, а с другой, способствовало их более глубокому усвоению представителями историографического сообщества – складывалась интеллектуальная сеть единомышленников.

3.2. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки как форма научной коммуникации

Научная дискуссия – это необходимый элемент функционирования науки как института. Дискуссия выступает одной из важных форм

профессиональной коммуникации ученых. Да и сам факт вступления в научное сообщество посредством публикации диссертационного диспута свидетельствует о закреплении этой формы в качестве нормы профессии. В то же время сама организация и проведение дискуссии в периоды оформления новых направлений и дисциплинарных полей – это пропуск научной дисциплины в научную семью. Атмосфера «оттепели» также располагала к широкому свободному обсуждению научных проблем. А.М. Некрич вспоминает это время как время «жарких дискуссий», когда «научное мнение начало пробивать себе дорогу сквозь заслоны конъюнктурных соображений»⁴⁸⁶. В начале 1960-х годов этот «пропуск» предстояло получить историографии. В означенный период на страницах «Истории СССР» обсуждалась периодизация истории советской исторической науки.

В исследовательской литературе сюжет, посвященный дискуссии о периодизации, частично освещался. Так, Л.А. Сидорова рассматривает данный историографический факт в контексте развития советской исторической науки в годы «оттепели» наряду с другими дискуссиями конца 1950– начала 1960-х гг. (об азиатском способе производства, основной экономической закон феодализма, периодизация истории советского общества и др.), при этом выделяя следующие их общие черты: «поиск истины» в марксистско-ленинской методологии; «допущение некоторой плюраличности в постановке и решении исторических проблем»⁴⁸⁷. Одна из участниц этой дискуссии, Г.Д. Алексеева, спустя много лет, в начале 2000-х гг., обратилась к осмыслению этой дискуссии⁴⁸⁸. Внимание исследовательницы сконцентрировано на проблеме влияния дискуссии на развитие историографической дисциплины в СССР в целом. Автор изучает факт научной жизни – обсуждение периодизации истории советской исторической науки – исключительно в плоскости «наука – власть», закрывая глаза на внутренние факторы развития науки. В частности, Г.Д. Алексеева

⁴⁸⁶ Некрич А.М. Отрешись от страха...С. 151.

⁴⁸⁷ Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии...С. 406.

⁴⁸⁸ Алексеева Г.Д. Историческая наука...С.108-110.

подчеркивает: «участники находились под прессом официальной идеологии и исторической концепции, сложной политической ситуации в стране начала 1960-х гг.». Но в чем проявился этот «пресс» не проясняет. В то же время, по мнению историографа, выработанная периодизация «не отражала внутренних процессов самой науки, ее закономерностей и характерных черт, свойственных каждому периоду ее развития»⁴⁸⁹, с чем решительно невозможно согласиться, если обратиться и к материалам самой дискуссии, и «Очеркам истории исторической науки».

Изучалась дискуссия и в качестве одного из направлений деятельности научного совета по проблеме «История исторической науки» в диссертационном исследовании К.П. Ярковой⁴⁹⁰. Автор рассматривает дискуссию в рамках научно-издательской деятельности научного совета, который и инициировал обсуждение данной проблемы сначала на своих заседаниях, затем на страницах «Истории СССР». Историограф лишь фиксирует задачи и итоги обсуждения периодизации истории советской исторической науки, не останавливаясь на деталях, которые, кстати, многое говорят об особенностях советской исторической науки и сложности процесса дисциплинаризации.

Так или иначе, тема дискуссии всплывала и в биографических исследованиях, посвященных М.В. Нечкиной⁴⁹¹. Авторы лишь упоминают о дискуссии как об одной из вех научно-организационной деятельности руководителя совета.

Мы видим, что тема историографической дискуссии в исторической литературе уже звучала, однако никто из исследователей не занимался специальным ее изучением. На наш взгляд, необходим подробный текстологический анализ дискуссии, чтобы уйти от однобоких оценок и данной дискуссии, и в целом советской историографии как исключительно идеологического продукта.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Яркова К.П. Указ. соч.

⁴⁹¹ Вандалковская М.Г., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 8-34

Обратимся к данному событию. Дискуссия проходила на страницах журнала «История СССР» в 1960–1962 гг. и составила по подсчетам М.В. Нечкиной тринадцать публикаций. При этом в свои подсчеты историк не включила первые две статьи, с которых по сути и началось обсуждение, и итоговую статью. Поэтому обсуждению проблемы посвящено не тринадцать, а шестнадцать публикаций. В дискуссии приняли участие историки из академических институтов и ведущих вузов страны, представляющие различные дисциплинарные поля советской исторической науки⁴⁹². Стоит отметить, что изначально был задан темп дискуссии, который удалось выдержать до конца. В первый год дискуссии – в пяти из шести возможных номерах журнала было опубликовано девять статей. Во второй год – также в пяти номерах, но уже пять работ. В последний – 1962 год – в двух номерах две статьи, одна из которых итоговая. Несмотря на сокращение количества публикаций именно в 1961 году обсуждение достигает наивысшего эмоционального накала: на арену выходят корифеи советской исторической науки, между которыми разворачивается настоящая интеллектуальная схватка, подробнее об этом будет сказано ниже. А сейчас вернемся к истокам дискуссии, к которым относятся две статьи: первая принадлежала перу М.В. Нечкиной⁴⁹³; вторая – Г.Д. Алексеевой⁴⁹⁴. Свои размышления автор первой публикации начинает словами: «Пора советским историкам изучить историю советской исторической науки и написать обобщающий труд, ей посвященный». Историк сразу определила задачу предстоящей дискуссии: она необходима для выработки периодизации истории советской исторической науки, которая ляжет в основу последних томов «Очерков истории исторической науки в СССР»⁴⁹⁵. Автор предлагает следующие

⁴⁹² Всего в обсуждении проблемы, как следует из Отчета о работе группы по истории исторической науки за 1962 г., приняло участия «свыше 50 историков». См.: Отчет о работе группы по истории исторической науки за 1962г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1859. Л. 177.

⁴⁹³ Нечкина М.В. О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. №1. С. 77-91.

⁴⁹⁴ Алексеева Г.Д. Возникновение советской исторической науки // История СССР. 1960. №1. С. 92-105.

⁴⁹⁵ К началу дискуссии уже в свет вышло первых два тома «Очерков истории исторической науки в СССР», полным ходом шла подготовка третьего тома, посвященного развитию исторической науки в

принципы периодизации. Во-первых, необходимо соотнесение общей периодизации истории советского общества с развитием науки как базиса и надстройки. Во-вторых, периодизация должна отражать «главные стороны развития исторической науки», к которым автор относит: 1) концепцию исторического процесса; 2) исследовательскую проблематику; 3) новые приемы исследования и 4) включение новых источников.

М.В. Нечкина на «прямой стреле» развития советской исторической науки выделяет нулевую точку, с которой все началось. Такой точкой является середина 1890-х годов, когда шла «разработка марксистской концепции исторического развития» в трудах В.И. Ленина, В.В. Воровского, И.И. Скворцова-Степанова. Первый период истории советской исторической науки, по мнению М.В. Нечкиной, датируется 1917–1923 гг. Автор отметила, что в это время произошло концептуальное и институциональное становление науки, была «проведена борьба со старой буржуазной наукой». Следующий период (1924–1934/1936 гг.) характеризуется идейной борьбой с «враждебными марксизму направлениями», окончательным крахом буржуазной науки. М.В. Нечкина не забыла упомянуть про заслуги и ошибки своего учителя и «отца-основателя советской историографии» М.Н. Покровского и его «школы». Симптоматично, что представлен этот сюжет так, будто сама исследовательница не имеет никакого отношения к описываемым событиям. Завершается этот этап, по мнению автора, постановлениями партии и правительства о преподавании истории в средней и высшей школе. Третий период, по М.В. Нечкиной, длится с 1934/1936 до XX съезда КПСС и характеризуется обращением историков к проблеме смены общественно-экономических формаций, применение марксистской методологии к всемирной истории. Современный период развития советской исторической науки, по мнению исследовательницы, начинается в 1953/1956 гг. В это время главным трендом развития не только исторической

дореволюционный период. В четвертом и пятом же томах издания предполагалось осветить историю советской исторической науки.

науки, но и всей интеллектуальной творческой мысли является «преодоление ошибок, связанных с культом личности».

Статья М.В. Нечкиной провоцировала развертывание дискуссии. Предназначение «застрельной» статьи – стать предметом обсуждения – требовала особого подхода. Автор иногда идет на хитрость и создает впечатление у читателя, будто не уверена в собственных мыслях. Так, даже не самый внимательный читатель заметит расхождения дат между этапами: третий этап закончился XX съездом партии, то есть в 1956 году, а четвертый начался не то в 1953, не то в 1956 году. Историк не дробит периоды на этапы, но совершенно осмысленно выделяет проблемы, которые могут стать основаниями для выделения новых этапов. Например, годы Великой Отечественной войны автор отнесла к третьему этапу как «имеющие свои особенности», указывая их, но в отдельный этап не выделяя.

Понимание «уязвимости» некоторых тезисов и игнорирование этого (в тексте нет оговорок, уточнений, пояснений и т.п.) не типично для «нечкинского» стиля, где осторожность проявляется в выверенности и четкости каждой формулировки. Этот факт может быть объяснен следующим. Историк находится в достаточно комфортной ситуации, так как ею уже апробированы основные тезисы статьи, и она была знакома с возражениями коллег, которые по определению должны были стать участниками дискуссии на страницах журнала «Истории СССР». В апреле 1958 года на заседании Ученого совета Института истории АН СССР М.В. Нечкина выступила с докладом «Некоторые основные вопросы истории исторической науки» (Предмет изучения. Предпосылки. Генезис. Периодизация. Основная проблематика)⁴⁹⁶. С 16 по 20 марта 1959 года комиссия истории по исторической науке организовала расширенное совещание для обсуждения второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР», которое открыл доклад М.В. Нечкиной «Основные вопросы

⁴⁹⁶ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 403.

периодизации советской исторической науки»⁴⁹⁷. На этом мероприятии присутствовали В.Е. Иллерицкий, Э.Б. Генкина, С.О. Шмидт, М.П. Ким, М.Е. Найденов, К.Н. Тарновский, В.А. Дунаевский, С.И. Якубовская и др.⁴⁹⁸. Этот доклад М.В. Нечкина начала с объяснения, почему необходимо обсуждение проспекта «Очерков» в кругу широкой научной общественности. По мнению историка, это издание призвано дать «правильные историографические обобщения», поставить своего рода точку в спорах вокруг «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна (или все же исследовательница опасалась повторения довольно жесткой критики в 1955 году первого тома "Очерков"?!) а потому, считает М.В. Нечкина, важно «учесть все соображения, заслуживающие внимания, вдуматься в критику и улучшить по мере сил и возможностей все детали»⁴⁹⁹. Докладчица сфокусировала внимание собравшихся на важнейшей методологической проблеме – периодизации, которая, как мы увидим дальше, вскроет более глубокий пласт проблем, связанных главным образом с определением предметной области историографической дисциплины.

М.В. Нечкина отметила, что когда комиссия по историографии приступила к подготовке «Очерков», то никаких специальных дискуссии о периодизации истории исторической науки не было, поскольку, подчеркнула историк, считалось целесообразным и логичным применить формационное деление истории СССР (которое легло в основу другого амбициозного проекта АН СССР – многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»): 1) период феодализма (с древнейших времен до 1861 г.); 2) период капитализма (1861 – 1917 гг.) и 3) советский период (с 1917 г.). Сомнения в возможностях приложения к истории исторической науки формационного критерия озвучил Б.Г. Вебер, М.А. Алпатов и сама М.В.

⁴⁹⁷ Сохранились стенограммы этого обсуждения в фондах Научного архива ИРИ РАН (Ф.1.Оп.10а. Д.1 – 4).

⁴⁹⁸ Документы о руководстве группой (сектором) Институтом истории АН СССР, комиссией (Научным советом) при ОИ АН СССР по проблеме «История исторической науки» // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 368. Л.83

⁴⁹⁹ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки. Обсуждение «Очерков по истории исторической науки в СССР» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10а. Д. 1. Л. 13

Нечкина. По ее мнению, историография является сложной областью знания, зависящей от «творчества историка». Ведь, считает докладчица «необязательно, чтобы Александр II подписал манифест об освобождении крестьян или необязательно, чтобы даже падение крепостного права в России, было датой, дающей известное основание говорить о рубеже»⁵⁰⁰. Такой подход упрощает историю науки, подгоняет ее под установленные заранее рамки-капканы, а также порождает парадоксы и противоречия. Так, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин, иллюстрирует свою мысль М.В. Нечкина, «вклинились» в либеральную историографию ещё до реформ середины XIX в. После долгих споров, продолжает историк, в том числе и на Ученом совете Института истории АН СССР (апрель 1958 г.) «была одобрена идея искать критерии развития исторической науки, прежде всего в явлениях самой науки и периодизировать науку по крупным явлениям в ней совершавшимся, а не где-то вдали от нее»⁵⁰¹.

Стоит отметить, что предложенная в докладе периодизация истории советской исторической науки претерпела изменения. Так, в устном выступлении историк выделила всего два этапа: 1) 1917 – 1934 гг.; 2) 1935 г. – настоящее время (т.е. современный докладчице период). В статье 1960 г., как уже говорилось, их три. Кроме того, текстологический анализ стенограммы выступления и статьи в «Истории СССР» М.В. Нечкиной не выявляет пересечений. В докладе, как и в его обсуждении, преимущественно речь шла о втором томе «Очерках», концепции следующих выпусков, подходах к пониманию историографии (об этом нами будет сказано дальше). В статье же внимание автора сконцентрировано на обосновании своей схемы периодизации истории советской исторической науки. Таким образом, мы видим, что обсуждение этого теоретико-методологического аспекта историографической дисциплины выходит за пределы узкого круга комиссии и вовлекает большее число участников.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 17

⁵⁰¹ Там же. Л. 19.

Следующая дискуссионная статья принадлежала Г.Д. Алексеевой и была посвящена первому этапу развития исторической науки. Автор использовала периодизацию М.В. Нечкиной, дополнив ее качественными характеристиками развития советской исторической науки в 1917-1923 гг. Приверженность выбранной периодизации воплотилась и в кандидатской диссертации историка⁵⁰².

Некоторые авторы предметом своих размышлений сделали отдельные этапы периодизации⁵⁰³. В центре внимания К.Н. Тарновского и Е. Н. Городецкого оказалась проблема, насколько выделенные М.В. Нечкиной этапы истории советской исторической науки соответствуют развитию проблемных историографий. Результаты такой экспликации оказались противоречивыми. Е.Н. Городецкий пришел к заключению, что этапы изучения Октябрьской революции полностью совпадают с выделенными Милицей Васильевной этапами развития советской исторической науки. Его материал работает на обоснование «научной легитимности» периодизации М.В. Нечкиной. Можно предположить существование определенной конвенции между историками. Е.Н. Городецкий и М.В. Нечкина были коллегами по научному совету по проблеме «История исторической науки» и от дискуссии, видимо, ожидали одного и того же – апробацию в научном сообществе своих взглядов.

Статья К.Н. Тарновского, напротив, расходится в предложенной М.В. Нечкиной периодизацией. Он предложил продлить первый период до 1925 года, а второй разделить на два этапа, водоразделом которых должен стать, по мнению автора, 1929 год. К этому рубежу относится проведение Всесоюзной конференции историков-марксистов, на которой обсуждались проблемы империализма и истории рабочего класса, а также Всесоюзной

⁵⁰² В 1961 году Алексеева Г.Д. в МГПИ защитила кандидатскую диссертацию по теме «Развитие исторической науки в 1917 -1923гг. (На материалах истории СССР)».

⁵⁰³ Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки (1917-1936) // Истории СССР. 1960. №3. С. 149-155; Инкин В.Ф., Черных А.Г. О первом этапе советской исторической науки // История СССР. 1960. № 5. С. 75-84; Городецкий Е.Н. К характеристике историографии Великой Октябрьской Социалистической революции (1917-1934) // История СССР. 1960. № 6. С. 85-98.

конференции аграрников-марксистов, где поднимались вопросы сущности «азиатского» способа производства, феодализма, торгового капитала. Принципиальных расхождений с М.В. Нечкиной у К.Н. Тарновского нет. В своей статье М.В. Нечкина также вскользь упоминала о конференции 1929 года. В отличие от Е.Н. Городецкого историк оппонирует М.В. Нечкиной, но применяет скрытые эмоционально-нейтральные приемы. Во-первых, его интересует только первые два периода. Во-вторых, особо выделяя в истории советской исторической науки 1929 год, К.Н. Тарновский говорит, что Милица Васильевна вскользь тоже упоминала этот рубеж. Можно констатировать, что расхождения с периодизацией М.В. Нечкиной заключались в более пристальном внимании автора к внутринаучным институциональным факторам развития.

На наш взгляд, эти две статьи наглядно демонстрируют, что редакция журнала на начальном этапе проведения дискуссии выбрала стратегию балансирования. Сначала вышла статья К.Н. Тарновского с критическим акцентом, затем – Е.Н. Городецкого, которая нивелировала этот акцент.

Можно констатировать, что развитие дискуссии в 1960 году шло достаточно размеренно. Авторы высказывали отдельные предложения по корректировке периодизации, не вступая в открытую полемику с М.В. Нечкиной или друг с другом⁵⁰⁴. Например, украинский историк, Ф.Е. Лось обратил внимание, что в периодизации М.В. Нечкиной не были учтены особенности развития исторической науки в республиках СССР. Он отметил, что становление и укрепление исторической науки на Украине затянулось в связи Гражданской войной.

Дискуссия оживилась благодаря статье М.Е. Найденова, доцента кафедры Истории СССР советского периода Московского государственного

⁵⁰⁴ Степанов Н.Н. Этапы советской исторической науки // История СССР. 1960. №3. С. 156-157; Лось Ф.Е. К вопросу о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. №4. С. 146-149; Обсуждение статьи акад. М.В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки» в Ленинградском отделении Института истории АН СССР // История СССР. 1960. №4. С. 149-151.

университета⁵⁰⁵. Автор отметил что у М.В. Нечкиной отсутствуют указания, «какими критериями надлежит руководствоваться, разделяя непрерывный процесс развития науки на этапы и периоды»⁵⁰⁶. Выбранный исследовательницей критерий, по мнению М.Е. Найденова, «полностью игнорирует острую идейную борьбу, в обстановке которой развивалась советская историография и которая являлась отражением борьбы классов в советской исторической науке»⁵⁰⁷. Так, внешние факторы признаются автором приоритетными, оказавшими наибольшее влияние на развитие советской исторической науки. Историк воспринимает советскую историческую науку как «идеологический фронт», что вполне вписывается в образ историографии, транслируемый в 1920-х гг. М.Н. Покровским.

Сам М.Е. Найденов выделил два периода развития науки. Первый период (1917 – 1934 гг.) характеризуется ожесточенной борьбой на «историческом фронте», в ходе которой формировалась методология, концепция исторической науки. Поэтому, по мнению автора, и речи не может быть о существовании советской исторической науки. Особая роль в этом переходном периоде отведена М.Н. Покровскому. Первый период историк разделил в зависимости от направления идеологической борьбы на несколько этапов: 1) 1917 – 1923, 2) 1924 – 1927, 3) 1928 – 1934. Вторым периодом, по М.Е. Найденову, начался в 1935 году и продолжается по настоящее время. Для этого периода характерен рост научных кадров и институтов, развитие науки в республиках и др. Здесь им предлагается выделить этапы: 1) 1935 – 1940, 2) 1941 – 1945, 3) 1946 – 1956, 4) 1956 – настоящее время (начало 1960-х годов).

М.Е. Найденов занял непримиримую позицию к предложенной М.В. Нечкиной периодизации, которую он раскритиковал в своей статье. Примечательна манера исполнения – открыто, резко, эмоционально. В то же время эта статья взбудорила обсуждение проблемы, все последующие

⁵⁰⁵ Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. №1. С. 81-96.

⁵⁰⁶ Там же. С. 82

⁵⁰⁷ Там же. С. 82

участники будут не только и не столько искать «белые» пятна в периодизации М.В. Нечкиной, сколько доказывать М.Е. Найденову, что он не прав. Конечно, это не запланированный ход редакции, чтобы привлечь внимание к дискуссии, но проявление внутренних противоречий в сообществе ученых, и прежде всего разногласий в понимании общей концепции развития науки – является ли она продуктом социального заказа или ей все же присущи элементы автономности, как специфического института культуры.

Уже следующий участник дискуссии, Е.А. Луцкий, критерий периодизации предлагает искать внутри самой науки. Правда, исполнено это «новаторское» предложение в рамках устоявшейся на практике нормы/антитезы «марксистская – буржуазная» наука. Звучит критерий следующим образом: «борьба марксистско-ленинской методологии» вообще или с буржуазными концепциями истории, в результате которой она утвердилась в качестве «единой методологии исторической науки СССР»⁵⁰⁸. Е.А. Луцкий вступил в полемику с М.Е. Найденовым, не согласившись с утверждением, будто на первом этапе «советская историческая наука восприняла не ленинскую концепцию, а концепцию М.Н. Покровского». Е.А. Луцкий в ответ на это отметил, что М.Н. Покровский, несмотря на ряд ошибок, все же стоял на марксистских позициях. А также Е.А. Луцкий напомнил, что взгляды историка не оставались неизменными – он периодически пересматривал свои взгляды. Предложил автор свой вариант периодизации развития советской исторической науки. Первый период продлился с 1917 года до конца 1930-х годов, когда были выявлены «антимарксистские ошибки» М.Н. Покровского. В это время происходило утверждение и развитие советской исторической науки. Второй период охватывает промежуток с конца 1930-х годов, когда «были созданы первые учебники по истории, основанные на ленинской исторической концепции, и началась

⁵⁰⁸ Луцкий Е.А. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки // История СССР. 1961. №2. С. 104.

подготовка фундаментальных обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории», до начала 1960-х годов. В то же время автор отметил условный характер схемы и предложил обсудить ее в дальнейшем. Частично это произошло в публикации А.Л. Шапиро⁵⁰⁹. Предметом его внимания стали статьи и М.Е. Найденова, и Е.А. Луцкого. Историк не согласился с М.Е. Найденовым по поводу выдвинутого им критерия периодизации – появление новых идейных противников, что, считает автор, приводит к тому, что факт развития самой науки игнорируется. А.Л. Шапиро указал: М.Е. Найденову не удастся реализовать полностью этот принцип на конкретном материале. Так, для периода Великой Отечественной войны проблематика названа им определяющим критерием, для периода 1946 – 1956 гг. – «форма исторических исследований и увеличение их количества»⁵¹⁰.

А.Л. Шапиро выступил против дробной периодизации истории исторической науки, в чем, собственно, он и упрекнул Е.А. Луцкого. Александр Львович считает: такой подход «затрудняет достижение целей» – «сделать изложение материала наиболее доступным, связным и интересным и в максимальной степени избегать повторений»⁵¹¹. Поэтому для него в отличие от предыдущих участников не существенным является вопрос о выделении дробных этапов внутри периодов. Он предлагал сместить акцент на качественные характеристики: проблемы и темы, исторические концепции отдельных историков и проч. Вообще А.Л. Шапиро подошел к дискуссии нетривиально, творчески. По мнению историка, не следует слишком много внимания уделять вопросам периодизации, ведь она является только инструментом для написания обобщающего труда по истории советской исторической науки.

Цель последнего участника дискуссии – С.О. Шмидта – состояла не столько в разоблачении «неверных» взглядов оппонентов, сколько в

⁵⁰⁹ Шапиро А.Л. Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. №3. С. 81 – 88.

⁵¹⁰ Там же. С. 83

⁵¹¹ Там же. С. 87

корректировке предложенной другими участниками дискуссии характеристики этапов⁵¹². Историк отметил некоторые неточности периодизации М.В. Нечкиной, касавшиеся конечной даты первого периода – 1923 – 1924 или 1925 гг. Сам же сосредоточил свое внимание на качественном содержании периода и совершенно отстранился от решения проблемы, когда же все-таки заканчивается первый период.

Эту же тактику автор использовал, критикуя М.Е. Найденова. В частности, С.О. Шмидт не согласен ни с хронологическим, ни с содержательным определением этапа «1946 – 1956». Автор считает, что необходимо выделить в качестве самостоятельного этапа 1953 – 1956 гг. Также, по его мнению, необоснованно оценивать этот этап как «наиболее плодотворный», так как в это время в советской исторической науке произошло «отставание от задач современности». Заканчивает свои размышления С.О. Шмидт подробной характеристикой исторической науки после XX съезда. Статья, заметим, отличается эмоциональной сдержанностью, отсутствием резких выражений в адрес оппонентов, а также лаконичностью формулировок. Манера оппонирования свидетельствует о том, что роли арбитра историк предпочитает роль увлеченного искателя.

Итоговая статья о результатах дискуссии была опубликована М.В. Нечкиной в 1962 г. Автор перечислила основные направления критики, во-первых, это принцип или критерий периодизации, во-вторых, выделение основных периодов и внутри них дробных этапов. Краеугольным камнем всей дискуссии, по мнению исследовательницы, оставался вопрос критериев периодизации. В ее адрес неоднократно раздавались обвинения в недостаточной продуманности критериев, мол, непонятно, какие факты все же повлияли на качественное изменение развития науки. На что автор ответила: характеристика этих фактов в первой статье присутствовала. Однако, заметила М.В. Нечкина, после дискуссии можно к ним дополнить

⁵¹² Шмидт С.О. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1962. №1. С. 94 – 104.

еще один – «новые организационные формы науки (коллективные труды, работы научных симпозиумов и т.д.)»⁵¹³.

Далее автор вступила в полемику с М.Е. Найденовым. Напомним, что последний предложил альтернативную периодизацию истории советской исторической науки, в основе которой лежал критерий – борьба классов. Милица Васильевна решительно выступила против такого подхода, так как в социалистическом, бесклассовом обществе у исторической науки нет никаких классовых врагов. С другой стороны, исследовательница отметила, что «появление враждебных концепций не может быть критерием развития советской науки по самому существу вопроса», так как оставляет в тени развитие советской науки. Также этот критерий не приложим к внутренним этапам внутри периодов. М.В. Нечкина упрекнула своего оппонента в том, что по его логике идейным противником первого этапа второго периода (с 1934 года) становится М.Н. Покровский. Хотя М.Е. Найденов подчеркивал: М.Н. Покровский «не был враждебен ленинизму». В итоге М.В. Нечкина резюмирует свои размышления и размышления других участников дискуссии: сам М.Е. Найденов не может приложить данный критерий «к фактическому материалу последних крупных периодов – победы социализма и развернутого строительства коммунизма». М.В. Нечкина согласилась, что врагом остается зарубежная буржуазная наука. Однако, по ее мнению, эти явления не могут служить основным критерием периодизации.

Стоит отметить, что М.Е. Найденов – это единственный автор, удостоившийся столь тщательного внимания в итоговой статье. С одной стороны, это свидетельствует о реакции автора на конкурентную концепцию и, соответственно, нежелание ее закрепления в науке. С другой же, это говорит о существовании разногласий не только между двумя историками, но и внутри научного сообщества. Данный тезис косвенно подтверждают эго-документы М.В. Нечкиной. Историк зафиксировала в своих дневниках,

⁵¹³ Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. №2. С.57–78.

что во время обсуждения этой работы в редакции журнала произошел «сговор» группы, в которую вошли В.Д. Мочалов (редактор журнала), С.С. Дмитриев, П.Г. Рындзюнский, В.К. Яцунский, А.В. Фадеев, А.А. Преображенский. Они были против основных положений статьи, а значит, подвела итог М.В. Нечкина: «за Найденова и против «реабилитации» М.Н. Покровского»⁵¹⁴. Они настаивали, чтобы итоги дискуссии были подведены статьей от редакции. Однако М.В. Нечкина в данном вопросе «заняла непримиримую позицию»⁵¹⁵.

В споре с М.Е. Найденовым исследовательница использовала разные приемы. Скрупулёзный анализ текста позволил найти противоречия в логике оппонента. Нередко Милица Васильевна для аргументации своих тезисов ссылалась на других участников дискуссии: А.Л. Шапиро, Е.А. Луцкого, С.О. Шмидта, которые полемизировали с М.Е. Найденовым. Для данной статьи характерен тонкий сдержанный стиль оппонирования, когда спор продолжается в течение всей статьи, но «как бы между прочим». Можно предположить наличие конфликтной ситуации между историками. В исторической литературе конфликты внутри научного сообщества уже приковывали внимание исследователей⁵¹⁶. Историограф задается проблемой поиска адекватной методологии и находит ее в социологии науки. Согласно последней наука в первую очередь есть профессиональная деятельность ученых, поэтому необходимо говорить «не о конфликте концепций, а о конфликте людей», который протекает по заданным научным сообществом правилам⁵¹⁷. Причины конфликтов разнообразны и не только касаются научной деятельности, и, как правило, неотрефлексированы. А.В. Свешников пытается выделить «различные уровни напряженных взаимоотношений между учеными»: 1) «неприятные отношения между учеными или

⁵¹⁴ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 430.

⁵¹⁵ Там же. С. 122

⁵¹⁶ Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX–начала XX в. // Мир историка: историографический сборник. Вып.1. Омск. 2005. С. 228 – 259.

⁵¹⁷ Там же. С. 231.

группами ученых, которые обуславливаются различными причинами и могут существовать достаточно долго, не перерастая в открытый конфликт»; 2) «собственно конфликт как ситуацию обострения неприязненных отношений часто по какому-то конкретному поводу»; 3) «скандал как конфликтную ситуацию с превышением (в первую очередь, эмоциональным) нормы противоречий и обострением противоречий между участниками конфликта».

Применяя эти методологические наработки, мы можем зафиксировать, что взаимоотношения наших героев находились на стадии «неприязни», которая впоследствии перерастет в настоящий конфликт в 1968 году (материалы личного фонда М.В. Нечкиной доказывают это предположение). Но это предмет отдельного разговора. Сейчас же эта «неприязнь» проявилась в стилистике оппонирования, скрытого, иногда эмоционального спора. Выше же упоминалось, что дискуссии на страницах «Истории СССР» предшествовало обсуждение доклада на сессии комиссии по истории исторической науке (1959 г.), в которой принял участие М.Е. Найденов. Милица Васильевна сделала ряд замечаний к позиции Найденова. В ответ на упрек в недостаточном учете «развития советской идеологии» при составлении периодизации советской исторической науки М.В. Нечкина фиксирует: «я стремилась всячески учесть политические задачи», и далее – «решающий показатель, по его мнению, должен быть в состоянии идеологического фронта и политических задачах»⁵¹⁸. Также М.Е. Найденов отметил, что в работе отсутствует упоминание о борьбе исторической науки с «ложными» взглядами Троцкого, Бухарина, Каменева и Зиновьева. На что Милица Васильевна решительно возражает: «Нет есть! Я не раз говорила об этом»⁵¹⁹. Остается за кадром, озвучила ли он эти возражения на сессии, но напряжение в отношениях явно присутствовало. К сожалению, документы личного происхождения не проливают свет на источник напряжения между

⁵¹⁸ Документы о руководстве группой (сектором) Институтом истории АН СССР, комиссией (Научным советом) при ОИ АН СССР по проблеме «История исторической науки» // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 368. Л.90.

⁵¹⁹ Там же. Л. 90

исследователями, поэтому мы вынуждены остановиться на факте констатирования конфликтной ситуации между учеными.

Вернемся к дискуссии, которую сама М.В. Нечкина высоко оценила: в ее ходе были высвечены наиболее важные историографические темы. Обсуждение способствовало тому, что стал вырисовываться «глубокий общий историографический «фон»», который позволит перейти от библиографического перечня работ в хронологической последовательности к истории науки. Напомним, что целью дискуссии являлась выработка периодизации для последних томов «Очерков истории исторической науки СССР». В «Очерках» первоначальная периодизация претерпела изменения. Произошел отказ от выделения крупных периодов и более дробных этапов внутри них. Авторы отказались от использования конкретных дат для ряда периодов. Так, первый этап датировался ими с 1917 года до середины 1920-х годов (вместо 1923, 1924 или 1925 выбрана условная дата); второй – до середины 1920-х (хотя некоторые участники дискуссии предлагали 1928, другие – 1929 год; М.В. Нечкина вообще не выделяла в самостоятельный). Третий этап завершился в 1936 году; четвертый продлился до начала Великой Отечественной войны. Пятый охватил период самой войны. Послевоенное десятилетие (до 1955 года) – следующий этап. Последний этап начинается в 1956 году и продолжается в настоящем.

В завершении стоит сказать, что первая историографическая дискуссия имела большое значение в институциональном развитии молодой дисциплины – историографии. Результаты обсуждения нашли свое воплощение в «Очерках». Дискуссия способствовала коммуникации ученых-историков в двух аспектах. С одной стороны, обсуждение вышло за пределы Института истории благодаря участию вузовских, провинциальных историков. С другой, обозначилось два подхода к пониманию советской исторической науки – внешний и собственно научный. Впоследствии первый подход получил развитие в так называемый «экстерналистской» концепции развития науки, согласно которому данный социальный институт «жестко

завязан на проблеме "наука и власть"». В современной литературе эту точку зрения отстаивал, как было уже отмечено во введении диссертации, Ю.Н. Афанасьев. Вторая концепция – интерналистская – предполагает объяснение феномена советской историографии в рамках научного поля ее функционирования.

Отметим, что анализируемая дискуссия как форма научной коммуникации испытала влияние редакции журнала. И такое положение устраивало далеко не всех членов ученой корпорации. Например, М.В. Нечкина после обсуждения в июле 1962 г. в редколлегии журнала «История СССР», по ее мнению, спорной статьи А.В. Фадеева зафиксировала в дневниках: «Моя позиция: я за дискуссии, но на большом фактическом материале, на архивах – чтобы было исследование вопроса. А нас кормят статьями из цитат Ленина, в духе дискуссий конца 20-х – нач[ала] 30-х гг.! Нельзя спорить, кто "лучше" понимает Ленина и все!⁵²⁰ Чепуха! Таких дискуссий сейчас нет»⁵²¹. Опыт историографической дискуссии не мог не повлиять на этот «душевный порыв» академика, который, на наш взгляд, свидетельствует о желании если не порвать пуповину с принципом партийности, то хотя бы ее ослабить в научном исследовании. В любом случае дискуссия на страницах «Истории СССР» не прошла зря и стала заделом для последующих конференций, которые проводили научный совет и группа/сектор по истории исторической науки Института истории.

3.3. «Границы» дисциплины: обсуждение предмета историографии

«Конструирование» историографии как самостоятельной исторической дисциплины, по мнению Т.Н. Поповой, проявилось в определении ее «границ» – предметного поля⁵²². Вопрос «что есть историография» был затронут в докладе М.В. Нечкиной «Некоторые основные вопросы истории советской исторической науки» на заседании Ученого совета Института

⁵²⁰ Вероятно допущена техническая ошибка: вместо «1» должен стоять «!».

⁵²¹ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 430.

⁵²² Попова Т.Н. Дисциплинарный образ историографии... С. 272

истории АН СССР 17 апреля 1958 г.⁵²³, в выступлениях на сессии комиссии по истории исторической науки, состоявшейся 16 – 20 марта 1959 г. и посвященной обсуждению томов «Очерков истории исторической науке», а также в ходе дискуссии о периодизации истории советской исторической науки в журнале «История СССР». Эти упоминания, заметим, носили эпизодический характер и представляли собой размышление/приглашение к обстоятельному разговору о предмете историографии.

Первый такой разговор состоялся на «историографической среде», организованной научным советом 4 января 1961 г. Сценарий этого заседания отличался от последующих тем, что обсуждение было выстроено не вокруг конкретного доклада, а в свободном (даже несколько хаотичном) формате. Участники «среды», в основном это московские историки⁵²⁴, делились своими соображениями по данному вопросу. Обратимся к содержанию этих выступлений. Первой выступила М.В. Нечкина. Ее подход к определению предмета историографии напоминает «матрешку»: «историография» помещена в «историю науки», которая в свою очередь входит в «культуру общества». Поэтому, считает М.В. Нечкина, в историографических исследованиях необходимо учитывать общекультурный контекст развития общества⁵²⁵.

Также историк подняла ряд важных теоретико-методологических вопросов, например, что такое «историографический факт». Это, по ее мнению, «воздух» для историографа. Милица Васильевна выделила две группы историографических фактов: основные (труды историков) и дополнительные (объясняющие контекст развития науки)⁵²⁶. Предложенная

⁵²³ Об этом событии М.В. Нечкина упоминает на «историографической среде» от 4 января 1961 г. К сожалению, найти стенограмму этого доклада не удалось. Информация о нем содержится в протоколе заседания Ученого совета Института истории АН СССР. См.: Протокол заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 17 апреля 1958 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп.2. Д. 408. Л. 170.

⁵²⁴ На этом заседании выступили следующие историки: М.В. Нечкина, И.С. Галкин, А.М. Сахаров, Р.А. Киреева, М.А. Алпатов, В.Е. Иллерицкий, С.С. Дмитриев, И.М. Краснов, Е.А. Луцкий, Е.В. Гутнова, К.Н. Тарновский, Е.Н. Городецкий, Г.Д. Алексеева, С.О. Шмидт, И.С. Смирнов, С.И. Якубовская, В. П. Данилов.

⁵²⁵ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 15.

⁵²⁶ Там же. Л. 22.

градация работает при изучении творчества отдельного представителя ученого сообщества. В этом случае, отмечает М.В. Нечкина, шаги исследователя предсказуемы: 1) выделить главные труды изучаемого историка, 2) расположить их в историческом порядке, 3) дать описание его выводов и 4) показать его вклад в науку. Однако, подчеркнула исследовательница, в историографическом исследовании важно учитывать личность историка, условия и особенности формирования его мировоззрения. Это замечание основано на личном исследовательском опыте Милицы Васильевна, которая, напомним, уже в 1920-е гг. занималась изучением В.О. Ключевского, и уже в те годы писала о необходимости детального рассмотрения биографии ученого. В то же время в исследованиях коллективного творчества историков или развития научных направлений, по мнению М.В. Нечкиной, требуется иной критерий отбора фактов. Правда, какой именно она не поясняет. Но историограф говорит, что при изучении истории советской науки 1920 – 1930-х гг., когда сосуществовали две традиции исторического исследования: дореволюционная/буржуазная и советская/марксистская, исследователь не должен обращаться к работам буржуазных авторов. Поскольку они не имеют никакого отношения к советской, марксистско-ленинской, историографии. Как быть в таком случае с «буржуазными» историками, которые в 1930-е гг. стали работать в марксистской парадигме? К таковым, например, относятся Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, Е.В. Тарле и др. М.В. Нечкина считает, научное творчество этих исследователей в 1920-е гг. рассматривать как период «поиска пути к марксизму»⁵²⁷. Таким образом, историограф наделяет, с одной стороны, наделяет историографию оценочными функциями, когда критерием оценки является соответствие/несоответствие марксистской методологии. С другой стороны, М.В. Нечкина настаивает на соблюдении принципа историзма в историографическом исследовании.

⁵²⁷ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 25 – 28.

Не лишено было выступление Милицы Васильевны и идеологического пафоса. О недостаточной борьбе в советской историографии с фальсификаторами истории, напомним, заговорили еще в конце 1940-х г. Спустя десятилетие разговоры об этом не стихали. И М.В. Нечкина отметила, что историографическая дисциплина является важным интеллектуальным инструментом в этой идеологической схватке. Исследовательница в качестве примера привела курс лекций по советской историографии профессора Стэнфордского университета А. Мазура. Этот курс, по мнению М.В. Нечкиной, искажал реальную картину развития исторической науки в СССР, потому следует больше усилий сосредоточить на борьбе с фальсификаторами. Именно так, продолжала М.В. Нечкина, «колеблющиеся элементы», которых немало среди молодежи всех зарубежных стран, смогут узнать «правду об истории советской исторической науки»⁵²⁸.

Историк обратила внимание на необходимость более глубокого и тщательного изучения теоретического наследия В.И. Ленина и применения этих наработок в историографических исследованиях. Сложившаяся в настоящее время практика, по ее мнению, привела к ритуальному цитированию. Изучение же «роста и развития ленинской теории» остается по существу скобками современными исследователями – констатировала историограф⁵²⁹. Такое заявление соответствовало духу «оттепели», когда звучали призывы «нового прочтения» произведений Ленина. В области изучения истории России конца XIX – начала XX вв. это вылилось в мощное исследовательское течение – «новое направление». Для историографической дисциплины же заявление М.В. Нечкиной означало фокусирование исследования на проблеме «В.И. Ленин и историческая наука»⁵³⁰.

⁵²⁸ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 38.

⁵²⁹ Там же. Л. 40.

⁵³⁰ Уже в 1959 г. Комиссией по истории исторической науки было организовано заседание, на котором Г.Н. Голиков выступил с докладом «В.И. Ленин как историк». См. об этом: Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки. Обсуждение доклада Г.Н. Голикова на тему: «В.И. Ленин как историк» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10а. Д. 6. В 1960-х гг. Научный совет участвовал в организации Всесоюзных научных сессий: 1) «В.И. Ленин и историческая наука», которая прошла 15 – 18 июня 1965 г. в Киеве (См. об этом: Дунаевский В.А., Неупокоев В.И. В. И. Ленин и историческая наука (Всесоюзная научная сессия в Киеве) //

С подходом Милицы Васильевны к определению предмета историографии в общих чертах согласился А.М. Сахаров. В его представлении историография может быть понята в двух смыслах. В первом случае историография является собой «совокупность работ, посвященных той или иной проблеме», которые в свою очередь необходимо изучать как явление, обусловленное «объективными закономерностями»⁵³¹. В данном случае речь идет о рассмотрении так называемой «проблемной историографии» в тесной связи с общими трендами развития науки. С другой стороны, под историографией может пониматься история исторической науки, включающая в себя пять взаимосвязанных аспектов. Первый связан со спецификой изучения процессов развития общества в предыдущие эпохи, которое в то же время всегда было связано с современностью, поскольку «обслуживало интересы определенных классов, общественных групп»⁵³². Потому, считает А.М. Сахаров, важно в историографическом исследовании проследить связь исторического знания и политико-идеологической сферы. Следующий аспект предмета историографии – методологический. Он актуален только для немарксистской исторической науки, поскольку для советской исторической науки методологический вопрос решен – в ней господствует марксизм-ленинизм. Третий выделенный А.М. Сахаровым аспект – развитие проблематики исторических исследований. Следующий аспект – институциональная сторона предмета историографии, включающая в себя историю организационных форм, учреждений исторической науки. И последний аспект – изучение развития источниковой базы исторических исследований.

В выступлении Г.Д. Алексеевой была затронута проблема сужения предметной области историографии. Исследовательница высказалась против отождествления историографии исключительно с научными трудами

Вестник Академии наук СССР.1965. № 9. С. 97 – 101.) и 2) «В.И. Ленин – основоположник советской исторической науки», которая состоялась 22 – 24 декабря 1969 г. в Москве.

⁵³¹ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 45.

⁵³² Там же. Л. 48.

историков. По ее мнению, такой подход «не работает» для реконструкции истории исторической науки 1920-х гг. В эти годы у советских историков практически не выходило монографических трудов, значит ли это они «ничего не делали»⁵³³. Учеными-марксистами в первое советское десятилетие, отмечает Г.Д. Алексеева, было сделано много: обозначены новые исследовательские проблемы и намечены пути их изучения в русле марксистской методологии, собрано и опубликовано немало источников и т.д. Этими соображениями обусловлен ее подход к определению историографии как истории становления и развития исторической мысли. Поэтому исследовательница считает серьезным заблуждением отождествление понятий «история исторической науки» и «историография». В данном вопросе с ней солидарен К.Н. Тарновский. Правда, у него понятие «историография» отражает историю изучения отдельной исследовательской проблемы. Затронул историк и другой важный аспект: соотношение предмета истории и предмета историографии. Для прояснения указанной проблемы, следует, по мнению К.Н. Тарновского, необходимо четко различать «историю как науку» и «историю исторической науки». Что же предлагает сам историк? Предмет истории исторической науки, по его мнению, более узкая категория, нежели предмет истории. К.Н. Тарновский подчеркнул важность в исследованиях, посвященных истории исторической науки, понимание интеллектуального контекста эпохи, которое дает история общественной мысли. Взгляды историка были неоднозначно встречены участниками «историографической среды». Так, С.О. Шмидт возразил против предложенного разделения истории общественной мысли и истории исторической науки.

«Серединный» подход к пониманию предмета историографии предложил М.А. Алпатов. Задача историографии, подчеркнул историк, состоит в том, чтобы «показать превращение исторических знаний в

⁵³³ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 124.

науку»⁵³⁴. Потому важно в историографических исследованиях не забывать о главном герое – ученом⁵³⁵.

Последним выступил В.П. Данилов. Он единственный среди участников «среды» считал историографию «вспомогательной исторической дисциплиной». По его мнению, предназначение историографии заключается в том, чтобы «всемерно содействовать решению задач, стоящих перед исторической наукой на данном этапе ее развития»⁵³⁶. В.П. Данилов обрушился с разгромной критикой на К.Н. Тарновского. Его главный упрек состоял в чрезмерном усложнении проблемы соотношения истории исторической науки и истории общественной мысли. В.П. Данилов предложил довольно простой ответ на данный вопрос: история общественной мысли – это отдельная область знания, связанная с историей исторической науки, но не тождественная ей. Позиция же К.Н. Тарновского, по его мнению, объясняется личным исследовательским опытом историка. «Из того обстоятельства, что Вам пришлось заниматься изучением не только историей исторической мысли в 1920-х годах, но и историей общественной мысли, нельзя делать вывод, что предметом истории исторической науки является история исторической мысли» – заявил В.П. Данилов, и продолжил, – Из этого обстоятельства можно делать только вывод, что вы, товарищи-историки, вам проще изучать историю общественной мысли»⁵³⁷. Непонятно о какой простоте идет речь в данном пассаже, ведь что предметное поле дисциплины, наоборот, становится шире, а значит и сложнее для изучения. В.П. Данилов, полагаем, отсылал к высокой степени изученности и проработанности истории общественной мысли, что делало эту тему комфортной для исследования. Истории исторической мысли в советской литературе, напротив, уделялось сравнительно немного внимания.

⁵³⁴ Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10 а. Д. 20. Л. 72.

⁵³⁵ Там же. Л. 74.

⁵³⁶ Там же. Л. 147.

⁵³⁷ Там же. Л. 148.

Справедливо замечание В.П. Данилова о влиянии исследовательского опыта на понимание предмета историографии.

После выступления участников «среды» слово взяла М.В. Нечкина. Она прокомментировала кратко позицию В.П. Данилова, упрекнув его в отказе считать историографическую дисциплину самостоятельной. В то же время резюмировать высказанные коллегами соображения она отказалась. Совершенно очевидно, что на этом этапе изучения такой сложной теоретико-методологической темы не представлялось возможным свести сказанное к единому знаменателю. Полемика вокруг предмета историографии на этом заседании превратилась в разногласицу. Сказалась и неудачная организация «среды»: отсутствие главного доклада – отправной точки для обсуждения. Каждый участник пустился в свободное плавание. Участники «среды» отметили те сюжеты, которые в первую очередь интересовали их самих. Е.А. Луцкий, например, говорил, почему необходимо изучать историографию Октябрьской революции. Е.В. Гутнова жаловалась на недостаточное внимание к историографии всеобщей истории.

С другой стороны, а мог бы быть представлен в начале 1960-х г. обобщающий доклад по проблеме предмета историографии? Ответ очевиден – нет. Советские историки только приступили к «возделыванию аллода» теории и методологии истории⁵³⁸. Это был уже иной, нежели у ближайших предшественников (Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, и даже авторов первого тома «Очерков»), подход к пониманию предмета историографии.

Итак, подведем итог «среды». Наметилось три подхода к пониманию предмета историографической дисциплины: 1) история исторической науки, 2) история изучения отдельной темы и 3) история общественной мысли.

⁵³⁸ Пожалуй, первой попыткой теоретического осмысления историографии является статья М.В. Нечкиной в первом выпуске историографического сборника «История и историки». Историография понимается ею как история исторической науки, включающая следующие аспекты: 1) историография «собственной истории» (то есть история развития исторической науки); 2) история изучения всемирной истории и 3) история изучения истории народов СССР. См.: Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: сб. стат. М., 1965. С. 6 – 26.

Обсуждение предмета историографии продолжилось в 1962 – 1963 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». На этот раз полемика развернулась вокруг построения университетского курса историографии⁵³⁹.

Прежде чем приступить к анализу дискуссии, сделаем небольшое отступление – обратимся к истории преподавания историографии в изучаемый период. В 1949 г. принята учебная программа курса по русской историографии, в 1953 г. она была несколько скорректирована и переименована в «Историографию истории СССР»⁵⁴⁰. Специфика этих курсов состояла в том, что наряду с источниковедением, нумизматикой, палеографией и др. историография рассматривалась как вспомогательная историческая дисциплина. В качестве другой особенности отметим определение предметной области историографии как учебной дисциплины. Так, курс по историографии, согласно программе 1949 г., имел цель «показать пути развития русской исторической науки в развитии: 1) теоретических основ 2) методологии научного их изучения 3) исторической проблематики и конкретного исторического знания»⁵⁴¹. Для профессионального становления историка данный предмет имел стратегически важное значение, так как историография должна была «вооружить историка к критическому освоению историографического наследства – к освоению его позитивных достижений и в то же время к преодолению его теоретической и методологической порочности на основе исторического материализма»⁵⁴². Открыт вопрос, насколько заявленным в программах подходам и принципам следовали преподаватели в реальности. Отходили ли от намеченного плана? Если да, то в какой мере?

В послевоенное десятилетие историографические курсы читались в крупных университетах Москвы, Ленинграда, Саратова и др. Интересен в

⁵³⁹ Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 18 – 28.

⁵⁴⁰ Довольно подробно эти программы были проанализированы в статье М.В. Мандрик. См.: Мандрик М.В. К вопросу о последствиях борьбы с космополитизмом в советской историографии конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Український історичний збірник. 2009. № 12. С. 225-232.

⁵⁴¹ Цит по: Мандрик М.В. К вопросу о последствиях... С. 226.

⁵⁴² Цит по: Там же.

этой связи опыт преподавания историографии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. АОН была создана в 1946 г. для подготовки партийных кадров (на смену ликвидированному в 1938 г. ИКП) и по сути являла собой трехгодичную аспирантуру. Систематически читать лекции по историографии будущей партийной элите стали после 1949 г.⁵⁴³ Предыдущий, 1948 – 1949 учебный год, как следует из отчета о деятельности кафедры истории СССР, оказался неудачным: аспиранты продемонстрировали слабые знания в области историографии. Так, было отмечено, что обучающиеся не знакомы ни с новой литературой по истории, выходящей в СССР, ни с обсуждаемыми в сообществе исследовательскими проблемами. Поэтому аспиранты АОН не принимают активного участия в научной жизни – «стоят несколько в стороне от сегодняшнего дня советской науки и не чувствуют неправильности этой позиции, это крайне существенный недостаток»⁵⁴⁴. Документ отсылает к контексту развития советской исторической науки конца 1940-х гг., к борьбе с космополитизмом, в которой историография – важнейший инструмент. Однако практика чтения историографических лекций сохранилась и в годы «оттепели», о чем свидетельствуют сохранившиеся стенограммы⁵⁴⁵.

⁵⁴³ Хотя надо заметить, что иногда читались лекции по истории изучения отдельных проблем до 1949 г.. Например, известно о лекции Б.Д. Грекова по истории изучения Киевской Руси. См.: Мамонтова М.А. «Историография Киевской Руси»: лекция Б.Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 457–471. В 1949 – начале 1950-х гг. известно о следующих лекциях: 1) «Вопрос о происхождении славян в историографическом освещении» (Третьяков П.Н.); 2) «Генезис феодализма в трудах русских историков» (Греков Б.Д.); 3) «Разложение феодально-крепостнического хозяйства в России и развитие капиталистического уклада» (Нечкина М.В.); 4) «Историография Великой Октябрьской социалистической революции» (Голиков Г.Н.). См.: Планы и отчеты о работе кафедры истории СССР за 1947-48 – 1950-51 уч. гг. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л. 50; Планы и отчеты о работе кафедры за 1953/54 – 1963/ 64 уч. года // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 742. Л. 13.

⁵⁴⁴ Планы и отчеты о работе кафедры истории СССР за 1947-48 – 1950-51 уч. гг. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л. 36.

⁵⁴⁵ Найда С.Ф. О важнейших проблемах историографии Гражданской войны и Военной интервенции в СССР: 1917 – 1920 гг. (1954 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 730. Л. 1 – 42; Минц И.И. Критика буржуазной историографии (6.04. 1955 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 1 – 34; Рыбаков Б.А. Источники и историография Древнерусского государства (21.09.1956 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 728. Л. 72 –101; Нечкина М.В. Историография революционного народничества (11.10.1956 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 732. Л. 43–100; Ким М.П. Состояние историографии советского общества и задачи дальнейшей разработки истории советской эпохи (10.09.1957 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 730. Л. 43 – 81; Нечкина М.В. Русская дворянская историография конца XVIII – начала XIX вв. (01.11.1957 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 80 – 137; Она же. Историография движения Шамиля (30.10.1957 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 728. Л. 102 – 139; Она же. Буржуазная историография России XIX в. (10.12.1957 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 732. Л.

Историография, повторимся, становится обязательной учебной дисциплиной в 1955 г. В эти же годы появились и первые учебники по историографии. В 1957 г. вышло издание «Русская историография до XIX века: курс лекций», подготовленное Л.В. Черепниным⁵⁴⁶. В 1959 – 1961 гг. под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева вышло два издания учебника по историографии истории СССР, подготовленное авторским коллективом (И.К. Додонов, Е.В. Чистякова, С.О. Шмидт, Н.Л. Рубинштейн, А.С. Рослова)⁵⁴⁷. Как же определялась предметная область дисциплины в первых учебниках? В издании 1957 г. отмечалось, что существуют разные подходы к определению термина «историография», сам же автор сторонник широкого толкования дефиниции. Так, Л.В. Черепнин предлагал под историографией понимать «науку, которая изучает развитие исторической науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняет, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества»⁵⁴⁸. При этом автор подчеркнул, что изучение истории исторической науки не сводится к простой «регистрации фактов прошлого», речь идет главным образом об их «обобщении и познании»⁵⁴⁹. По мнению В.Е. Иллерицкого (автор введения), такое определение недостаточно, так как оно не отражает принципиального отличия марксистской исторической науки от буржуазной. Поэтому, авторы-редакторы дополнили предметную область дисциплины следующими аспектами: «установление классовой сущности исторических теорий и раскрытие борьбы между направлениями в исторической науке», а также «изучение истории познания законов общественного развития, истории победы марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной

100 –148; Нечкина М.В. Периодизация советской исторической науки (13.11.1959 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 732. Л. 195 – 244; Шарапов Г.В. Историография аграрной политики советской власти в первые годы диктатуры пролетариата (21.03.1961 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 717. Л. 97 –137 и др.

⁵⁴⁶ Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. М., 1957.

⁵⁴⁷ Русская историография: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. В 3 т. М., 1959 – 1960; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1961 (2-е изд.).

⁵⁴⁸ Черепнин Л.В. Русская историография... С. 4.

⁵⁴⁹ Там же. С.4.

наукой»⁵⁵⁰. Нельзя не подчеркнуть, что авторы учебных изданий 1957 г. и 1959 – 1961 гг., не противореча друг другу в принципиальных моментах, все по-разному расставляют акценты. У Л.В. Черепнина на первом плане сюжеты научного плана: формирование теорий и концепций, расширение источниковой базы исторических исследований, движение проблематики и т.д. Автор отметил необходимость изучения и контекста развития науки, в том числе и классовую и политическую борьбу. В.Е. Иллерицкий и И.А. Кудрявцев, напротив, преломление классовой борьбы сделали магистральным аспектом.

В начале 1960-х гг. преподавателями из Московского университета было подготовлено и разослано в университеты для широкого обсуждения два проекта (1960 и 1962 гг.) новой учебной программы по историографии. Это спровоцировало обсуждение вопроса о предмете историографии на страницах «Вопросов истории». В трех номерах журнала были опубликованы материалы дискуссии⁵⁵¹. В обсуждении приняло участие восемь историков. Большинство из них являлись сотрудниками крупнейших университетов – Московского (А.М. Сахаров, И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев), Саратовского (Л.А. Дербов), Ростовского (А.Г. Беспалова). Институт истории АН СССР был представлен С.О. Шмидтом, который по совместительству в те годы преподавал в Историко-архивном институте.

В статье А.М. Сахарова, открывшей обсуждение, речь шла о построении курса историографии в высшей школе. По мнению автора, прежний подход к преподаванию историографии не просто безнадежно устарел: он выбивается из «тренда» развития науки, когда интерес к историографической проблематике достиг небывалого размаха. В последние годы, отметил исследователь, по данной теме активно разрабатываются

⁵⁵⁰ Историография истории СССР... С. 6.

⁵⁵¹ Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 18 – 28; Дербов Л.А., Калистратов Н.П., Беспалова О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 22 – 36; Шмидт С.О., Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С., Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 59 – 87.

теоретико-методологические вопросы дисциплины, публикуется большое количество научных работ, защищаются диссертации. Все это, подчеркнул А.М. Сахаров, «вызывает необходимость повысить уровень преподавания»⁵⁵².

Какие же предложение для улучшения преподавания историографии истории СССР в высшей школе выдвинул автор? В своих рассуждениях исследователь исходит из того, что историография – это самостоятельная дисциплина, предметная область которой может быть определена как 1) история изучения отдельной проблемы, так и 2) история исторической науки в конкретной стране. Первая модель, считает А.М. Сахаров, не совсем пригодна для преподавания курса отечественной историографии, поскольку она представляет собой сумму логически не связанных между собой «справок о литературе по разным вопросам»⁵⁵³. Наиболее оптимальной формой организации учебного курса по историографии, по его мнению, является целостное изложение истории исторической науки. Поскольку только в рамках этого подхода возможно «вооружить студента прежде всего пониманием общей закономерности развития науки», протекавшей в борьбе различных идей, школ, направлений, концепций⁵⁵⁴. Кроме того в курсе историографии, подчеркнул А.М. Сахаров, должно быть раскрыто содержание истории как науки, ее место и значение в общественной жизни, в классовой и идейно-политической борьбе. Не лишен такой подход и уязвимых мест. Так, А.М. Сахаров отметил, что за пределами такого курса остаются две важные проблемы: 1) исследования отечественных историков по всеобщей истории и 2) развитие исторических знаний у народов СССР. Ограниченность учебных часов вынуждают преподавателя обращаться к самым важным аспектам развития исторической науки в СССР, конкретно к изучению «истории нашей страны»⁵⁵⁵. В то же время А.М. Сахаров считает

⁵⁵² Сахаров А.М. Предмет и содержание... С. 19.

⁵⁵³ Там же. С. 20.

⁵⁵⁴ Там же. С. 20.

⁵⁵⁵ Там же. С. 21.

недопустимым сложившуюся ситуацию, когда учебный курс по большому счету сведен исключительно к «русской историографии». Эта проблема, подчеркнул автор, связана со слабой изученностью истории развития исторических знаний у народов СССР. Даже в хрестоматийном издании, в «Очерках истории исторической науки в СССР», разделы о национальных историографиях написаны плохо – аналитический обзор заменен библиографической справкой.

Поделиться А.М. Сахаров с читателями и своим мыслями по поводу организации преподавания курса историографии. По его мнению, доверить столь ответственное мероприятие можно только «наиболее опытным и крупным специалистам-историкам», обладающим «широкой научной эрудицией»⁵⁵⁶. Автор предложил схему изложения материала в рамках курса. В сжатом виде оно может быть представлена следующим образом: 1) условия развития исторической науки в конкретный период; 2) состояние источников; 3) развитие проблематики исторических исследований; 4) состояние методологии изучения исторических процессов; 5) характеристика концепций исторического развития. Мы видим, что эта схема аналогична предложенной им на «историографической среде» в 1961 г. Забегая вперед, заметим, что в дальнейшем историк продолжит «огранку» схемы, детализируя и уточняя каждый из ее элементов⁵⁵⁷.

Редакция «Вопросов истории» обратилась к читателям с просьбой включиться в обсуждение статьи А.М. Сахарова. По существу «живой» полемики не получилось. Редки были случаи, когда взгляды участников дискуссии расходились с мнением А.М. Сахарова. Например, А.Г. Беспалова, преподаватель Ростовского университета, высказалась против отказа от рассмотрения в курсе работ отечественных историков всеобщей истории.

⁵⁵⁶ Сахаров А.М. Предмет и содержание... С. 28.

⁵⁵⁷ Например, эти мысли будут высказаны А.М. Сахаровым в докладе на Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории в Смоленске (31 января – 3 февраля 1973 г.), а также зафиксированы в статье, опубликованной в сборнике материалов этого научного мероприятия. См.: Сахаров А.М. О построении и содержании курса историографии истории СССР // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 42 – 54.

Поскольку, по ее мнению, этот материал как нельзя лучше иллюстрирует мировое значение русской науки. С.О. Шмидт указал на «корневую» проблему развернувшейся полемики: в ее ходе «недостаточно четко был определен самый предмет историографии»⁵⁵⁸. Сам историк предложил более широкое понимание предмета дисциплины, нежели то, которое он озвучил на «среде» 4 января 1961 г. Теперь в предмет историографии, С.О. Шмидт, включал не только «историю накопления исторических знаний и развития исторической мысли», но и «историю создания исторических сочинений и биографий историков, историю распространения исторических знаний»⁵⁵⁹. Таким образом, историк расширил понимание историографии, добавив в него антропологический компонент. Этот подход поддержал С.С. Дмитриев, добавив, что «слабо изучается история распространения исторических знаний посредством школ, научно-учебной и научно-популярной литературы, через печать, радио и телевидение, через художественную литературу и другие виды искусства»⁵⁶⁰. Л.А. Дербов поставил под сомнение в целесообразности биографического подхода в построении курса историографии, когда происходит «искусственное обособление» ряда историков и таким образом их «исключение» из общего историографического процесса⁵⁶¹. Поэтому излагать материал, по его мнению, следует «не по историкам», а «по ведущим идейно-политическим и научным направлениям, сообразно классовым лагерям соответствующего периода»⁵⁶². А.М. Сахаров, парируя Л.А. Дербову, настаивал на применении такого подхода, поскольку на примере творческого пути конкретного ученого можно раскрыть историю и направления идейно-политической и классовой борьбы⁵⁶³. Поставил под сомнение А.М. Сахаров и предложение С.О. Шмидта и С.С. Дмитриева включить в учебный курс региональный

⁵⁵⁸ Шмидт С.О., Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С., Сахаров А.М. Предмет и содержание... С. 59.

⁵⁵⁹ Там же. С. 59

⁵⁶⁰ Там же. С. 81.

⁵⁶¹ Дербов Л.А., Калистратов Н.П., Беспалова О предмете и содержании... С. 26

⁵⁶² Там же. С. 26

⁵⁶³ Шмидт С.О., Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С., Сахаров А.М. Предмет и содержание... С. 86.

«контент», поскольку, по его мнению, история исторической науки должна быть представлена студенческой аудитории как целостный и закономерный процесс, чего совершенно невозможно добиться на материале локальной историографии.

Приведенные выше примеры полемики были единичны, в большинстве своем участники соглашались с тезисами А.М. Сахарова. Это отразилось и на используемой лексике: «как правильно отметил А.М. Сахаров», «автор справедливо указал» и т.д. Надо заметить, что обсуждение преимущественно выстраивалось по линии: статья А.М. Сахарова – отклик конкретного участника дискуссии – ответ А.М. Сахарова. Повторимся, дискуссия, а именно так это обсуждение называют его участники, вышла из намеченного русла и стала напоминать обмен мнениями по поводу проблем, с которыми они столкнули при преподавании курса историографии истории СССР. Участники акцентировали внимание на такие проблемы, как отсутствие, по выражению Н.П. Калистратова, «стабильной» программы курса, современных учебных пособий (значит, что издания, подготовленные Л.В. Черепниным и В.Е. Иллерицким/ И.А. Кудрявцевым, считались устаревшими!) и учебников по историографии советского периода⁵⁶⁴ и т.д. Другой немаловажной проблемой в организации преподавания историографии, на которую обратил внимание Л.А. Дербов, является слабая теоретико-методологическая и философская подготовка как студенческой аудитории, так и преподавателей. Восполнить же имеющиеся пробелы по большому счету негде, считает историк, поскольку в самом на тот момент фундированном издании по историографии, в «Очерках истории исторической науки в СССР», «недостаточно глубоко и всесторонне раскрываются философские основы и идейные истоки различных направлений исторической мысли»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ Учебник по историографии советского периода появился сравнительно поздно – в 1982 г. Издание вышло под редакцией И.И. Минца.

⁵⁶⁵ Дербов Л.А., Калистратов Н.П., Беспалова О предмете и содержании... С. 23.

Подводя итог дискуссии, А.М. Сахаров назвал ее продуктивной и перспективной для последующего развития предметной области историографии. Историк продолжил свои искания в данной сфере в 1960 – 1970-е гг. В 1970-е гг. он возглавлял историографическую секцию научного совета Министерства высшего и среднего образования СССР (который «давал грифы» на все учебные издания)⁵⁶⁶. В 1976 г. в сборнике «Вопросы методологии и истории исторической науки» была напечатана работа А.М. Сахарова, посвященная теоретико-методологическим аспектам исторического исследования⁵⁶⁷. В ней историк развил идеи, озвученные ранее, в 1960-е гг. Исследователь остался верен убеждению, что для успешной разработки проблемной историографии необходима «ясная ориентация в общем ходе развития исторической науки»⁵⁶⁸.

В исследовании 1976 г. историк подошел к проблеме определения предметной области историографии с иной стороны. В 1960-е гг. он рассматривал предмет историографии «с чистого листа», за точку отсчета беря современный ему период. Теперь же А.М. Сахаров представил подробную картину развития представлений об историографии в

⁵⁶⁶ В воспоминаниях Е.В. Гутновой содержится упоминание о деятельности А.М. Сахарова в этой должности. В 1972 г. ею был подготовлен учебник по историографии средних веков. Обсуждение работы в университете прошло успешно – издание было рекомендовано к печати. Однако спустя несколько дней после обсуждения к Е.В. Гутновой обратился А.М. Сахаров: «Евгения Владимировна, что там случилось на вашем обсуждении?» — «Ничего, — ответила я, — все прошло хорошо, книгу рекомендовали к печати». «Но ведь вас сильно критиковали?» — возразил Анатолий Михайлович. — «Нет. А кто вам сказал?» — «А вы не догадываетесь? Один ваш коллега, имени которого называть не буду». В ответ я предложила ему посмотреть стенограмму и текст моего доклада и принесла ему материалы. Через неделю он возвратил мне их со словами: «Все в порядке. Я вижу, что все, что мне сказали — вранье. На следующем министерском совете я доложу и мы поставим “гриф”». Так и произошло: в 1974 г. учебник был напечатан, в 1985 г. вышло его второе, переработанное и дополненное издание. Цит. по: Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. Режим доступа: https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregitoe.html#1497397 (дата обращения 11.08.2020). Заметим, что этот учебник стал, с одной стороны, результатом преподавательской и исследовательской деятельности историка в течение нескольких десятилетий (конец 1940-х – начало 1970-х гг.), а с другой – продолжением опубликованного в 1963 г. курса лекций Е.А. Косминского: Евгений Алексеевич довел курс до середины XIX в., Евгения Владимировна рассмотрела развитие медиевистики во второй половине XIX в. – 1917 г. В учебном пособии 1974 г. она подчеркивала, что историография есть история исторической науки, сложная природа которой вынуждает строить ее изучение на выяснении социально-политического контекста ее развития и влияния классовой борьбы, исследовании методологического инструментария историков и проблематики, концепций, источниковой базы и т.д. См.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков: учеб. пос. М., 1974. С. 7.

⁵⁶⁷ Сокращенный вариант этой работы был опубликован двумя годами раньше в «Истории СССР». См.: Сахаров А.М. О предмете историографического исследования // История СССР. 1974. № 3. С. 90 – 112.

⁵⁶⁸ Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1976. С. 6.

отечественной интеллектуальной традиции (то есть историографию историографии!). Разработка историографической тематики в российской исторической науке относится к 1820 – 1830-м гг., именно тогда, отметил А.М. Сахаров, назрела потребность «в пересмотре прежних представлений о предмете и задачах истории как науки». В этом плане критика «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, по мнению автора, дала толчок для формирования историографии – произошел переход от критического отрицания работ предшественников к освещению их в историческом аспекте⁵⁶⁹. Далее А.М. Сахаров рассмотрел представления об историографии как дореволюционных авторов (С.М. Соловьева, М.О. Кояловича, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова и др.), так и советских историков.

Довольно подробно автор остановился на том, что было сделано начиная с конца 1950-х гг. В этот период сложилось три подхода к определению историографии. В рамках первого историография рассматривалась «как история идей», приближенная к истории философии, общественной мысли и даже социологии⁵⁷⁰. Согласно второй точке зрения, которой придерживались М.В. Нечкина, Л.В. Черепнин, А.И. Данилов (собственно, и сам А.М. Сахаров склонялся к этим взглядам), предметом дисциплины является история исторической науки. Последний подход, предложенный А.Л. Шапиро и С.О. Шмидтом, ориентировал историографов на изучение того, как исторические знания распространялись «в широких народных слоях» и отражались в произведениях искусства и художественной литературе (то есть историография понималась как «история знания»). Таким образом, резюмировал автор, представления о предмете эволюционировали: от «историографии = истории исторической мысли» к «историографии = истории исторической науки», а затем к «историографии = истории исторических знаний»⁵⁷¹. В методических рекомендациях к курсу по историографии истории СССР (1978 г.) А.М. Сахаров не «дробил» предмет

⁵⁶⁹ Там же. С. 8.

⁵⁷⁰ Там же. С. 25.

⁵⁷¹ Там же. С. 27.

историографии и включал в него «историю исторической мысли и исторической науки»⁵⁷².

Развитие историографической дисциплины, дальнейшее накопление материала и углубление теоретико-методологических поисков ставили перед учеными новые вопросы. Обсуждение предмета историографии оставалось невероятно актуальным и востребованным в ученом сообществе. 30 ноября 1977 г. вновь возобновилась практика организации «историографических сред». На первом, после многолетнего перерыва, заседании обсуждался доклад сотрудника ИВИ АН СССР Н.А. Ерофеева о предмете историографической дисциплины. К сожалению, ни сам доклад, ни стенограмма этой встречи в архивных коллекциях Академии наук не сохранились. Восстановить события «среды» возможно лишь по небольшим опубликованным в исторической периодике заметкам⁵⁷³.

На заседании присутствовало около 80 историков из Москвы и других городов страны. Докладчик заявил, что не претендует на новые определения историографии, его задача более скромная – «внести некоторые уточнения»⁵⁷⁴. В 1970-е гг. Н.А. Ерофеев читал в Московском государственном университете курс лекций для студентов и аспирантов по теоретико-методологическим проблемам исторической науки⁵⁷⁵, потому, полагаем, в своих размышления опирался и на преподавательский опыт. Историк отметил, что «непрерывное расширение интересов» историографии в будущем может привести к ее специализации и «дроблению». Что в свою очередь, по его мнению, грозит утере «целостного представления о развитии науки». Н.А. Ерофеев, определяя предмет историографии, отметил сложность – в него входит и «изучение деятельности историков и

⁵⁷² Сахаров А.М. Историография истории СССР... С. 11.

⁵⁷³ Никифоров Е.А. Теоретические проблемы историографии в Научном совете по проблеме «История исторической науки» // История СССР. 1978. № 4. С. 208 – 211; Афанасьев О.А. О задачах и предмете историографии // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 212 – 214.

⁵⁷⁴ Афанасьев О.А. О задачах и предмете историографии... С. 212.

⁵⁷⁵ Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И., Репинецкая Ю.С. Теория и методология исторической науки: из истории ее зарождения и становления. Попытка лапидарного освещения сложной научной проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки, т. 1, № 3, 2019. С. 87.

потребностей духовной жизни», и «уровень науки на данном этапе» (а именно, круг источников, методика исследования, теоретический уровень науки и ее организация)⁵⁷⁶. Мы видим, что докладчик использует предложенную А.М. Сахаровым схему. Также Н.А. Ерофеев затронул вопрос, который волновал исследователей и в предыдущее десятилетие, именно – каково соотношение понятий «общественная мысль» и «историческая наука». По его мнению, понятие «общественная мысль» включает в себя научные представления, но не ограничивается ими. И потому «общественная мысль» входит в предмет историографии лишь в той мере, в какой оказывает влияние на развитие исторической науки⁵⁷⁷.

Доклад вызвал оживленное обсуждение, в котором приняло участие 16 историков-историографов. Среди них А.М. Сахаров, И.Д. Ковальченко (он в 1970-е гг. читал в МГУ курсы лекций по историографии и методологии), М.А. Барг, С.О. Шмидт, Е.В. Гутнова, Г.Д. Алексеева, В.А. Дунаевский и др.

И.Д. Ковальченко отметил, что доклад Н.А. Ерофеева «отражает наметившийся в настоящее время поворот в развитии историографии», суть которого состоит в развитии интеграционных процессов (а значит, выход дисциплины за пределы существующего предметного поля)⁵⁷⁸. Именно этим «поворотом», заметим, и вызваны опасения докладчика относительно дальнейшей специализации историографии и последующего «размывания» ее предметной области. В то же время И.Д. Ковальченко считал, что интеграцию нельзя понимать «как простое суммирование» методов, напротив, она предполагает выработку нового методологического инструментария исследования. Согласились с И.Д. Ковальченко Л.Е. Кертман и Е.В. Гутнова. М.А. Муравьев заявил об опасности отождествлять «расширение предмета историографии» с увеличением числа задач этой дисциплины.

⁵⁷⁶ Афанасьев О.А. О задачах и предмете историографии...С. 213.

⁵⁷⁷ Никифоров Е.А. Теоретические проблемы историографии... С. 208.

⁵⁷⁸ Никифоров Е.А. Теоретические проблемы историографии... С. 208.

Некоторые участники «среды», напротив, поддержали опасения докладчика (А.Д. Колпаков, (преподаватель МГУ, специалист по истории Ирландии), М.А. Барг). М.А. Барг высказал мысль, что «историография, давая научную критику, не должна «давать отметки» отдельным историкам»⁵⁷⁹. Иными словами историк заявил о важности пересмотреть один из канонов советской историографии, заложенный еще в 1920-е гг. М.Н. Покровским, которая нами подробно была рассмотрена в предыдущих главах. Позиция М.А. Барга встретила осуждение со стороны Е.В. Гутновой, А.М. Сахарова, В.Г. Сарбея. Эти исследователи отметили важное значение оценки предшественников «не только для преподавания дисциплины и воспитания кадров историков, но и для развития науки»⁵⁸⁰. Налицо непонимание между историками: А.М. Сахаров, Е.В. Гутнова, В.Г. Сарбей постулируют «нет науки без оценок», в то время как М.А. Барг выходит за привычные рамки определения историографии, наполняя его качественно иным содержанием⁵⁸¹.

Интересный аспект затронул Л.Н. Пушкарев: где проходит граница между историографией и библиографией.

Также участники заседания высказывались по поводу понимания и соотношения основных дефиниций обсуждаемого вопроса, к таковым относятся: «история исторической науки», «общественная мысль», «историческая мысль», «общественное сознание», «историографии». К сожалению, источники не содержат об этом аспекте обсуждения более подробной информации, поэтому раскрыть содержательно этот сюжет на

⁵⁷⁹ Афанасьев О.А. О задачах и предмете историографии... С. 213.

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ В 1970-е гг. М.А. Барг интересуется историей идей в разные периоды всемирной историей. Исследователь обратился к проблеме исторического сознания, которое, по его мнению, является «не только измерением типа культуры и фактом историографии, но главное – фактором самой истории». На историческом материале им была доказана связь между теоретическим мышлением эпохи и господствующим типом историографии. При этом М.А. Барг историографию понимал как «форма, при помощи которой общество превращает прошлое в компонент своего собственного самосознания, и в конечном счете только каждая данная форма социальной организации определяет, что для нее будет означать отложившееся в памяти прошлое и, тем самым, в какой форме оно будет представлено настоящему». См.: Репина Л.П. Память истории и исторического сознание в фокусе категориального анализа М.А. Барга // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2015. Вип. 14. С. 5 – 16.

данном этапе исследования невозможно. В то же время даже такое лапидарное упоминание свидетельствует о востребованности в сообществе теоретических исследований, а также об эволюции представлений о предмете историографии – вопрос теперь ставится не только в плоскости «наука – мысль», но и шире «наука – мысль – сознание».

Статьи почти всех участников «среды» были напечатаны в сборнике «Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки» (Калинин, 1980). Сохранившиеся источники не позволяют ответить на вопрос, насколько опубликованные тексты соотносятся с выступлениями на заседании 30 ноября 1977 г. Останавливаться подробно на анализе статей этого сборника не считаем необходимым – оно было подробно рассмотрено в диссертационном исследовании К.П. Ярковой⁵⁸² и статье Е.Н. Соломахи⁵⁸³. Лишь отметим, что сам факт публикации сборника свидетельствует о нарастании интереса сообщества к теоретическим вопросам историографии. В поле зрения авторов оказались определение и типология таких «рабочих» дефиниций историографа, как «концепция историка», «методология исследования», «историографический факт», «историографический источник» и др.

Таким образом, в 1960 – 1970-е гг. в ученом сообществе обозначился устойчивый интерес к теоретическим вопросам историографии – предпринимались попытки определить границы историографической дисциплины, подходы к преподаванию ее в высшей школе. Нами были рассмотрены основные события дискуссии о предмете историографии, развернувшейся в 1960 – 1970-е гг. Этот диспут был принципиально иного плана, нежели полемика вокруг периодизации истории советской исторической науки. Особенность дискуссии о предмете состояла как в большей хронологической растянутости, так и коммуникативной рассредоточенности.

⁵⁸² Яркова К.П. Указ. соч. С. 66 – 76.

⁵⁸³ Соломаха Е.Н. Постановка теоретико-методологических вопросов... С. 15.

В ходе этих дискуссий, как справедливо отметила современная исследовательница Е.Н. Соломаха, «история исторической науки внутренними своими силами подходила к постановке проблем альтернативности исторического процесса, нового осмысления положений марксистской методологии»⁵⁸⁴. Показательно, что в конце концов совершить качественный рывок в понимании историографической дисциплины, выйти за пределы утвердившегося институционально-классового подхода (господствовало представление об историографии как истории исторической науки) в эти годы не получилось – это дело будущего. Но зерна нового подхода были уже посеяны, равно как и наметился тренд в сторону антропологического поворота, расширения представления об историографии как «истории знания».

3.4. Научная «реабилитация» М.Н. Покровского в коммеморациях и корпоративных практиках научного сообщества

В предметную область историографии включаются не только концепции и труды, но и их творцы. Антропологическое наполнение дисциплины проявляется и в коммеморативных практиках, которые выступают в качестве скрепов научного сообщества. Мы подчеркивали, что формирование научного сообщества является одной из составляющих дисциплинаризации. На примере зигзагов памяти о М.Н. Покровском рассмотрим процесс «классикализации» в историографии.

В конце 1950-х – 1960-е гг. в советской историографии появляется серия «реабилитационных» работ: анналы истории науки были возвращены вычеркнутые в ходе идеологических кампаний имена⁵⁸⁵. Предваряло созданию подобных нарративов политическая реабилитация жертв репрессий, начавшаяся в середине 1950-х г. Среди них было немало

⁵⁸⁴ Соломаха Е.Н. Постановка теоретико-методологических вопросов... С. 15.

⁵⁸⁵ Чесноков В.И. В.И. Невский как историк русского революционного движения // История и историки. М.: Наука, 1965. С. 371 – 396; Михайлова Н.М. М.С. Ольминский об источниках по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции // История и историки. М.: Наука, 1973. С. 212 – 237; Чесноков В.И. Борьба В.И. Невского за марксизма // Вопросы философии. 1965. № 9. С. 132 – 140; В.И. Невский // История СССР. 1967. № 1. С.105 – 110 и др.

историков. В 1954 г. из 17-летней ссылки в Москву возвратился С.М. Дубровский⁵⁸⁶. Он станет одним из активных участников научной «реабилитации» М.Н. Покровского в этот период.

Потребность в новых оценках роли М.Н. Покровском и его «школы» в развитии советской исторической науки была связана в первую очередь с подготовкой последних томов «Очерков истории исторической науки в СССР». Михаил Николаевич Покровский, бесспорно, являлся одной из ключевых и знаковых фигур советской историографии, к тому же занимавший административные должности в ведущих научных и образовательных центрах страны в 1920-е – начале 1930-х гг. Потому на страницах обобщающих «Очерков» обойти вниманием этого ученого было невозможно. С другой стороны, в новых, «оттепельных» реалиях использовать результаты «осмысления» конца 1930-х г. (в рамках антипокровского двухтомника), выглядело не просто «моветоном», но и вступало в противоречие с «генеральной линией партии».

«Реабилитация» М.Н. Покровского была санкционирована властью на XX и XXII съездах КПСС. В секретном докладе Н.С. Хрущева на XX съезде (25 февраля 1956 г.), направленном на разоблачение «культа личности» Сталина, была дана установка на будущее: «провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства»⁵⁸⁷. Это выступление в целом, по мнению культурологов, легитимизировало «оттепель» на официальном уровне. На XX съезде персонально о жертвах «культа личности» – о М.Н. Покровском и его «школе» – не упоминалось. Отдельно данный сюжет будет освещен в выступлении Л.Ф. Ильичева на XXII съезде

⁵⁸⁶ Бухерт В. Г. «При рассмотрении дела ни в чём себя виновным не признал». С. М. Дубровский в 1936–1954 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 228–240.

⁵⁸⁷ Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза от 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128 – 170.

КПСС (24 октября 1961 г.). Докладчик отметил, что в период господства «культа личности» из науки были вычеркнуты имена многих выдающихся ученых, в этом ряду оказался и «видный историк-марксист, старый большевик» Покровский, творчество которого, по его словам, хоть и не было лишено ошибок, но все же оставалось марксистским. Дабы не быть голословным и доказать «значимость» Михаила Николаевича Л.Ф. Ильичев зачитал письмо В.И. Ленина к историку⁵⁸⁸. Особенно важным в этом документе, по мнению докладчика, является, что Ленин «любовно и требовательно разговаривал с ученым»⁵⁸⁹. Завершая речь, Л.Ф. Ильичев задал вопрос: «разве ленинская оценка имеет что-нибудь общее с теми тяжкими обвинениями, которые во времена культа личности были выдвинуты против Покровского?»⁵⁹⁰. Правильный ответ – нет! И этот ответ, продолжил докладчик, партия дала на XX съезде, сделав выбор в пользу «творческого развития марксизма-ленинизма»⁵⁹¹.

Спустя пару месяцев после XXII съезда на совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (30 января – 2 февраля 1962 г., МГУ) М.А. Сулов представил собравшимся доклад «XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук», в котором обратил внимание присутствовавших на «особенно тяжелый вред культа личности

⁵⁸⁸ Читаем в источнике: «5 декабря 1920 г. Владимир Ильич Ленин писал М.Н. Покровскому. Позвольте привести это замечательное письмо: "Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Русская история в самом сжатом очерке» (Скажу в скобках – это как раз та книга, которая была в числе заклеянных как антимарксистская – Л.И.). Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки. Позволю себе одно маленькое замечание, - пишет В.И. Ленин. – Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец вашей оценки, марксистской, с указанием страниц Вашей книги"». Цит. по: XXII съезд КПСС, 17 – 31 октября 1961. Стенографический отчет. В 3 т. М.: Государственной изд-во политической литературы, 1962. Т. II. С. 185. Впоследствии этот фрагмент будет неоднократно использоваться советскими историками: Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л. Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 62 – 63; Соколов О.Д. Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 71 – 72.

⁵⁸⁹ XXII съезд КПСС, 17 – 31 октября 1961. Стенографический отчет. В 3 т. М.: Государственной изд-во политической литературы, 1962. Т. II. С. 185.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Там же.

исторической науке»⁵⁹². Это, в частности, проявилось в «неправильном отношении к научному наследию М.Н. Покровского», говорилось в выступлении, в огульном отрицании вклада этого ученого в разработку отечественной истории⁵⁹³. Таким образом, в начале 1960-х гг. изучение творчества Покровского стало не только одобряемой, но более того – поощряемой темой исследования, правда, в известных пределах. Власть использовала имя Покровского в своей игре-борьбе с «культом личности». Какие же цели преследовало научное сообщество, иницируя в своих кругах «реабилитацию» этого историка? Обратимся к событиям научной жизни тех лет.

Первым важным событием, когда имя Покровского прозвучало не в контексте «преодоления ошибок» историка и его учеников, а с позиции переоценки вклада его творчества в развитии советской исторической науки, стало выступление 30 августа 1958 г. в Музее Революции СССР С.М. Дубровского⁵⁹⁴. Эта была первая и очень важная попытка преодоления «травмы» научного сообщества. Докладчик сделал акцент на трех аспектах проблемы. Первый – признание заслуг М.Н. Покровского, который, по его мнению, является «одним из выдающихся историков конца XIX и особенно первой трети XX века»⁵⁹⁵. Михаилом Николаевичем не только была предпринята попытка с марксистских позиций осмыслить историю России, но дана критика работ идеологов и практиков «буржуазного идеализма» (Г. Риккерта, Л. Ранке, В. Виндельбанда, В.О. Ключевского, Н.М. Карамзина и др.). Второй аспект был связан с так называемыми «ошибками Покровского и его школы». По мнению докладчика, главная ошибка ученого состояла в том,

⁵⁹² XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. Доклад секретаря ЦК КПСС тов. М.А. Сулова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений // Правда. 1962. 4 февраля. № 35. С. 3.

⁵⁹³ Там же. С. 3.

⁵⁹⁴ Короткое сообщение об этом заседании было опубликовано в «Правде». См. об этом: 90-летие со дня рождения М.Н. Покровского // Правда. 1958. 31 августа. № 243. С. 6. Стенограмма заседания ученого совета сохранилась в архиве Государственного центрального музея современной истории России. См.: Стенограмма заседания ученого совета, посвященного 90-летию со дня рождения М.Н. Покровского с приложением доклада С.М. Дубровского // Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп.1. Д. 1142. 158 л.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 2.

что он как заместитель наркома просвещения «допустил» подмену в образовательном процессе изучения конкретного исторического материала механическим усвоением абстрактных социологических схем.. В то же время С.М. Дубровский уверен, Покровский непременно бы исправил свои заблуждения, если бы не умер в 1932 г. Почему же Покровский не сделал это при жизни, например, в конце 1920-х гг., когда шквал критики в адрес его концепции нарастал? А виноваты в том, что Михаил Николаевич, отмечает докладчик, так и остался с «непротертыми углами своего мировоззрения», его ближайшие ученики и соратники (именно эти люди, считает С.М. Дубровский, и составили так называемую «школу Покровского»). Сергей Митрофанович назвал несколько имен учеников Покровского, так яро веривших и защищавших концепцию «торгового капитала», а потому и сыгравших в научной биографии своего учителя трагическую роль. К ним были отнесены А.И. Малышев, А.И. Ломакин, Г.Е. Меерсон, Н.Н. Ванаг, П.О. Горин, А. Гойстур. По мысли докладчика, пагубное влияние этой «школы» заключалось не только в количестве ее представителей, которых с каждым годом становилось все больше, но и в «противодействии всякой критике М.Н. Покровского и его самокритике»⁵⁹⁶. Практически все названные докладчиком ученики Покровского, заметим, были репрессированы в конце 1930-х гг.⁵⁹⁷

И последний аспект, на который обратил внимание С.М. Дубровский, – отношение к научному наследию М.Н. Покровского. Докладчик подчеркнул правильность критики правительства и партии «ошибок школы Покровского» во второй половине 1930-х гг. (более подробно этот сюжет будет раскрыт в докладе и статье М.В. Нечкиной, о которых будет сказано дальше), в отличие от научной критики (речь идет о двухтомнике против Покровского), которая по сути была сведена к «выдергиванию отдельных

⁵⁹⁶ Стенограмма заседания ученого совета, посвященного 90-летию со дня рождения М.Н. Покровского с приложением доклада С.М. Дубровского // Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп.1. Д. 1142. Л. 32.

⁵⁹⁷ См.: Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

цитат из работ» историка или «реставрации реакционных антимарксистских исторических представлений»⁵⁹⁸. Последнее относилось к историкам из «бывшего помещичье-буржуазного» лагеря. Видимо, автор имел в виду Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В.И. Пичету и др. Теперь, после XX съезда, считает С.М. Дубровский, «создались условия для правильной оценки исторических взглядов М.Н. Покровского без апологетики и нигилистического к нему отношения»⁵⁹⁹. При этом докладчик отметил, что в настоящее время речь может идти исключительно об историографическом осмыслении наследия Покровского и в этой связи привел анекдот: «К врачу пришел больной и стал спрашивать – можно ему есть то-то, то-то. Он так надоел врачу, что на вопрос, можно ли ему есть сыр врач шутливо сказал: «Ешьте как можно больше, но только одни дырочки от него»»⁶⁰⁰.

После завершения выступления С.М. Дубровского присутствовавшие на Ученом совете пожелали поделиться своими воспоминаниями о М.Н. Покровском⁶⁰¹. Был отмечен преподавательский талант историка. В частности, сотрудница Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) Н.Н. Колесникова, бывшая накануне Первой русской революции слушательницей Московских педагогических курсов, вспоминала о занятиях по истории, которые вел М.Н. Покровский: «На первом курсе историю у нас читал Кизеветтер, который нас не удовлетворял, и мы чувствовали пробелы в своих знаниях истории. В начале второго года моего пребывания на курсах разнесся слух, что у нас лекции будет читать Михаил Николаевич Покровский. Мне это имя тогда ничего не говорило <...>. И вот, у нас назначена первая лекция Михаила Николаевича Покровского на тему «Материалистическое понимание истории» <...>. Лекция поразила меня логичностью, стройностью, своей убедительностью»⁶⁰². Своими

⁵⁹⁸ Стенограмма заседания ученого совета, посвященного 90-летию со дня рождения М.Н. Покровского с приложением доклада С.М. Дубровского // Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп.1. Д. 1142. Л. 34 – 36.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 37 – 38.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 13.

⁶⁰¹ В стенограмме зафиксированы выступления: А.И. Толстихиной (председатель заседания), А.Л. Сидорова, Н.Н. Колесниковой, Р.П. Катаняна, И.И. Минца и Е.Я. Драбкиной.

⁶⁰² Там же. Л. 52 – 53.

впечатлениями от занятий М.Н. Покровского поделился и А.Л. Сидоров. Историк слушал лекции Михаила Николаевича в «Свердловке»⁶⁰³, работал у него в семинаре в ИКП. Также об обучении в семинаре Покровского в ИКП (1930 – 1931 гг.) поведала председатель заседания, директор Музея Революция А.И. Толстихина.

Вспомнили собравшиеся и революционные «будни». Так, Р.П. Катанян (в 1920-1930-е гг. занимал должности генерального консула в Германии, помощника прокурора РСФСР, преподавал уголовное право в 1-м МГУ) рассказал о знакомстве с историком в разгар революции 1905 – 1907 гг.

На заседании рефреном звучала мысль о важности «реабилитации» М.Н. Покровского. И.И. Минц отметил: ошибки Покровского – «это были ошибки человека, который искал, который шел вперед» и которой обладал уникальным умением «отказываться от своих заблуждений, не стесняясь полным голосом говорить о своих ошибках»⁶⁰⁴. А.Л. Сидоров завершил свое выступление покаянием: «После смерти М.Н. Покровского мы резко отнеслись к его прошлому, часто неправильно, чрезмерно критиковали его <...>. Очень много положительного о Покровском умалчивалось»⁶⁰⁵. В этой связи, считает историк, крайне желательно переиздание и изучение трудов Покровского. Что собственно и будет сделано в следующее десятилетие.

Спустя несколько лет после заседания в Музее Революции проблема определения места и значения М.Н. Покровского в советской историографии была затронута в рамках дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, а также в ходе обсуждения статьи С.М.Дубровского на расширенном заседании редколлегии журнала «Вопросы истории» 29 декабря 1962 г. (данная работа будет рассмотрена дальше).

Работы историографического плана о М.Н. Покровском появились в 1962 г. Вообще этот год стал знаковым для научной «реабилитации» историка, поэтому представляется важным воссоздать в хронологической

⁶⁰³ Сокращенное название Коммунистического университета им. Я.М. Сверлова в Москве.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 74.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 51.

последовательности, как разворачивались события. Так, 7 февраля 1962 г. на заседании Научного совета по проблеме «История исторической науки» М.В. Нечкина выступила с докладом «Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934 – 1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы)»⁶⁰⁶. Сохранилась только вводная часть стенограммы заседания, из которой известно, что в обсуждении доклада приняли участие А.Л. Сидоров, В.М. Далин, М.Я. Гефтер, И.Б. Берхин. Найти текст доклада не удалось. Сохранившиеся фрагменты стенограммы выступления М.В. Нечкиной (4 листа) идентичны первым страницам опубликованной уже после кончины автора статье с аналогичным названием⁶⁰⁷. Также никаких свидетельств о внесении в текст опубликованной статьи принципиальных поправок в связи с привлечением новых источников не имеется, о чем свидетельствует развернувшиеся вокруг статьи события. Все это позволяет нам использовать для анализа текст этой статьи.

Свое выступление М.В. Нечкина начала со слов, что перед научным сообществом стоит непростая задача – «восстановить истинную роль этого ученого [Покровского – *В.Г.*] в развитии советской исторической науки», учитывая не только его ошибки, но и «сложный трудный путь, по которому он пришел к марксизму»⁶⁰⁸. В докладе она затронула более скромный по хронологическому и тематическому охвату, но отнюдь не по значимости вопрос – отражение разоблачения «ошибок» Покровского и его учеников в Постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК в 1934 – 1938 гг., на которые

⁶⁰⁶ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Докл. М.В. Нечкиной «Вопрос о Покровском в постановлениях о преподавании истории в 1934 – 1938 гг. (к источниковедческой стороне вопроса)» // Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 36.

⁶⁰⁷ Эта статья была написана вскоре после заседания 7 февраля 1962 г. См.: Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934-1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. Т.118. М., 1990. С. 232 – 246.

⁶⁰⁸ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Докл. М.В. Нечкиной «Вопрос о Покровском в постановлениях о преподавании истории в 1934 – 1938 гг. (к источниковедческой стороне вопроса)» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 36. Л. 3.

впоследствии неоднократно ссылались авторы печально известного «антипокровского» двухтомника⁶⁰⁹.

Архивные изыскания историка начались с обращения в ЦК КПСС с просьбой разрешить «ознакомиться с архивными материалами директивных постановлений 1934–1937 годов о преподавании гражданской истории» (их зачастую коротко называли «постановлениями о М.Н. Покровском и его «школе»)⁶¹⁰. Просьба была удовлетворена – М.В. Нечкина получила доступ к архивным материалам, на основе которых пришла к сенсационному выводу: официальные документы не содержат упоминаний о Покровском, в отличие от опубликованного в «Правде» (27 января 1936 г.) информационного сообщения «Преподавание истории в нашей школе» с «замечаниями» И.В. Сталина, А.А. Жданова, С.М. Кирова⁶¹¹. В этих «замечаниях» звучал призыв борьбы с «антиленинскими традициями школы Покровского и в методе, и в конкретной картине русской истории»⁶¹². В вину историку вменялось сведение диалектического материализма к «экономическому самотеку», на

⁶⁰⁹ В частности, речь идет о главах, подготовленных А.М. Панкратовой, Ем. Ярославского. См.: Панкратова А.М. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч.1. М., Л., 1939; Ярославский Ем. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского. Ч. 2. М., Л., 1940.

⁶¹⁰ В этом письме М.В. Нечкина перечислила постановления, с которыми она бы хотела бы поработать в партийном архиве. Назовем их: «1) Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 года. 2) Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об издании учебников и организации 5 авторских групп для составления учебников (по истории древнего мира, средних веков, новой истории, истории СССР и новой истории зависимых и колониальных стран). Май или июнь 1934 г.3) Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса истории СССР и организации групп по составлению элементарных учебников истории СССР – от 9 июня 1934 года. 4) Замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР – от 8 августа 1934 года. 5) Замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова по поводу конспекта учебника по новой истории – от 9 августа 1934 года. 6) Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, одобряющее представленные тт. Сталиным и Ждановым замечания по поводу конспектов новых учебников – от 14 августа 1934 года. 7) Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о М.Н. Покровском и его «школе». Между августом 1934 г. и январем 1936 года. Существовали ли они? 8) Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации комиссии для просмотра и улучшения написанных учебников по истории от 26 января 1936 г. 9) Информационное сообщение о надлежащей постановке преподавания гражданской истории, опубликованное в «Правде» под заголовком «В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б)» от 27 января 1936 года. 10) Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР, опубликованное в «Правде» от 22 августа 1937 г.» Цит по.: М.В. Нечкина в ЦК КПСС // «История в человеке»... С. 127.

⁶¹¹ Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском... С.236 – 237.

⁶¹² Правда. 27 января 1936. № 26. С. 1.

основе которого он «мог создать только историю социальных формаций, а не живую историю борьбы классов»⁶¹³.

Эти «замечания» не только аннулировали значение работ М.Н. Покровского, объявляя их «вредными», но и, по мнению М.В. Нечкиной, легли «в основу крупнейшей кампании на историческом фронте», став «платформой критики Покровского»⁶¹⁴. Историк задала вполне логичный вопрос: почему Сталин «не провел» отдельное постановление о Покровском? По мысли исследовательницы, дело было в том, что Сталин «избрал быстрый и ничем не стеснявший его способ изложить желательный для него текст как газетное информационное сообщение»⁶¹⁵.

М.В. Нечкина считает, что, хотя имя Покровского не упоминается в партийно-правительственных постановлениях 1934 – 1938 гг. о преподавании истории напрямую, но эти документы так или иначе ассоциируются с ним по ряду причин: «во-первых, постановления относятся к самому содержанию его концепции», во-вторых, к его функциям в качестве заместителя наркома просвещения»⁶¹⁶. При этом исследовательница полагает, что не все указанные в постановлениях ошибки справедливы. В частности, упреки Покровского в отсутствии «живой и занимательной формы изложения» не соответствуют реальности, ведь «писал он как раз превосходно, живо и занимательно, и В.И. Ленин не случайно заметил в письме к нему, что «Русская история в самом сжатом очерке» «читается с громадным интересом» (историк в соответствии с требованиями эпохи апеллирует к «классику» для противопоставления его Сталину). В то же время постановления не содержат упоминаний о «классических» ошибках Покровского – о «торговом капитализме» и самодержавии как торговом капитале «в шапке Мономаха» и т.п.⁶¹⁷.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском... С.238.

⁶¹⁵ Там же. С.238.

⁶¹⁶ Там же. С. 244.

⁶¹⁷ Там же. С. 244 – 245.

Текстологический анализ источников и сличение их между собой позволили исследовательнице не только «выяснить, что именно прямо и непосредственно, с упоминанием имени, говорилось о М.Н. Покровском», но и «исправить неточность цитирования»⁶¹⁸.

Таким образом, в указанной работе М.В. Нечкина в духе разоблачения «культа личности» Сталина реабилитирует своего учителя. Но делает это максимально осторожно и последовательно, отталкиваясь от результатов скрупулезного источниковедческого анализа документов и избегая громких заявлений, только подводя читателя к нужной мысли – вывод сделать он должен сам (!).

Первоначально планировалось, что доклад М.В. Нечкиной ляжет в основу статьи для «Вопросов истории». Но статья была опубликована лишь в 1990 г., уже после кончины исследовательницы.

После заседания научного совета, 12 февраля 1962 г., Милица Васильевна обратилась к Л.Ф. Ильичеву с просьбой разрешить упомянуть в статье, что «неопубликованных постановлений о М.Н. Покровском в архивах ЦК КПСС не имеется»⁶¹⁹. В дневниковых записях историка отражен этот момент: «Статья и текст доклада – все готово, но публикация задержана запретом Л.Ф. Ильичева упоминать о тех весьма обширных поисках «постановления о Покровском» в архивах ЦК КПСС, которое было тщательно проведено и дало отрицательный результат»⁶²⁰. Отрицательный ответ Л.Ф. Ильичева (21 февраля 1962 г.) вынудил историка «искать помощи» в ЦК КПСС. Из этого обращения, а также из дневниковых записей, мы узнаем «версию событий» М.В. Нечкиной. Исследовательница, ещё до выступления с докладом на «среде» 7 февраля, обратилась к Л.Ф. Ильичеву с просьбой поискать интересующие ее постановления в партийных и правительственных архивах. На что получила положительный ответ. «Это

⁶¹⁸ Там же. С. 246.

⁶¹⁹ М.В. Нечкина - Л.Ф. Ильичеву // «История в человеке»... С. 126.

⁶²⁰ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 424 – 425.

прежде всего нужно нам» – заявил партийный деятель⁶²¹. Подобный отклик неудивителен, достаточно вспомнить речь Л.Ф. Ильичева на XXII съезде КПСС. Архивные поиски продолжались несколько недель, после чего заместитель Л.Ф. Ильичева – В.И. Евдокимов – позвонил и сообщил Милице Васильевне, что в архивах ЦК КПСС постановлений о М.Н. Покровском найдено не было. Историк упустили упомянуть в докладе о результатах архивных поисков. 16 февраля М.В. Нечкина передала через В.И. Евдокимова Л.Ф. Ильичеву статью для «Вопросов истории». 21 февраля Ильичев позвонил ей и сообщил о своем отрицательном решении, сказав при этом, что сам статью не читал, но познакомившийся с текстом работы В.И. Евдокимов отсоветовал ее печатать. Почему? Ответ – «не все ли, мол, равно – было или не было постановления о Покровском ЦК и СНК СССР»⁶²². Комментируя сложившуюся ситуацию, М.В. Нечкина отметила «двойственную позицию» Л.Ф. Ильичева, который сначала обещал содействовать разработке темы, против доклада ничего не имел, а в отношении статьи занял непримиримую позицию. Причина подобного поведения, по мнению историка, связана с тем, что партийный деятель чего-то испугался. Но чего – не уточняет и только оговаривает: «тут есть еще подробности, о к[ото]рых я когда-либо напишу»⁶²³. Но, увы, так и не написала... Сложившаяся ситуация, знание «правил игры» советской исторической науки и власти, не вселяли надежды на благоприятный исход дела у автора. «Все сделано текст готов, но ... (Очевидно останется в моем архиве!)» – записала историк в дневниках⁶²⁴.

Однако и на этом запрете история со статьей не завершилась. В личном фонде М.В. Нечкиной сохранилось два любопытных документа, датированных 1964 г. и отражающих противостояние по поводу данной работы. Новый виток «жизни» рукописи был связан с желанием исследовательницы

⁶²¹ М.В. Нечкина в ЦК КПСС // «История в человеке»... С. 128.

⁶²² Там же. С. 128.

⁶²³ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 425.

⁶²⁴ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 424.

опубликовать ее в сборнике, приуроченном к 75-летию С.Н. Валка⁶²⁵. В дневниках М.В. Нечкиной 11 марта 1964 сделана запись о корректуре статьи для этого сборника⁶²⁶. Первый документ – письмо Р.П. Лаврова, заместителя заведующего Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, к Г.С. Осяпину, главному редактору и заместителю директора издательства «Наука», от 20 марта 1964 г.⁶²⁷. В нем говорилось о необходимости снять три ссылки в статье М.В. Нечкиной на материалы Центрального партийного архива (ЦПА)⁶²⁸. Причины, по которым это необходимо сделать, для каждой ссылки были указаны отдельно. К сожалению, в тексте письма указаны лишь страницы текста, где располагались «нецелесообразные»/бессмысленные ссылки, достаточно сложно определить, поскольку мы не располагаем исходным вариантом статьи. Но данное обстоятельство все же не умаляет значения этого письма. Так, Р.П. Лавров считает, что на странице 7 автор ссылается на документ, который был опубликован в газете. Ссылки на странице 10 – 11 нерелевантны, поскольку в ЦПА хранятся только фотокопии постановлений постановления. Фотокопии, используемые М.В. Нечкиной, ненадежны, поскольку на них нет сделанных Сталиным пометок карандашом к тексту одного из документа. Но именно на эти рукописные примечания ссылается исследовательница. Целесообразность ссылки на странице 17 (речь идет о «"неопубликованной части" письма И.В. Сталина к тт. Алымову и Цветкову») вызывает у цензоров и вовсе сомнение, ведь это письмо уже было опубликовано в статье О.Д. Соколова (в последнем номере 1962 года журнала «Коммунист»). И что из этого следует: М.В. Нечкиной следовало или сослаться на работу О.Д. Соколова, или вовсе обойти вниманием этот сюжет. Весьма интересны комментарии к этому сюжету, сделанные самой исследовательницей. На обороте письма от 27 мая 1964 г. зафиксировано:

⁶²⁵ Об этом упоминается в подстрочнике к публикации статьи. См.: Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском... С. 232.

⁶²⁶ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 450.

⁶²⁷ Р.А. Лавров – Г.С.Осипян // «История в человеке»... С. 129.

⁶²⁸ Там же. С. 129.

«Этот материал я сама дала Олегу Соколову. Он, правда, не спросив моего разрешения, что с его стороны очень нехорошо, опубликовал его кусочек в своей статье. Думаю – к лучшему, иначе «первую публикацию» в сб[орнике] Валка едва ли пропустили бы! Это вообще, м[ожет] б[ыть], «счастливое» стечение обстоятельств»⁶²⁹.

Второй источник под названием «Замечания А.М. Самсонова⁶³⁰ на статью М.В. Нечкиной "Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях 1934 – 1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне вопроса)"»⁶³¹ датирован 26 мая 1964 г. В личном фонде историка сохранился экземпляр с пометками-комментариями, сделанными ею на полях⁶³².

Критика А.М. Самсонова содержала две группы замечаний и уточняющих вопросов. Первая касалась формулировок. В частности, А.М. Самсонов не понял посыла М.В. Нечкиной относительно актуальности научной «реабилитация» Покровского в советской исторической науке. Рецензент усмотрел в этом противоречие с высказанной в той же статье мыслью: «Покровский – это пройденный этап исторической науки». Кроме того, автор «замечаний» недоумевал: «... сейчас готовится издание его сочинений⁶³³. И разве только с целью реабилитации? В последние годы переиздавался Ключевский, завершается переиздание Соловьева. Их-то не надо реабилитировать»⁶³⁴. Таким образом, А.М. Самсонов приравнивает значение этих научных акций, не принимая во внимание, что другие название

⁶²⁹ Р.А. Лавров – Г.С.Осипян // «История в человеке»... С. 130.

⁶³⁰ Александр Михайлович Самсонов (1907 – 1992) – историк, выпускник Ленинградского университета, в 1961–1970 гг. директор издательства «Наука», в 1948 – 1951 и 1970 – 1992 гг. – сотрудник Института истории (Института истории СССР) АН СССР. См. об этом: Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Т.2. Саратов, 2005. С. 293.

⁶³¹ Замечания А.М. Самсонова на статью М.В. Нечкиной «Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях 1934 – 1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне вопроса)» // «История в человеке»... С. 131 – 135.

⁶³² Сложно сказать, когда Милица Васильевна получила этот документ. В личных дневниках историка сохранилась лапидарная запись 15 июля 1964 г.: «Разговор с А.М. Самсоновым». Возможно его предметом как раз и была статья М.В. Нечкиной и замечания к ней А.М. Самсонова. См.: «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 455.

⁶³³ Избранные труды М.Н. Покровского будут изданы в 1965 – 1967 гг.

⁶³⁴ Замечания А.М. Самсонова на статью М.В. Нечкиной «Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне вопроса)» // «История в человеке»... С. 132.

им историки не были мишенями столь широкой идеологической критики, как М.Н. Покровский. С другой стороны, разница трактовок М.В. Нечкиной и А.М. Самсонова объясняется личным опытом и причастностью к описываемым событиям. Напомним, что в отличие от Милицы Васильевны, которая подготовила для «антипокровского двухтомника» две главы («Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского» и «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского»), Александр Михайлович в конце 1930-х г. работал младшим научным сотрудником Музея истории религии и атеизма АН СССР, и, следовательно, в силу возраста и принадлежности к более молодой генерации советских историков был удален от громких «проектов» советской исторической науки.

Следующая группа замечаний была посвящена непосредственно содержанию статьи. Так, А.М. Самсонов подверг сомнению достоверность слов автора о том, что именно в тексте «Информационного сообщения», опубликованного в «Правде», а не в партийно-правительственных постановлениях, была провозглашена «кампания против Покровского». И вот почему. Сообщение напечатано «от имени ЦК партии и СНК», следовательно, оно могло появиться «лишь в результате прямого указания об этом со стороны ЦК»⁶³⁵. Напротив этих строк в тексте Нечкина ответила оппоненту: «Нет, не "от имени"! Почему ЦК?! "Лично тов[арища]. Сталина"! Там вообще не ясно, от чьего имени. Вот архив и открыл, от чьего. От Сталина!»⁶³⁶.

А.М. Самсонов поднял ряд немаловажных и интересных проблем, вытекающих из сделанных М.В. Нечкиной выводов. В частности, «перехлестывания в критике ошибочных взглядов Покровского», «прямые нарушения законности» Милица Васильевна объяснила «искажением текста постановлений»⁶³⁷. А.М. Самсонов посмотрел на это с другой стороны: «искажение цитаты являлось характерной деталью гораздо более сложного

⁶³⁵ Там же. С. 133.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же. С. 132.

явления»⁶³⁸. Но какого именно не уточняет! Возможно, рецензент намекал на умышленное искажение цитат самими историками-участниками критики М.Н. Покровского. Весьма показательна в этом плане сделанная М.В. Нечкиной пометка напротив этого абзаца: «Не обо всем можно писать»⁶³⁹.

Также А.М. Самсонов задал вопрос, почему собственно кампания пошла не по линии преодоления недостатков и ошибок учебников и советской исторической науки (как это следует из текстов постановлений), а персонифицировалась исключительно на фигуре М.Н. Покровского. «Именно это является вопросом по существу главным и глубоко всех волнующим, – отметил рецензент и продолжил – исчерпывающего ответа читатель не получит»⁶⁴⁰. Эта фраза вызвала решительное несогласие у Милицы Васильевны: «Ради бога, почему я должна тут давать «исчерпывающий ответ»⁶⁴¹. По существу, она права, ведь в статье и не планировалось «дать исчерпывающий ответ», ставилась исключительно источниковедческая задача. Отметил А.М. Самсонов и достоинства рецензируемого текста. По его мнению, Нечкина правильно выделила два аспекта идеологической кампании против Покровского: научная («преодоление ошибок» в исторической концепции историка) и политическая стороны («расправа с людьми, неугодными Сталину»).

«Замечания и вопросы» А.М. Самсонова представляют собой неоднозначный документ. С одной стороны, масштаб и качество некоторых замечаний и вопросов, а также излишний акцент на отдельных словах и фразах (это больше относится к «первой группе» замечаний) убеждают читателя в надуманности выявленных рецензентом противоречий в статье М.В. Нечкиной. Правда, с другой, А.М. Самсонов высветил ряд актуальных и интересных исследовательских проблем. Данный документ, полагаем, следует рассматривать как научную критику, призванную «согласиться» с

⁶³⁸ Там же. С. 133.

⁶³⁹ Там же. С. 133.

⁶⁴⁰ Там же. С. 133.

⁶⁴¹ Там же. С. 134.

«официальной» позицией партии не публиковать статью М.В. Нечкиной. А позиция оставалась прежней и была снова отражена в дневниках историка (15 июля 1964 г.): «Ленинградский Главлит не пропускает (в сборник в честь С.Н. Валка) мою статью о М.Н. Покровском»⁶⁴². В этой связи для иллюстрации оценки статьи цензорскими органами сошлемся на докладную записку цензора Семеряковой начальнику Леноблгорлита (23 июня 1964). В ней дается краткое резюме статьи М.В. Нечкиной, сводимое к следующему: «Кампания эта [против М.Н. Покровского – В.Г.] нужна была не столько для борьбы с ошибками Покровского, сколько для расправы с людьми, негодными Сталину»⁶⁴³.

14 марта 1962 года состоялась «историографическая среда», также посвященная М.Н. Покровскому. С докладом «Новые архивные документы о М.Н. Покровском» выступил О.Д. Соколов⁶⁴⁴. Сохранилась стенограмма заседания, но по сложившейся в совете традиции сам доклад не записывался. Доклад вызвал множество вопросов, комментариев, ремарок присутствовавших. В работе «среды» участвовали М.В. Нечкина, М.И. Хейфец, Г.Б. Кизельштейн, Е.Н. Городецкий, М.Е. Найденов, С.О. Шмидт, Г.Д. Алексеева, С.М. Дубровский. Участники заседания единодушно отметили высокий уровень доклада и чрезвычайную актуальность проблемы, а также высказали пожелание, чтобы историки активнее включались в дальнейшую разработку этой темы. Например, С.М. Дубровский подчеркнул, что «реабилитация» Покровского вовсе не означает «повторение» его исторической концепции, скорее речь идет о «возврате к таким положениям, которые важны для восстановления ленинского принципа в области истории»⁶⁴⁵.

Большинство участников «историографической среды» интересовались сюжетами, так или иначе иллюстрировавшими отношение власти к М.Н.

⁶⁴² «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 455.

⁶⁴³ Докладная записка цензора Семеряковой начальнику Леноблгорлита // «История в человеке»... С. 135.

⁶⁴⁴ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Докл. О.Д. Соколова «Новые архивные материалы о Покровском» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 37.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 49.

Покровскому в последние годы его жизни. В частности, М.И. Хейфиц задал вопрос о реакции тяжело больного Покровского на статью И.В. Сталина в журнале «Пролетарская революция»⁶⁴⁶. О.Д. Соколов ограничился воспоминаниями сына М.Н. Покровского, который ему в личной беседе рассказал, что «он [М.Н. Покровский – В.Г.] все время находился в состоянии ожидания – вот- вот начнется широкая кампания, вот-вот его начнут травить, каждую газету он смотрел со страхом»⁶⁴⁷. Или, скажем, просьба Г.Б. Кизельштейна подробнее осветить выступление М.Н. Покровского на 10-летнем юбилее Института Красной профессуры⁶⁴⁸. Докладчик поведал весьма любопытную историю: Михаил Николаевич, будучи уже очень больным человеком, выступал с торжественной речью на юбилее ИКП. Его речь уже завершалась, когда ему принесли записку с просьбой «затянуть» выступление, поскольку Л.М. Каганович опаздывает. М.Н. Покровскому ничего не оставалось – пришлось «импровизировать, и когда Каганович приехал и выступил, то Покровский упал в обморок, ему вспрыскивали камфору, он находился в очень тяжелом состоянии»⁶⁴⁹. Саму же речь Л.М. Кагановича О.Д. Соколов трактовал как «антипокровскую», с чем согласился свидетель событий С.М. Дубровский. Последний отмечал, что у И.В. Сталина до 1930 г. не было никакой «своей» оценки творчества Покровского, поскольку с трудами историка он не был знаком. В этой связи С.М. Дубровский сказал: «Когда я обращался по некоторым вопросам, то мне откровенно говорили, что с концепциями Покровского он не знаком»⁶⁵⁰.

Нередко выступавшие апеллировали либо к собственным воспоминаниям, либо к воспоминаниям очевидцев. Например, в заключительном слове председатель заседания – М.В. Нечкина – обратилась

⁶⁴⁶ Продолжая заявленное в докладах на «историографических средах» изучение темы, М.В. Нечкина в апреле 1963 г. на семинаре по историографии для преподавателей высшей школы выступила с сообщением «на тему о письме Сталина в редакцию "Пролетарской революции"». См.: «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 437.

⁶⁴⁷ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Докл. О.Д. Соколова «Новые архивные материалы о Покровском» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 37. Л.9

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 11 - 12.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 35.

к современникам исследуемых событий с призывом сохранить «в памяти все обстоятельства времени», написать мемуары⁶⁵¹. Сама же историк делилась с докладчиком материалами личного архива. В ее дневниках мы находим запись, сделанную в 1962 г.: «К вопросу о Покровском. Найти мой ответ Арт[емию] Халатову о том письме М.Н. Покровского⁶⁵². Снять копии –и одну отдать О.Д. Соколову. Нашла! Но не все!»⁶⁵³.

Весьма интересный эпизод произошел в кулуарах «среды» 14 марта⁶⁵⁴. К О.Д. Соколову подошел А.Л. Сидоров и сказал: «Я от двухтомника отказываюсь. Считаю, что он не нужен!»⁶⁵⁵. Историк изменил не только свое отношение к сборнику, изменил он и оценку деятельности и творчества М.Н. Покровского. Так, в опубликованных на страницах «Истории СССР» воспоминаниях А.Л. Сидоров отметил преподавательский талант старшего коллеги-учителя, подчеркнув, что он «обладал способностью говорить просто и ярко», «никому не навязывал своей точки зрения», «призывал <...> учиться у буржуазных историков технике и методике научного исследования»⁶⁵⁶. Приведенные примеры подчеркивают не только научную, но и личную заинтересованность представителей сообщества в «реабилитации» Покровского.

Еще одна особенность состоявшейся встречи – пристальное внимание участников заседания к источниковедческому аспекту темы, к новым архивным материалам. Так, Е.А. Луцкий довольно подробно рассказал о

⁶⁵¹ Там же. Л. 68.

⁶⁵² По всей видимости, речь идет об эпистолярном свидетельстве ссоры М.В. Нечкиной и М.Н. Покровского из-за опубликованных в 1931 г. «Записок декабриста Н.И. Лорера». В письме 23 февраля 1932 г. А.Б. Халатову – председателю правления ОГИЗ РСФСР – М.В. Нечкина излагает свою версию событий подготовки и публикации источника, отличную от версии М.Н. Покровского. См. об этом: Курпатова Е.В., Чернобаев А.А. Как "Записки декабриста Лорера" поссорили М. Н. Покровского и М. В. Нечкину: Февраль - март 1932 г. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 38 – 53.

⁶⁵³ «...И мучилась, и работала невероятно»... С. 432.

⁶⁵⁴ Об этом случае О.Д. Соколов рассказал на защите своей докторской диссертации «Исторические взгляды М.Н. Покровского и его место в советской историографии», которая состоялась 16 января 1970 г. в Академии общественных наук.

⁶⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. Л. 25.

⁶⁵⁶ Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118 – 138.

сохранившихся архивных коллекциях М.Н. Покровского⁶⁵⁷. С.М. Дубровский обратился к О.Д. Соколову с просьбой найти «последнее» письмо М.Н. Покровского к И.В. Сталину, переданное через Г.Г. Ягоду. Эпистолярный источник важен, по мнению историка, поскольку он «фигурировал в качестве доказательства борьбы [М.Н. Покровского – В.Г.] против линии Центрального Комитета»⁶⁵⁸.

На этапе подготовки доклада М.В. Нечкина консультировала О.Д. Соколова. В личном архиве академика сохранилось письмо младшему коллеге, датированное 20 / 21 января 1962 г.⁶⁵⁹. «На вычитку» Милице Васильевне было прислана две работы – текст упоминавшегося доклада и статья об исторических взглядах М.Н. Покровского (будет опубликована в 1962 г. в журнале «Коммунист»). Адресант одобрила выбор темы, но подчеркнула, что проблема «труднейшая» и потому «требует огромной предварительной исследовательской работы, причем именно о Покровском-историке, а не о политике»⁶⁶⁰. О.Д. Соколов, по мнению М.В. Нечкиной, пока не уяснил «некоторых вопросов», в частности, такого актуального аспекта советской гуманитаристики 1960-х г., как влияние В.И. Ленина на историка. Возражение Нечкиной вызвала трактовка критики М.Н. Покровского исключительно как идеологической "травли". Вот что она по этому поводу отметила: «все получается очень упрощено», поскольку «снимает вопрос об ошибках Покровского, заменяя их абстрактной формулой», а значит, и нивелирует «значение постановлений партии и правительства 1934 – 1938 гг. о преподавании истории»⁶⁶¹. Напомним, что, когда писалось это письмо, Милица Васильевна активно изучала эти постановления.

М.В. Нечкина в письме отметила уязвимые места доклада, указав на недостаточную аргументированность ряда тезисов. Но ее позиция

⁶⁵⁷ Стенограмма заседания группы истории исторической науки. Докл. О.Д. Соколова «Новые архивные материалы о Покровском» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 37. Л. 19 – 27.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 39.

⁶⁵⁹ М.В. Нечкина – О.Д. Соколову // «История в человеке»... С. 123 – 126.

⁶⁶⁰ Там же. С. 123.

⁶⁶¹ Там же. С. 125.

относительно изучения наследия М.Н. Покровского однозначная – исключительно научный подход и никакого упрощения и эйфории. И как следствие, дружеский совет младшему коллеге: «...надо много осторожнее поступать с архивными текстами, касающимися ныне живых и действующих людей. А Вы пишете о Дубровском, Минце, Островитянове так, как будто эти люди не существуют... Так нельзя!»⁶⁶². Видимо, это пожелание все же было услышано, по крайней мере, судя по текстам опубликованных в эти годы работ О.Д. Соколова, в которых он обтекаемо, без отсылки к конкретным авторам говорит о «перегибах» и «огульных обвинениях» в адрес М.Н. Покровского, по положительным откликам на его доклад, а впоследствии (в 1970 г.) и на докторскую диссертацию со стороны авторов «антипокровского двухтомника» – С.М. Дубровского, И.И. Минца, Е.А. Луцкого, А.Л. Сидорова и др.⁶⁶³.

Упомянутая в письме статья О.Д. Соколова вышла в четвертом номере «Коммуниста» за 1962 г.⁶⁶⁴. Эта работа посвящена историческим взглядам ученого. В статье рассмотрена не столько эволюция исторической концепции историка, сколько положительная оценка В.И. Ленина научных и организаторских талантов М.Н. Покровского. В следующей статье (1963 год) О.Д. Соколов продолжил эту линию и посвятил исследование непосредственно отношению В.И. Ленина к М.Н. Покровскому, начиная с 1905 г. и вплоть до смерти «вождя» (1924 г.)⁶⁶⁵. Автор привлек широкий корпус источников, в том числе новых архивных документов. Однако О.Д. Соколов свел приверженность историка марксистско-ленинским постулатам к личным симпатиям вождя. И, в том числе, таким способом он доказал беспочвенность ряда обвинений, предъявляемых ученому в 1930 – 1940-е гг.

Апогеем почти десятилетних исследований историка творчества М.Н. Покровского стала докторская диссертация. 16 января 1970 г. в АОН

⁶⁶² Там же. С. 125.

⁶⁶³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. Л. 1 – 68.

⁶⁶⁴ Соколов О.Д. Об исторических взглядах... С. 69 – 79.

⁶⁶⁵ Соколов О.Д. В.И. Ленин и формирование... С. 30 – 41.

состоялась защита диссертации О.Д. Соколова «Исторические взгляды М.Н. Покровского и его место в советской историографии»⁶⁶⁶. Официальные оппоненты – И.И. Минц, И.Д. Ковальченко, С.С. Волк – единогласно отметили высокий уровень исследования⁶⁶⁷.

Весьма оживленное действие, развернулось в прениях. Первым взял слово философ Е.Г. Глезерман, он попросил диссертанта определить «свою позицию», нужна ли была критика концепции Покровского» в конце 1930-х гг.⁶⁶⁸. Свою позицию О.Д. Соколов обозначил так: «...критиковать недостатки и ошибки исторической концепции Покровского было необходимо, но в этом деле были допущены серьезные издержки»⁶⁶⁹. И далее продолжил: «Когда в моих руках оказался архив издания этого двухтомника, было установлено, что редакторы этого двухтомника, в частности сам Сидоров, допустили некоторые искажения мыслей, высказанных в статьях авторов сборников <...>. Редактирование было произведено довольно произвольно: вводились целые абзацы, вычеркивались отдельные положения»⁶⁷⁰. Достоверность слов подтвердила слышавшая этот разговор в 1962 г. М.В. Нечкина, выкрикнув с места: «Да это было так!»⁶⁷¹. После профессора Е.Г. Глезермана слово взял аспирант МГУ В.В. Нардин (в 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Историческая концепция М.Н. Покровского»). Молодой ученый сделал много замечаний О.Д. Соколову, среди которых недостаточный и поверхностный анализ научных работ Михаила Николаевича, игнорирование связей с современной ему историографией и экономическими учениями. Это обстоятельство, по мысли аспиранта, привело к тому, что «Покровский появляется у Соколова как

⁶⁶⁶ В диссертационной речи О.Д. Соколов очертил круг решаемых в исследовании задач: 1) «изучить формирование мировоззрения М.Н. Покровского»; 2) «проследить его путь в Коммунистическую партию», 3) «раскрыть благотворное влияние В.И. Ленина на жизнь и творчество ученого-большевика», 4) «исследовать формирование и развитие его исторических взглядов», 5) «определить его вклад в марксистскую историческую науку», 6) «основные направления борьбы против буржуазной и ревизионистской историографии», 7) «значение деятельности М.Н. Покровского как организатора высшей школы и научно-исследовательской работы в стране» // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. Л. 5.

⁶⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. Л. 19 – 20.

⁶⁶⁸ Там же. Л. 21.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 22.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 25.

⁶⁷¹ Там же. Л. 25.

Георгий Победоносец, нанося удары змею буржуазной историографии, и создается впечатление, что автор обходит сюжет о том, что этот змей все-таки успешно соблазнил-таки Покровского»⁶⁷².

Выступление В.В. Нардина вызвало большой резонанс среди присутствовавших на защите. Так, Г.А. Трукман поделился с собравшимися своими размышлениями на тему, можно ли на уровне кандидатской диссертации заниматься изучением историографических проблем. Благодаря выступлению аспиранта МГУ историк окончательно определился: все же это удел докторской диссертации⁶⁷³. По мнению Г.А. Трукмана, молодой исследователь, не успевший «внести сколько-нибудь заметный вклад в историю, в разработку конкретной проблемы», не способен увидеть «то, что увидели официальные оппоненты, известные в нашей стране и за ее рубежами историки»⁶⁷⁴. Кроме того, выступавший отметил, что «трудно писать о Покровском, так как о нем писали много и по-разному», но диссертант «избрал единственно правильный путь», оттолкнувшись в своих научных изысканиях от архивных источников⁶⁷⁵.

Отвечая на замечания В.В. Нардина, О.Д. Соколов подчеркнул голословность его обвинений, к тому же не познакомившегося с текстом работы⁶⁷⁶. Несмотря на это он поддержал молодого коллегу, сказав, что тот недавно начал работать, поэтому еще не до конца разобрался в теме, в частности, в таком ее аспекте как отличие «торгового капитала» от «капитализма» в концепции М.Н. Покровского.

Попытку переосмысления научного творчества историка предпринял один из авторов издания «Против исторической концепции М.Н. Покровского» – Е.А. Луцкий. В третьем номере «Истории СССР» планировалось опубликовать его статью о М.Н. Покровском. Но напечатана была совершенно другая работа, принадлежавшая перу профессора МГУ –

⁶⁷² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 744. Л. 33.

⁶⁷³ Там же. Л. 50 – 51.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 57.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 62 – 63.

М.Е. Найденова. Что же произошло? Почему произошла замена? Причина, по всей видимости, коренится во внутренних разногласиях научного сообщества. В параграфе, посвященном дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, приводились выдержки из дневника М.В. Нечкиной, где историк отметила противостояние со стороны некоторых членов редколлегии «Истории СССР» по вопросу «реабилитации М.Н. Покровского»⁶⁷⁷. Скорее всего, следует говорить о двух группировках, каждая из которых опиралась на конкретное исследование о М.Н. Покровском. Первая во главе с М.В. Нечкиной отстаивала статью Е.А. Луцкого, вторая под началом ответственного редактора, В.Д. Мочалова⁶⁷⁸ – статью М.Е. Найденова. Чем закончилось столкновение нам уже известно. Однако «победа» была одержана в результате «переворота». Так, в дневниках историка упоминается, что В.Д. Мочалов «собрал» заседание редакции «Истории СССР» 18 апреля 1962 г., не объявив, что будет рассматриваться вопрос о публикации статьи Е.А. Луцкого. Присутствовать в этот день Милица Васильевна не могла – у нее было назначено заседание группы по истории революционного движения в Институте истории АН СССР. Возмутило М.В. Нечкину и заявление В.Д. Мочалова, что «в руководящих инстанциях (анонимно!) дана команда Луцкого не печатать, т[ак] к[ак] он хуже всех травил Покр[овского]»⁶⁷⁹. Напомним, что Милица Васильевна входила в редколлегию журнала «История СССР», и очевидно, что ответственный редактор был в курсе относительно планов историка на этот день, так как среда уже стала днем заседаний группы по изучению революционной ситуации и группы по историографии. Такое поведение ответственного редактора Милица Васильевна объясняла желанием В.Д. Мочалова «насилуя волю редколлегии печатать Найденова»⁶⁸⁰.

⁶⁷⁷ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 430.

⁶⁷⁸ Василий Дмитриевич Мочалов (1902 – 1970) – в конце 1940-х гг. был секретарем партийной ячейки Института истории АН СССР.

⁶⁷⁹ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 430.

⁶⁸⁰ «...И мучилась, и работала невероятно»...С. 430.

М.В. Нечкина пыталась противостоять этому желанию. Сразу же после заседания она связалась с Н.Н. Софинским, руководителем Отдела науки и учебных заведений в ЦК КПСС, который сказал, что ничего не говорил о запрете печатать статью Е.А. Луцкого. Несколько дней спустя скандал вышел за пределы научного сообщества. 27 апреля М.В. Нечкина обратилась к члену Политбюро ЦК КПСС М.А. Сулову. В этом письме историк указала, что из очередного номера журнала «История СССР» была изъята статья Е.А. Луцкого, так как сверху «даны указания не пропускать в печать статьи тех историков, которые в свое время принимали участие в критике М.Н. Покровского»⁶⁸¹. Действительно, Е.А. Луцкий критиковал М.Н. Покровского – им была подготовлена глава «Извращение М. Н. Покровским истории интервенции и гражданской войны в СССР (1918–1920)» в сборнике «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (1940). «В новой статье – продолжает Милица Васильевна, – он сожалел о случившемся и исправлял ошибки»⁶⁸².

В личном архиве М.В. Нечкиной ответ М.А. Сулова на это письмо не сохранился, поэтому мы не можем утверждать, подтвердил или опроверг он реальность существования директивы относительно статьи Е.А. Луцкого. Неизвестно, нам был ли собственно ответ на запрос. Но если принять во внимание события двухмесячной давности, когда фактически запретили М.В. Нечкиной публиковать статью о постановлениях, то с большей долей вероятности и сейчас обращение также не возымело успеха. Статья Е.А. Луцкого была опубликована только в 1965 году в сборнике «История и историки», главным редактором которого была М.В. Нечкина. Правда, вариант 1965 года отличался от запланированного к печати в 1962 г. В частности, из письма Луцкого к М.В. Нечкиной в июне 1962 г. известно, что по ее совету он внес изменения в статью, сделав акцент на развитии

⁶⁸¹ М.В. Нечкина – М.А. Сулову // «История в человеке»... С. 369 – 370.

⁶⁸² Там же. С. 131

исторической концепции ученого в периоды «от 1905г. к 1907 –1910гг. и особенно за 1927 – 1931 гг.»⁶⁸³.

Итак, мы видим, что у В.Д. Мочалова наличествовал мотив не печатать Е. А.Луцкого и интерес опубликовать М.Е. Найденова. Зачем ему это было нужно? Если это диктовалось распоряжением сверху по поводу Е.А. Луцкого, тогда работа М.Е. Найденова – не что иное, как простая замена уже сверстанной статьи. В этом случае заседание редколлегии в обход М.В. Нечкиной можно рассматривать как способ уйти от открытого противостояния, скандала. А он все равно состоялся?! А если Ответственным редактором руководил в первую очередь интерес опубликовать именно М.Е. Найденова, тогда мы можем говорить о наличии глубинных внутренних противоречий научного сообщества, касающихся подхода к оценке научного наследия М.Н. Покровского.

Обратимся к текстам публикаций⁶⁸⁴. Авторы демонстрируют не только разный подход к «реабилитации», но и разное понимание сущности этого процесса. М.Е. Найденов, напомним, – сторонник экстерналистского подхода – в центре своего исследования поставил проблему соответствия взглядов М.Н. Покровского воззрениям В.И. Ленина. Выходит, что реабилитировать «первого советского историка» означает оправдать, почему в его работах нет ссылок на Ленина как на «величайшего историка-марксиста»⁶⁸⁵. Заслугами М.Н. Покровского, по мнению автора, является создание хоть и неверной, но первой марксистской истории России, организацию советского науки, участие в подготовке кадров марксистских историков и т.д.

В своих дневниках М.В. Нечкина назвала эту статью «плохой». На наш взгляд, такая оценка могла быть вызвана, в том числе и следующим. М.Е. Найденов упоминает о документах партии 1936–1938 гг., в которых якобы не просто упоминалось имя М.Н. Покровского, но и его ошибки признавались

⁶⁸³ Е.А. Луцкий – М.В. Нечкина // «История в человеке»... С. 131.

⁶⁸⁴ Найденов М.Е. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 48 – 71; Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки: историография истории СССР. М. 1965. С. 334 – 370.

⁶⁸⁵ Найденов М.Е. М.Н. Покровский и его место... С. 65.

«антимарксистскими и антиленинскими»⁶⁸⁶. Приведенный фрагмент противоречил архивным открытиям М.В. Нечкиной.

Историк считала, что публикация М.Е. Найденова сильно уступала исследованию Е.А. Луцкого, который подверг анализу развитие исторических взглядов Михаила Николаевича. Для этого им был привлечен широкий круг архивных источников: работы М.Н. Покровского, стенограммы и протоколы заседаний и выступлений историка. В статье представлен историографический обзор темы, но почему-то без указания публикации М.Е. Найденова. Также данный раздел содержит сожаления Е.А. Луцкого о своей резкой критике в «антипокровском» сборнике следующими словами: «с тяжелым чувством автор настоящей статьи вспоминает сейчас об этом сборнике»⁶⁸⁷. Кстати, у М.Е. Найденова историографический обзор ограничен парой строк с перечислением фамилий исследователей и общим выводом о недостаточной изученности темы. Источниковая база статьи представлена исключительно опубликованными трудами М.Н. Покровского («Русская история с древнейших времен», «О значении революции 1905 г.», «Историческая наука и борьба классов» и др.).

Е.А. Луцкому удалось проследить изменения исторических взглядов М.Н. Покровского. Он отметил, что в ответ на критику своей концепции историк в конце своей жизни приступил к «работе над ошибками». То есть исследователь фиксирует динамику исторических взглядов М.Н. Покровского. В основе данной работы лежат интерналистские представления о развитии науки, именно поэтому Е.А. Луцкий обошел вниманием политические процессы, даже проблема соответствия ленинским взглядам прозвучала сдержанно и лаконично.

Итак, авторы рассмотренных статей презентуют два разных подхода к пониманию развития науки, и соответственно, и к пониманию «реабилитации» М.Н. Покровского: интерналистский и экстерналистский.

⁶⁸⁶ Там же. С. 70.

⁶⁸⁷ Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции... С. 337.

Е.А. Луцкий стремился оценить наследие М.Н. Покровского с точки зрения развития научных взглядов историка и науки в целом. М.Е. Найденов же без конца апеллирует к решениям последних съездов о разоблачении «культы личности».

В том же 1962 г. в «Вопросах истории» была опубликована статья С.М. Дубровского о М.Н. Покровском⁶⁸⁸. Внимание историка сосредоточено на проблеме: «роль и место академика М.Н. Покровского в становлении и развитии советской исторической науки»⁶⁸⁹. При этом изложение материала начинается с довольно подробного перечисления основных работ ученого и экскурса в контекст их появления. Далее С.М. Дубровский сделал акцент на изучении М.Н. Покровским конкретных проблем отечественной истории. В частности, речь шла о развенчивании мифов, порожденных монархической и дворянско-буржуазной историографией, о вопросе «феодализма в Древней Руси» и «торговом капитале», о критике работ «враждебных» марксизму историков и др. Автор, наметив узловые пункты изучения творческого наследия Покровского, безапелляционно сделал вывод о положительной роли ученого в истории советской исторической науки, несмотря на ряд методологических ошибок его концепции. По мнению исследователя, эти ошибки «отнюдь не давали оснований вычеркивать его имя из науки»⁶⁹⁰. И в качестве «прививки» от незаслуженного забвения в анналах истории исторической науки С.М. Дубровский предложил подходить к наследию предшественников исторически – «с учетом уровня развития научной исторической мысли, конкретных задач и особенностей той эпохи, в которую они жили и творили, когда складывались и развивались их взгляды»⁶⁹¹.

Судить о том, как была воспринята эта статья в ученом сообществе, можно, в том числе, и по материалам ее обсуждения на расширенном заседании редколлегии журнала 29 декабря 1961 г. Фрагменты этого

⁶⁸⁸ Дубровский С.М. Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 3 – 31.

⁶⁸⁹ Там же. С. 4

⁶⁹⁰ Там же. С. 31.

⁶⁹¹ Там же. С. 31.

обсуждения опубликованы в «Вопросах истории»⁶⁹². В заседании приняли участие сотрудники Института истории АН СССР: И.И. Минц, М.П. Ким, А.Л. Сидоров, Л.В. Черепнин, В.П. Данилов, Г.Н. Голиков и др.; профессора МГУ: А.В. Фадеев, А.М. Сахаров и др. Внимание присутствовавших было сфокусировано на проблемах роли М.Н. Покровского в развитии советской исторической науки и оценки критики его творческого наследия.

К важнейшим заслугам ученого, по мнению И.И. Минца, следует отнести «борьбу с буржуазной историографией», «большую организаторскую работу на историческом фронте»⁶⁹³. Также исследователь согласился с С.М. Дубровским и призвал применять метод историзма при изучении научных трудов. Этот метод, по его словам, заключался в том, чтобы не предъявлять историку «требований с точки зрения современного уровня развития науки», а «анализировать под углом зрения конкретных условия, в которых жил и работал М.Н. Покровский»⁶⁹⁴. Подход И.И. Минца поддержали и другие участники заседания. В частности, Л.В. Черепнин напомнил коллегам, что утрата принципа историзма – «один из главных недостатков, имевший ранее место в исторических исследованиях»⁶⁹⁵. Историк обратил внимание и на условия, в которых создавались исторические труды М.Н. Покровского в последние годы: они «вырастали из стенограмм и повторяли стенографические неточности»⁶⁹⁶. Последнее ставит под сомнение точность воспроизведения мыслей и воззрений ученого. В качестве примера выступавший привел известную фразу, «инкриминировавшуюся в период культа личности как один из главных методологических пороков мировоззрения» М.Н. Покровскому: «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Вместе с тем, заметил Л.В. Черепнин, в трудах ученого этой формулировки обнаружить не удалось.

⁶⁹² Обсуждение статьи С.М. Дубровского «Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки» Вопросы истории. 1962. № 3. С. 31 – 40.

⁶⁹³ Там же. С. 32.

⁶⁹⁴ Там же. С. 32.

⁶⁹⁵ Там же. С. 33.

⁶⁹⁶ Там же. С. 37.

Были близкие по звучанию варианты, но с иным смысловым оттенком: 1) «история – это объяснительная глава к политике. И в этом связь в истории теории с практикой» и 2) история – «это политика прошлого».

Участники обсуждения также обратили внимание и на используемый С.М. Дубровским термин – «школа Покровского». И.И. Минц отметил, что используя данную дефиницию, следует учитывать и тот факт, что в 1920-е г. революционно настроенная молодежь сплотилась вокруг историка, правда, эти отношения складывались по-разному. В частности, выступавший указал, что ряд учеников «высказывали критические замечания в адрес М.Н. Покровского»⁶⁹⁷, в то время как другая группа последователей свято верила в незыблемость исторических взглядов учителя, что вселяло в него уверенность в «непогрешимость» результатов своих научных исследований. Аналогичную мысль в своем выступлении высказал М.П. Ким, добавив, что эта проблема нуждается в отдельном изучении специалистами⁶⁹⁸.

Присутствовавшие на обсуждении статьи историки отметили и разработанность М.Н. Покровским тех или иных сюжетов отечественной истории. Так, Л.В. Черепнин указал: серьезной ошибкой в исторической концепции ученого была периодизация истории революционного движения в России, легшая в основу «Очерков по истории революционного движения XIX и XX вв. в России»⁶⁹⁹. А.В. Фадеев подчеркнул, что М.Н. Покровскому первому удалось связать внешнюю политику с внутренним развитием страны, с классовой борьбой, зачастую преувеличивая роль торгового капитала в этом вопросе. Выступавший проиллюстрировал свой тезис примером: Михаил Николаевич считал внешнюю политику на протяжении многих веков исключительно «борьбой за торговые пути»⁷⁰⁰.

Участники заседания поддержали мысль С.М. Дубровского о том, что научное наследие М.Н. Покровского – «вчерашний день» и никакой

⁶⁹⁷ Там же. С. 33

⁶⁹⁸ Там же. С. 35.

⁶⁹⁹ Там же. С. 39

⁷⁰⁰ Там же. С. 39.

ценности, кроме историографической (в понимании «кладовой» не востребуемых ныне концепций и идей), не имеет.

Анализ опубликованного обзора обсуждения статьи позволяет заключить, что работа С.М. Дубровского была принята сообществом «на ура» – в своих выступлениях историки отходили от заданного формата, дополняя материал новыми мыслями и данными, расширяя таким образом очерченное автором статьи исследовательское поле. Пожалуй, только А.Л. Нарочницкий и А.И. Левковский высказали критические замечания, согласно которым следовало «более четко»/«более рельефно» показать становление М.Н. Покровского как историка и развитие его взглядов⁷⁰¹.

Историографические изыскания С.М. Дубровского не ограничились данной статьей. В конце 1960-х гг. им была подготовлена рукопись монографии «Академик М.Н. Покровский – выдающийся историк, общественно-политический и государственный деятель (К столетию со дня рождения) (1868 – 1932)», которая так и не была опубликована⁷⁰². Почему приуроченная к столетию монография о Покровском так и осталось скромно свидетельствовать о трудах автора в его архивной коллекции?

Первоначально работа была включена в план научных исследований Института истории по проблеме «История исторической науки» на 1963 г.⁷⁰³. Но как следует из письма автора в научный совет по историографии (27 октября 1968 г.), план сорвался из-за тяжелого физического недуга

⁷⁰¹ Там же. С. 38

⁷⁰² Современный российский исследователь – В.Г. Бухерт – обнаружил текст работы в личном фонде С.М. Дубровского (ОР РНБ. Ф. 797). Известно, что монография насчитывает 269 машинописных страниц и состоит из 12 глав: «I. К вопросу о предпосылках развития в нашей традиции не марксистского понимания истории; II. Из отзывов В.И. Ленина и партии о М.Н. Покровском; III. Начало жизненного пути М.Н. Покровского; IV. Вступление М.Н. Покровского в партию коммунистов-большевиков и участи в революции 1905 – 1907 гг.; V. Межреволюционный период; VI. Октябрьская революция и советский период; VII. Литературное наследие М.Н. Покровского. Его научная и прочая продукция; VIII. Критика работ М.Н. Покровского; IX. Вопрос о школе Покровского; X. Последние месяцы жизни М.Н. Покровского. Его кончина. Посмертные оклеветание и проработка; XI. Историческая наука в СССР с конца 30-х гг. до начала 50-х гг.; XII. Значение для историков XX и XXII съездов партии». Цит. по: Бухерт В.Г. «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес». Неизданная монография С.М. Дубровского о М.Н. Покровском. 1968 – 1969 // Исторический архив. 2018. № 3. С. 113.

⁷⁰³ С.М. Дубровский - Научному совету «История исторической науки» Отделения истории АН СССР // Бухерт В.Г. «В целом труд С.М. Дубровского...» представляет несомненный интерес... С. 114.

исследователя и его чрезмерной загруженности в секторе капитализма⁷⁰⁴. В том же письме С.М. Дубровский выразил надежду, что работа «не потеряла своего значения», и поэтому направил рукопись в совет для ознакомления. Научный совет отправил работу для научного рецензирования специалисту по М.Н. Покровскому – О.Д. Соколову. 3 июня 1969 г. О.Д. Соколов написал директору Института истории СССР АН СССР Б.А. Рыбакову: «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес: автор – не только крупный ученый, автор многочисленный широко известных работ; он также живой свидетель тех событий, о которых пишет в рукописи. Естественно, что его работа – это не только исследование, но и мемуары представителя первого поколения советских историков»⁷⁰⁵. Рецензент рекомендовал рукопись к публикации при условии авторской работы и редактирования.

Весьма любопытно, что эта работа предназначалась для публикации в научно-популярной серии. В конце октября 1969 г. заведующий редакцией научно-популярной серии издательства «Наука» В.К. Низовский в письме к С.М. Дубровскому сообщал, что, несмотря на большой интерес к фигуре М.Н. Покровского, рукопись не может быть опубликована у них, поскольку она является сугубо научным исследованием и «не вполне соответствует профилю серии научно-популярной литературы, которая рассчитана на широкие круги читателей»⁷⁰⁶. На этом история обрывается – неизвестно, согласился ли автор переработать текст, предпринял ли попытки отправить материал в научную редакцию издательства «Наука». Эти вопросы так и остаются открытыми. Времени для маневров, продвижения книги в печать у С.М. Дубровского оставалось не так много – 19 октября 1970 г. он скончался.

Между тем столетний юбилей М.Н. Покровского в научном сообществе был отмечен лишь статьей А.И. Гуковского⁷⁰⁷. На основе большого корпуса

⁷⁰⁴ Видимо речь идет об изданном после кончины историка труде: Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.

⁷⁰⁵ О.Д. Соколов – Б.А. Рыбакову // Бухерт В.Г. «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес»... С. 115.

⁷⁰⁶ В.К. Низовский – С.М. Дубровский // Там же. С. 115 – 116.

⁷⁰⁷ Гуковский А.И. Как создавалась «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского (К 100-летию со дня рождения М.Н. Покровского) // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 122 – 132; № 9. С. 130 – 142.

архивных источников автор в мельчайших деталях осветил сюжет создания «Русской истории с древнейших времен». Повествование начинается с 1908 г. Именно тогда М.Н. Покровский договорился с издательством «Мир» о написании в марксистском духе книги по русской истории. Издатели замыслили труд, который можно было бы противопоставить «Курсу русской истории» В.О. Ключевского и «Очеркам истории русской культуры» П.Н. Милюкова, и именно поэтому обратились к М.Н. Покровскому. А.И. Гуковский воссоздал эпистолярный диалог М.Н. Покровского и представителей издательства. Переговоры шли долго и напряженно – обсуждались содержание будущей книги, авторы, которых планировалось привлечь, сроки сдачи материала, размер гонорара и др. Автор указал и на непростые условия, в которых приходилось М.Н. Покровскому работать. Это и неизбежный в условиях эмиграции отрыв от источников и литературы, срыв сроков соавторами и сложность «собрать» текст воедино, происки «царской» полиции и наложение цензуры на некоторые выпуски «Русской истории» и др. Вообще текст А.И. Гуковского отличается логической стройностью и насыщенной фактурой. Любопытно, что автор не дает каких-либо оценочных суждений деятельности и личности М.Н. Покровского.

«Юбилейную» публикацию подготовил С.М. Дубровский. В августе 1968 г. он отправил отгиск статьи «Академик М.Н. Покровский – выдающийся историк, общественно-политический и государственный деятель (к столетию со дня рождения)» сначала в редакцию «Известий», а затем – «Литературной газеты». В обоих случаях получил ответ: «публикация не представляется возможной»⁷⁰⁸. «Известия» мотивировали свой отказ чрезмерной загруженностью газеты материалами о текущих внутри и внешнеполитических событиях. Редакция «Литературной газеты» объяснила свой отказ тем, что издание в принципе не публикует работы юбилейного плана. Так что же из себя представляла работа С.М.

⁷⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 797. Карт. 12. Ед. хр.13. Л. 11.

Дубровского? По существу речь идет о краткой справке научно-организационной деятельности историка. С.М. Дубровский перечислил заслуги ученого для развития советской исторической науки: организация научных и образовательных учреждений (ГУС, ИКП, Центрархив, РАНИОН, Коммунистической академии и др.), изучение истории России «с марксистских позиций», критика буржуазных историков⁷⁰⁹. Не лишено творчество М.Н. Покровского, по мнению автора, и недостатков, причину которых он связал со «злоупотреблением абстрактным социологизированием» исторического материала⁷¹⁰. Отвечая на вопрос, почему критика ученого в конце 1920-х гг. не возымела успех (напомним, у О.Д. Соколова иная версия: М.Н. Покровский приступил к исправлению «ошибок», но не успел – умер), С.М. Дубровский, как и в работе 1962 г., подчеркнул регрессивную роль его окружения/ «школы», ставшего на «путь зажима критики и самокритики». Заметим, что в рукописи монографии Сергей Митрофанович, видимо, по этическим соображениям не назвал имена представителей «школы Покровского». Исключение было сделано лишь для П.О. Горина⁷¹¹. Завершил юбилейную статью С.М. Дубровский размышлениями о наступлении благоприятного периода для изучения творчества М.Н. Покровского после XX и XXII съездов КПСС. Однако этот пассаж уже не вписывался в общественно-политический дискурс конца 1960-х г, когда либеральные тенденции пошли на спад и подобного рода отсылки уже были политически неактуальными.

Во второй половине 1960-х гг. немало было сделано в деле публикации научного наследия М.Н.Покровского: в 1965 – 1967 гг. в свет вышел многотомник «Избранные произведения». В него были включены наиболее известные труды историка – «Русская история с древнейших времен», «Русская история в самом сжатом очерке» и др.. В составлении/

⁷⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 797. Карт. 12. Ед. хр.13. Л. 3 – 5.

⁷¹⁰ Там же. Л. 7.

⁷¹¹ С.М. Дубровский дает неллицеприятную характеристику П.О.Горину: «про таких людей говорят, что при большой услужливости, они бывают опаснее действительных врагов» // ОР РГБ. Ф. 797. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 203.

редактировании томов принимали участия О.Д. Соколов (подготовивший к тому же и вводную статью «Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского»), М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и др. ученые.

Таким образом, в 1960-е г. интерес советских ученых к фигуре М.Н. Покровского достиг небывалого масштаба. В конце концов имя историка заняло свое место в «историографическом пантеоне». Подтверждением тому служат публикация избранных трудов ученого⁷¹², изучение его творчества на уровне кандидатских и докторских диссертаций⁷¹³, публикация статей и монографий⁷¹⁴.

«Реабилитация» М.Н. Покровского осуществлялась научными методами. Это подтверждается отказом от закрепившихся в конце 1930-х гг. оценок творчества историка и одновременно поиском модели изучения исторической концепции ученого, предлагаемой представителями разных научных школ при неременном условии – апелляции к архивным источникам. Нередко «живая память» и личный опыт представителей сообщества служили органическим дополнением «сухих» документальных свидетельств. В большей степени это относится к активности С.М. Дубровского. Вообще, как считают современные методологи, для корпоративной памяти ученого сообщества характерно отсутствие «разделения на производителей памяти и реципиентов – потенциально, и даже реально, любой член группы может создавать знание о прошлом своей корпорации»⁷¹⁵.

Немаловажное значение имело активное участие в этом процессе историков-авторов «антипокровского» сборника – М.В. Нечкиной, Е.А. Луцкого, А.Л. Сидорова и др. Что за этим участием стоит: искреннее

⁷¹² Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4 кн. М.: Мысль, 1965-1967.

⁷¹³ Соколов О.Д. «М.Н. Покровский и советская историческая наука» (1970), Нардин В.В. «Историческая концепция М.Н. Покровского» (1971).

⁷¹⁴ Говорков А.А. Проблема соотношения истории и современности в произведениях М.Н. Покровского советского периода // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского университета, 1965. С. 66 – 85; Он же. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976.

⁷¹⁵ Савельева И. «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка. Вып. 7. Омск, 2007. С. 63

раскаяние, желание таким образом преодолеть «травму» или стремление следовать идеологическому мейнстриму («в свете решений XX съезда»), остается открытым. В любом случае не следует идеализировать процесс «реабилитации» Покровского – границы «допустимого» устанавливались властью и проявлялись на этапе презентации научного знания ученому сообществу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшей специфической характеристикой функционирования системы советской исторической науки являлось существование в качестве отдельного элемента этой системы историографии как особой академической дисциплины. В рамках этой системы историография, выполняя свои специализированные функции, обладала достаточно высокой степенью дисциплинарной автономии с наличием таких атрибутов, как специализированные научно-исследовательские подразделения и отдельный статус в номенклатуре специальностей.

Вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг. отмечена «историографическим бумом» в советской исторической науке. В эти годы произошло оформление историографии как научной дисциплины, проявившаяся в формировании ее предметного поля, складывании исследовательского нарратива, институционализации научного сообщества и трансляция и закрепление образа историографии в учебном процессе. В своем оформлении историография прошла достаточно длительный путь. Нами были рассмотрены несколько аспектов этого процесса – институциональный, коммуникативный, предметный, коммеморативный.

Период 1920-х – начала 1940-х гг. в рамках дисциплинарной истории советской историографии следует рассматривать как период складывания предпосылок дальнейшего развития. В 1920-х – начале 1940-х гг. институции, занимающиеся производством/трансляцией историографического знания, были единичны, а их деятельность носила эпизодический характер. Поэтому в фокусе нашего исследования оказался историографический нарратив этого периода, создаваемый как представителями «старой» школы, так и историками-марксистами. Две исследовательские традиции достаточно неконфликтно сосуществовали недолго (конец 1910-х – 1920-е гг.) и являлись взаимоисключающими. Историки «старой» школы обращались к историографическим сюжетам как к

способу сохранения и трансляции корпоративной памяти об уходящей научной реальности.

Принципиально новый подход к историографии предложили представители марксистской науки. В эти годы складывается нарративная матрица дисциплины, которая будет устойчива, несмотря на определенную коррекцию, на протяжении всего советского периода. Основными чертами советского историографического нарратива являются классовый подход, и представление об экономической обусловленности исторических взглядов, и, как следствие, обезличенность текстов. Личность изучаемого историка, его мировоззренческие поиски зачастую оказывались на «задворках» историографического исследования в этот период. В исследованиях советских авторов историографический процесс изображался как поле идеологической битвы между «своими» и «чужими». Острота интеллектуального «сражения» не оставалась неизменной – она зависела от факторов политических, личностных, внутринаучных. В исторической науке одним из основных «врагов» были провозглашены представители «буржуазной науки», включающие и отечественных дореволюционных ученых, и историков-эмигрантов, и западных «буржуазных фальсификаторов». Сложилась традиция презентации научного знания критерием оценки и отправной, наивысшей, точкой развития которого рассматривалось марксистско-ленинское учение.

В исследовательской литературе начало «историографического бума» относят к концу 1950-х гг. Однако институциональное строительство историографии началось во второй половине 1940-х гг. и было связано с деятельностью комиссии по истории исторической науки (1946 – 1961 гг.). В работе данной структуры в диссертационном сочинении выделено два периода. В первый период, названный нами «период историографической мечты» (1946 – 1948 гг.), деятельность комиссии преимущественно сводилась к организации заседаний, на которых заслушивались историографические доклады, а также подготовке к изданию ряда трудов, в

частности, историографической серии «Научного наследия». Начавшиеся в 1948 г. идеологические кампании изменили вектор развития историографической комиссии. Заниматься историей исторической науки, с одной стороны, стало небезопасно – слишком велика вероятность стать мишенью для публичной критики со всеми вытекающими из этого последствиями. С другой стороны, отказаться от изучения этих сюжетов вовсе не представлялось возможным: в условиях «холодной войны» историографические тексты являлись формой презентации достижений советской исторической науки, в том числе в странах народной демократии. Для второго периода, «периода практической историографии» (1949 – 1961 гг.), характерно сужение направлений деятельности комиссии и изменение ее институциональной локации. Комиссия была переведена из Отделения истории и философии в Институт истории АН СССР. Главной целью институции стала подготовка и публикация «Очерков истории исторической науки в СССР».

Начавшееся после XX съезда КПСС «потепление» интеллектуального климата в СССР стимулировало развитие историографической дисциплины. Либерализация социально-культурной жизни, критика «культы личности», плюралистичность исследований, «открытие» архивов и др. благоприятствовали «историографическому буму». Был создан научный совет по проблеме «История исторической науки», провозглашенный «органом научной общественности» и призванный координировать историографические исследования историков. Среди исследователей распространено мнение, что совет был создан в 1958 г. Однако на основе архивных документов удалось установить, что данная институция появилась в хронологическом отрезке: июнь 1959 г. – февраль 1960 г.

Создание и деятельность историографических институций отражали как социальный заказ – властную инструментализацию истории отечественной науки, так и внутренние интенции развития науки.

В рамках науковедческого поворота 1960-х – 1970-х гг. обозначился интерес исследователей к вопросам, что есть научная дисциплина, под воздействием каких факторов она развивается и как соотносится с другими формами интеллектуального знания. Применительно к историографии эти аспекты были затронуты в ходе полемики об определении предметной области дисциплины. Эта дискуссия, носившая продолжительный (1960 – 1970-е гг.) и дискретный характер, имела важное значение в определении дисциплинарных границ историографии. Были обозначены основные подходы к пониманию историографии, сводившиеся по существу к трем определениям: 1) историография как история исторической науки; 2) историография как история исторической мысли; 3) историография как история знания. Также в эти годы наметились новации в понимании исследуемой дисциплины: поднимались вопросы о соотношении исторической мысли и исторического сознания и включении последнего в предметную область историографии. Таким образом, обозначилась тенденция к расширению «границ» дисциплины, реализовавшаяся в последующие десятилетия.

Одним из аспектов дисциплинарного развития историографии является формирование сообщества историографов. Это большая тема, бесспорно, требует специального изучения. В нашем исследовании эта проблема оказалась тесно связанной с институциональным обустройством дисциплины. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки, развернувшаяся в 1960 – 1962 гг. на страницах «Истории СССР», явилась отправной реперной точкой в складывании сообщества историографов. В ней приняли участие ведущие столичные и провинциальные специалисты академической и вузовской науки, представлявшие разные предметные поля. Это было первое в СССР публичное обсуждение в печати теоретических вопросов историографии. Дискуссия как форма интенсивной и напряженной коммуникации ученых способствовала расширению предметного поля историографии, которое не

сводилось к периодизации истории советской исторической науки. В рамках обозначенной проблемы в дискуссии были подняты вопросы факторов, влияющих на развитие советской исторической науки, соотношение проблемной историографии с логикой и хронологией движения науки в общем плане.

Особую роль в процессе оформления научного сообщества историографов сыграли организуемые научным советом коммуникативные площадки: конференции, «историографические среды», сборник «История и историки» и т.д. Обнаруженные нами и систематизированные архивные материалы в Научном архиве ИРИ РАН позволили более масштабно выявить коммуникативный потенциал «историографических сред» и их роль в дисциплинаризации историографии. Эта коммуникативная площадка обладала такими характерными чертами, как разнообразие в проблемном и жанровом планах обсуждаемых проблем, ориентация на междисциплинарность, универсальность формы, относительная регулярность и высокий профессиональный уровень организации, камерность атмосферы, что в совокупности, с одной стороны, оказывало точечное воздействие на складывание когнитивных ценностей, а с другой, способствовало их более глубокому усвоению представителями историографического сообщества – складывалась интеллектуальная сеть единомышленников, куда входили как историки России, так и всеобщники. Отметим и прогностическую деятельность научного совета, проявившуюся в анкетировании ученых, анализе реестра тематики исследований, составлении картотеки историографов.

Оформление дисциплины предполагает также складывание и репрезентацию пантеона классиков, формирование корпоративной памяти, которая выступает «социальным клеем» научного сообщества. На протяжении изучаемого периода неоднократно происходили изменения в пантеоне классиков. Интересны в этой связи зигзаги памяти о М.Н.

Покровском: «культивируемый» классик в 1920-е г., «низвергаемый» во второй половине 1930-х и «реабилитированный» в 1960-е гг.

Импульс научной реабилитации историка был дан сверху: на XX и XXII съездах КПСС звучали призывы пересмотреть роль историка в годы «культы личности». В обозначенный период наметился отказ от закрепившихся в историографии конца 1930-х гг. оценок творчества историка. Представители ученого сообщества предлагали разные модели изучения наследия историка, неизменным их атрибутом стала апелляция к архивным источникам, личным воспоминаниям. Границы «допустимого» в данном процессе определялись властью, что находило отражение в зигзагах презентации его наследия – повышенный интерес в начале 1960-х гг. и по существу свертывание 100-летнего юбилея историка в 1968 г. Однако отметим, что и на этом поле автоматического подчинения приказу «сверху» не произошло. Работы, посвященные творчеству М.Н. Покровского, продолжают выходить в 1970-е годы.

Тем не менее, историография как рефлексивная дисциплина на протяжении исследуемого периода закрепляла канон исследования, стержнем которого было марксистское понимание исторического процесса. Меняющийся образ науки в последней трети XX века задавал новые вызовы, провоцировал недоверие к устоявшемуся историографическому канону, прежде всего, методологическому монополизму. Начинается переформатирование и самого образа историографии, выразившееся прежде всего в интересе к проблематике профессионализма историка, интересе не только к готовому знанию, но и способам его получения, к интеллектуальному и социальному контексту эпохи. Заметим, что наработки в этой области уже были значительны к середине 1980-х годов, но налицо был разрыв между исследовательской эмпирией и теоретическим осмыслением предметного поля историографии и ее меняющихся функций в процессе развития исторической науки. Эта проблема требует специального исследования, как и проблема угасания и взлетов интереса к историографии в

исторической ретроспективе. Она, как явствует, не сводима лишь к политическому давлению извне.

Изучение дисциплинарной истории историографии актуально и для современного этапа, когда происходит невероятное расширение ее предметного поля и реформатирование самой дисциплины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН)

Ф. 1. "Институт истории АН СССР". Оп. 1. Д. 676, 768, 770, 1383, 1520, 1741, 1859, 2095, 2311, 2412, 2509а; Оп.1а. Д. 1; Оп. 10а. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 19, 19а, 20, 26, 27, 36, 37, 38, 47, 64, 68.

Ф. 52 "Коллекция материалов Б.Г. Вебера". Оп. 1. Д. 25.

Архив Российской академии наук (РАН)

Ф. 2. "Секретариат Президиума Российской академии наук". Оп. 6а. Д. 160.

Ф. 457. "Отделение истории Российской академии наук". Оп.1. Д. 58, 205, 336, 751, 759.

Ф. 1577. "Институт истории Российской академии наук". Оп. 2. Д. 268, 408; Оп. 5. Д. 63.

Ф. 693 "М.Н. Тихомиров". Оп. 3. Д. 16; Оп.4. Д. 360; Оп. 6. Д.2.

Ф. 1759. "М.Н. Покровский". Оп. 5. Д. 63.

Ф. 1820. "М.В. Нечкина". Оп.1. Д. 368, 369.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

Ф. 521. "Н.Л. Рубинштейн". Карт. 5. Ед. хр. 6.

Ф. 632. "А.Л. Сидоров". Карт. 75. Ед. хр. 1, 4; Карт. 80. Ед. хр. 3; Карт.85. Ед. хр. 9.

Ф. 797. "С.М. Дубровский". Карт.4. Ед. хр. 2; Карт. 12. Ед. хр. 13.

Ф. 879. "В.А. Дунаевский". Карт. 2. Ед. хр. 8.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Ф. 3731. "Л.А. Дербов". Оп.1. Д. 56, 83, 98; Оп.3. Д. 197.

**Отдел рукописей Российской национальной
библиотеки (ОР РНБ)**

Ф. 595. "С.Ф. Платонов". Оп.1. Д. 650.

**Российский архив социально-политической
истории (РГАСПИ)**

Ф. 606. "Академия общественных наук". Оп. 1. Д. 715, 717, 725, 728, 730, 732,
742, 744.

**Российский государственный архив литературы и
искусства (РГАЛИ)**

Ф. 406. "Платонов С.Ф.". Оп. 1. Д. 3.

**Государственный центральный музей современной
истории России (ГЦМСИР)**

Ф. 1. "Музей революции СССР ". Оп.1. Д. 1142.

Опубликованные источники

Научные труды

1. Алексеева Г.Д. Возникновение советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 92 – 105.
2. Афанасьев О.А. О задачах и предмете историографии // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 212 – 214.
3. В.И. Невский // История СССР. 1967. № 1. С.105 – 110.

4. Вайнштейн О.Л. Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.-Л.: СОЦЭКИЗ, 1940.
5. Вопросы истории отечественной науки. Общее Собрание Академии Наук СССР, посвященное истории отечественной науки. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.
6. Вотинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 126 – 135.
7. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964.
8. Говорков А.А. М.Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976.
9. Говорков А.А. Проблема соотношения истории и современности в произведениях М.Н. Покровского советского периода // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского университета, 1965. С. 66 – 85.
10. Голубцов С.А. Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911 – 12 мая – 1921) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 178 – 202.
11. Городецкий Е. Н. В. И. Ленин – основоположник советской исторической науки. М.: Наука, 1970.
12. Городецкий Е.Н. К характеристике историографии Великой Октябрьской Социалистической революции (1917 – 1934) // История СССР. 1960. № 6. С. 85 – 98.
13. Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 44 – 81.
14. Гуковский А.И. Как создавалась «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского (К 100-летию со дня рождения М.Н. Покровского) // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 122 – 132; № 9. С. 130 – 142.

15. Дербов Л.А., Калистратов Н.П., Беспалова О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 22 – 36.
16. Дубровский С.М. Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 3 – 31.
17. Дунаевский В.А. Научный совет по проблеме «История исторической науки» и некоторые вопросы преподавания историографии на современном этапе // Изучение и преподавание историографии в высшей школе: межвузовский тематический сборник. Калининград, 1981. С. 7 – 18.
18. Дунаевский В.А., Неупокоев В.И. В. И. Ленин и историческая наука (Всесоюзная научная сессия в Киеве) // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 9. С. 97 – 101.
19. Зандберг Д. Немецкие историки на службе германского империализма // Вопросы истории. 1948. № 11 . С. 92 – 104.
20. Зильберфарб И.И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. 556 с.
21. Иллерицкий В.Е. Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917 – 1960-е гг.). М.: РГГУ, 2006.
22. Инкин В.Ф., Черных А.Г. О первом этапе советской исторической науки // История СССР. 1960. № 5. С. 75 – 84.
23. История исторической науки в СССР, советский период, октябрь 1917–1967 гг.: библиография. М.: Наука, 1980.
24. К столетию революции 1848 года: сб. статей. М.: МГУ, 1948.
25. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 – 1926) / Вступительная статья, перевод, комментарий В.П.Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136 – 154.
26. Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 112 – 131.

27. Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и пред. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1927// Современные записки. Париж. 1931. №46. С. 514 – 520.
28. Киреева Р. О работе комиссии по истории исторической науки в СССР // История СССР. 1959. № 3. С. 228 – 231.
29. Киселев С.В. (некролог) // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 203.
30. Королева Н.А. В Комиссии по истории исторической науки при Институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 202 – 207.
31. Лось Ф.Е. К вопросу о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. №4. С. 146 – 149.
32. Луцкий Е.А. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки // История СССР. 1961. №2. С. 102–105.
33. Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки: историография истории СССР. М. 1965. С. 334 – 370.
34. Минц И.И. Ленин и развитие советской исторической науки // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 3 – 15.
35. Михайлова Н.М. М.С. Ольминский об источниках по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции // История и историки: историографический ежегодник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 212 – 237.
36. Найденов М.Е. М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 48 – 71.
37. Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1. С. 81– 96.
38. Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л. Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 58 – 70.
39. Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1930. Т.2. С. 217 – 350.

40. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества». М.: Наука, 1974.
41. Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе // Красная Новь. 1923. № 5. С. 174 – 203.
42. Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934-1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. Т.118. М.: Наука, 1990. С. 232 – 246.
43. Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: сб. стат. М., 1965. С. 6 – 26.
44. Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. №2. С. 57 – 78.
45. Нечкина М.В. О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 77– 91.
46. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922.
47. Никифоров Е.А. Теоретические проблемы историографии в Научном совете по проблеме «История исторической науки» // История СССР. 1978. № 4. С. 208 – 211.
48. Обсуждение «Очерков истории исторической науки в СССР» // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 188 – 194.
49. Обсуждение статьи акад. М.В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки» в Ленинградском отделении Института истории АН СССР // История СССР. 1960. №4. С. 149 – 151.
50. Обсуждение статьи С.М. Дубровского «Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки» // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 31 – 40.
51. Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 164 – 180.

52. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
53. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
54. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
55. Очерки истории исторической науки. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1966.
56. Очерки истории исторической науки. Т. V. М.: Наука, 1985.
57. П.Н. Третьяков (некролог) // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 216.
58. Пионтковский С. А. Борьба М.Н. Покровского с российской буржуазной историографией // Историк-марксист. 1932. № 6. С. 85 – 99.
59. Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 21 – 26.
60. Пионтковский С. А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18-19. С. 157 – 171.
61. Пионтковский С. А. Историография крестьянских войн // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 80 – 119.
62. Пионтковский С. А. Что читать по истории России. М., 1931.
63. Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.
64. Платонов С.Ф. Н.М. Карамзин: Речь, произнес в собр. 18 июля 1911 г., по случаю открытия памятника Н.М. Карамзину в с. Остафьево. СПб., 1911.
65. Платонов С.Ф. К.Н. Бестужев-Рюмин // Русский исторический журнал. Кн.8. 1922. С. 225 – 228.
66. Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3 – 17.
67. Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, прочитанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3 – 7 мая 1923. Петроград: Прибой, 1923.

68. Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4 кн. М.: Мысль, 1965 – 1967.
69. Покровский М.Н. Н.А. Рожков // Историк-марксист. 1927. № . 4. С. 179 – 186.
70. Покровский М.Н. О пятом томе «Истории» Ключевского // Историческая наука и борьба классов. М.; Л.: СОЦЭКИЗ, 1933. Вып. 2. С. 54 – 58.
71. Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 82 – 96.
72. Пресняков А.Е. Н.К. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 166 – 172.
73. Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 97 – 111.
74. Пресняков, А. Е. В. О. Ключевский (1911– 1921) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 203 – 224.
75. Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского. Ч. 2. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
76. Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч.1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
77. Пушкарёв Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102 – 108.
78. Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. Кн.6. 1920. С. 181 – 188.
79. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941.
80. Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. Том I. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1927.
81. Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. Том II. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.
82. С.В. Киселев (некролог) // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 203.

83. Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М.: МГУ, 1976. С. 5 – 59.
84. Сахаров А.М. О построении и содержании курса историографии истории СССР // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 42 – 54.
85. Сахаров А.М. О предмете историографического исследования // История СССР. 1974. № 3. С. 90 – 112.
86. Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 18 – 28.
87. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. В 2 Т. М., 1962 – 1963.
88. Соколов О.Д. В.И. Ленин и формирование большевистских взглядов М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 30 – 41.
89. Соколов О.Д. Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. №4. С.69 – 79.
90. Степанов Н.Н. Этапы советской исторической науки // История СССР. 1960. №3. С. 156 – 157.
91. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки (1917 – 1936) // История СССР. 1960. №3. С. 149 – 155.
92. Тураев Б.А. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927 (Труды Комиссии по истории знаний).
93. Тхоржевский С. И. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 152 – 179.
94. Чесноков В.И. Борьба В.И. Невского за марксизма // Вопросы философии. 1965. № 9. С. 132 – 140.
95. Чесноков В.И. В.И. Невский как историк русского революционного движения // История и историки. М.: Наука, 1965. С. 371 – 396.

96. Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938 – 1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. Т. 13. № 3. С. 27 – 43.
97. Шапиро А.Л. Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. №3. С. 81 – 88.
98. Шмидт С.О. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1962. №1. С. 94 – 104
99. Шмидт С.О., Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С., Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 59 – 87.
100. Яцунский В.К. В.И. Ленин как историк-экономист // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т.4. №2 . С. 20 – 39.
101. Becker C. What is Historiography? // The American Historical Review, Vol. 44, Issue 1, October 1938. P. 20–28
102. Gapanovich I.I. Russian historiography. Outside Russia. Priping, 1935.

Источники личного происхождения

103. «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013.
104. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
105. Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.
106. Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3 – 6; 2000. № 1 – 6; 2001. № 1.
107. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881 – 1914. М.: Искусство, 1997.
108. Некрич А.М. Отрешись от страха: воспоминания историка. Лондон; Overseas Publications Interchangelto, 1979.
109. Письмо Камилла Блока // Вопросы истории. 1946, № 2 – 3. С.158.
110. Поляков Ю.А. Минувшее: Фрагменты: Воспоминания историка. М.: ИРИ РАН. М.: Наука, 2011.

111. Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118 – 138.
112. Тартаковский Б.Г. Все это было...: воспоминания об исчезающем поколении. М.: АИРО-XX, 2005.
113. Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов: ООО «Волжское книжное издательство», 2006.
114. Урсу Д.Н. Университет длиною в жизнь. Путь историка. Одесса: Бондаренко М.А., 2016.

Делопроизводственная документация

115. Комиссия по истории знаний. 1921 – 1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. документов. СПб.: Наука, 2003.
116. Отчет о деятельности Академии наук за 1926 г., составленный Непременным секретарем академиком С.Ф.Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1927 г. Часть I: Общий отчет. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
117. Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 г. М.; Л.: Наука, 1944.
118. Судьба проекта «Русская наука» 1916-1920 (К столетию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы. СПб.; М.: Перо, 2016.

Учебная литература

119. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Т. 1. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1959.
120. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Т. 2. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1962.
121. Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1960-х годов): уч. пос. М.: б.и., 1982;
122. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М.: Высшая школа, 1974.

123. Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / Под ред. И.И. Минца. М.: Высшая школа, 1982.
124. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М.: Высшая школа, 1961.
125. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки: уч. пос. / Отв. ред. И. С. Галкин. М.: МГУ, 1968.
126. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. - середина XIX в.: лекции / Под ред. С.Д. Сказкина М.: МГУ, 1963.
127. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: уч. пос. М.: МГУ, 1978.
128. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. М.: МГУ, 1957.
129. Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: курс лекций. Л.: ЛГУ, 1962.

Материалы партийных органов

130. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза от 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128 – 170.
131. Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945 – 1953. М.: Материк, 2005.
132. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47 – 86; № 3. С. 82 – 112.
133. XX съезд КПСС, 14 – 25 февраля 1956. Стенографический отчет. В 2 т. М.: Государственной изд-во политической литературы, 1956.
134. XXII съезд КПСС, 17 – 31 октября 1961. Стенографический отчет. В 3 т. М.: Государственной изд-во политической литературы, 1962.

Хроника

135. Хроника // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 1.

136. Хроника // Известия Академии наук. Серия истории и философии. 1947. Т.4. № 2.
137. 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни, 1917 – 1967. М.: Наука, 1971.
138. В Отделении истории и философии Академии Наук СССР. Сессия по истории исторической науки. Хроника // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т.4. № 2. С. 196.
139. Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г. Т.1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
140. Хроника // // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 10-11.

Периодическая печать

141. Возрождение. 1928. 3 июля.
142. Правда. 1936. 27 января; 1958. 31 августа; 1962. 4 февраля.

Справочные издания

143. Чернобаев А.А. Историки России. XX века: Биобиблиографический словарь. Т.1-2. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005.

Научно-исследовательская литература

1. «История в человеке». Академик М.В. Нечкина. Документальная монография. М.: РГГУ, 2011.
2. А.М. Деборин (1881 – 1963). М.: Наука, 2013.
3. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова; СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1–2.
4. Алеврас Н. Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. Вып. 11. С. 100 – 121.

5. Алеврас Н. Н. Предмет историографии: версии современной науки // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI -XX вв.* Екатеринбург, 2010. № 7. С. 173-190;
6. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е гг. XX века). М.: ИРИ РАН, 2003.
7. Ананьич Б.В., Панях В.М. Следствие в Москве по «академическому делу» 1929 – 1931 // *Русский исторический журнал.* 1999. Т. II. № 3. С. 93 – 112.
8. Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // *Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина.* СПб., 2018. С. 560 – 564.
9. Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // *Вопросы истории.* 1994. № 7. С. 34 – 48.
10. Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // *История и историки: историографический ежегодник.* 1995. М.: Наука, 1995. С. 185 – 199.
11. Базанов М.А. Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2019. № 1. С. 39 – 48.
12. Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А.Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевского // *Вестник Челябинского государственного университета. История.* 2011. Вып. 47. С. 26 – 37.
13. Блинов Н.В. Советская историография // *Вопросы истории.* 1998. № 2. С. 156 – 159.
14. Богомолов Ю. Оттепель надежды нашей // *Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий.* М.: Рутения, 2018. С. 14 – 40.

15. Бон Т. М. Русская историческая наука (1881 г. - 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа СПб.: Олеариус Пресс, 2005.
16. Брачев В. С. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120 – 127.
17. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
18. Бухарин М.Д., Карпюк С.Г. Институт всеобщей истории АН СССР в эпоху перемен // Вестник Российской академии наук. Т. 90. 2020. № 7. С. 647 – 652.
19. Бухарин М.Д., Карпюк С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1162 – 1168.
20. Бухерт В. Г. «При рассмотрении дела ни в чём себя виновным не признал». С. М. Дубровский в 1936–1954 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 228–240.
21. Бухерт В.Г. «В целом труд С.М. Дубровского представляет несомненный интерес». Неизданная монография С.М. Дубровского о М.Н. Покровском. 1968 – 1969 // Исторический архив. 2018. № 3. С. 113 – 116.
22. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учебное пособие. Омск, 2001.
23. В.А. Дунаевский Ученый, педагог, солдат. К 80-летию со дня рождения. М.: Изд-во РУДН, 2000.
24. Вандалковская М.Г., Дунаевский В.А. Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Милица Васильевна Нечкина / Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории вып.17. М.: Наука, 1987.

25. Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в Российском провинциальном вузе. Сергей Васильевич Фрязинов (1891 – 1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011, № 36. С. 377 – 402.
26. Генис А. Долгое поколение // Вайль П. 60-е. Мир советского человека. М., 2014. С. 7 – 12.
27. Герасименко Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 654 – 664.
28. Гиндилис Н.Л. Из истории советского науковедения: 70-е годы // Науковедческие исследования. 2012. М., 2012. С. 161 – 215.
29. Гиндилис Н.Л. Науковедение глазами его создателей // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 149 – 159.
30. Гиндилис Н.Л. Становление науковедения в СССР (середина 1960-х гг.) // Науковедческие исследования. 2011. М., 2011. С. 217 – 272.
31. Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М.: ИРИ РАН, 1999.
32. Гринина И.Р., Илизаров С.С. 40 лет археографической серии «Научное наследство» // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 3 – 18.
33. Груздинская В. С., Корзун В. П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 283 – 294.
34. Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки институциональной структуры советской исторической науки 1920 – 1930-х гг.: монография. Омск: Издательский центр КАН, 2018. С. 10 – 44.
35. Данилова Л.В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966 – 1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44 – 80; 2008. № 1. С. 61 – 95; 2008. № 2. С. 44 – 83

36. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930 – 1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017.
37. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского ун-та, 2005.
38. Дубровский А.М. Стенограмма: основные итоги работы с источником // Актуальные проблемы источниковедения материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 2017. С. 36 – 38.
39. Дунаевский В.А. Борис Георгиевич Вебер (1902 – 1984) // История и историки. Историографический ежегодник. 1982 – 1983. М.: Наука, 1987. С. 284 – 292.
40. Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 347 – 360.
41. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987.
42. Илизаров С.С. Историк науки Т. И. Райнов – ученик А. С. Лаппо-Данилевского // Академик А.С. Лаппо – Данилевский в памяти научного сообщества: сб. ст. СПб., 2019. С. 394 – 411
43. Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И., Репинецкая Ю.С. Теория и методология исторической науки: из истории ее зарождения и становления. Попытка лапидарного освещения сложной научной проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т.1. 2019. № 3. С. 83 – 89.
44. Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 98 – 114.
45. Историк и время. 20 – 50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН, 2000.

46. Историческая наука в России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997.
47. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск: ТГУ, 008.
48. Источниковедение: учеб. пос. М.: ВШЭ, 2019.
49. Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
50. Каганович Б. С. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124 – 144.
51. Калимонов И.К. Б.Г. Могильницкий как историк отечественной и зарубежной исторической мысли // Clio Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. 2009. № 7. С. 43 – 60.
52. Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 1. С. 136 – 151.
53. Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дисс....канд. ист. наук. Омск, 2006.
54. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983.
55. Киреева Р.А. М. А. Алпатов и «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1955-1985. Т. I-V) // История и историки: Историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 326 – 332.
56. Кирсанова Е.С. Вклад Б.Г. Могильницкого в развитие томской историографической школы (к 90-летию Б.Г. Могильницкого) // Вестник Томского университета. История. 2020. № 64. С. 122 – 126.
57. Ключев А.И., Метель О.В. «Место такому институту, естественно, в Коммунистической академии». Как был ликвидирован Институт истории РАНИОН. 1929 г. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 89 – 99.

58. Кныш Н.В. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.
59. Ковалев М.В. «С большой признательностью вспоминаю о встречах с Вами...»: Письма Г.Д. Бурдея академику Л.В. Черепнину (1972–1975) // Историографический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 2010. Вып. 24. С. 161–166.
60. Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» // Новые исторические перспективы. 2016. № 1. С. 78 – 88.
61. Ковпак Д.А. Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 274 – 295.
62. Кожокин Е.М. О значении неполитического лидерства, или Михаил Гэфтер // Труд и социальные отношения. 2014. № 2. С. 3 – 13.
63. Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
64. Кольцов А. В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53 – 66.
65. Комочев Н.А., Мельников А.В., Тихонов В.В. «Не сердитесь за неаккуратность в письмах»: письма М.Н. Тихомирова к А.П. Пронштейну. 1949 – 1964 гг. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 124 – 143.
66. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII- XXI вв.: сб. статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290 – 302.
67. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; Омск: Изд-во Омского ун-та, 2000.
68. Корзун В.П. Современные представления о предмете историографии // Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: уч. пос. Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. С. 9 – 35/

69. Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24 – 44.
70. Крих С.Б. «Периферийная» советская наука о древности. М.: НЛО, 2020.
71. Крих С.Б. Дискуссия как средство коммуникации в советской историографии древности // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры 18-21 веков: сб. статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 345–352.
72. Крих С.Б. Н. М. Никольский и рождение периферийной советской историографии древности // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 4. С. 17 –22.
73. Крих С.Б. Стратегия периферии: научное творчество М. Е. Сергеевко в контексте развития советской историографии древности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 186 – 196.
74. Крих С.Б. Унификация историографического нарратива как исследовательская проблема // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 124 – 138.
75. Крих С.Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164 – 169.
76. Крих С.Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 214 – 222.
77. Кузнецова Н.И. В.И. Вернадский как историк науки: методологические находки и парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 92 – 111.
78. Курносоев А.А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960-1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363 – 389.
79. Курпатов Е.В., Чернобаев А.А. Как "Записки декабриста Лорера" поссорили М. Н. Покровского и М. В. Нечкину: Февраль – март 1932 г. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 38 – 53.

80. Курпатова Е.Р. «Дневники академика М.В. Нечкиной» как исторический источник // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 136 – 142.
81. Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2005. С. 102 – 126.
82. Леонтьева О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского/советского общества: современные подходы к изучению // Профессиональная историографии и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе. М.: Аквилон, 2017. С. 123 – 144.
83. Литвин А.Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань: Татарское книжное изд-во, 1994.
84. Лубский А.В. Институциональный подход // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 133 – 135.
85. Мазур Л.Н. Кейс-стади // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 211 – 212.
86. Мамонтова М.А. «Историография Киевской Руси»: лекция Б.Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 457 – 471.
87. Мамонтова М.А. Как "русский ученый" вытеснил "русского полководца": изменение тематики исторических исследований в СССР в первое послевоенное десятилетие (по материалам «Ежегодника книги СССР») // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3-1. С. 195 – 203.
88. Мандрик М.В. К вопросу о последствиях борьбы с космополитизмом в советской историографии конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Український історичний збірник. 2009. № 12. С. 225 – 232.

89. Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. VII-СXXXIV.
90. Матвеев С.Р. Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации // Общественные науки и современность. 2014. № 6.
91. Медушевская О.М. Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 234 – 235.
92. Мезин С.А. Историк и его книги (памяти Леонарда Адамовича Дербова) // Историографический сборник. Вып. 17. Саратов: Изд-во СГУ, 1998. С. 15 –31.
93. Мохначева М.П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7. С. 27 – 29.
94. Муравьев В.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228 – 233.
95. Неретина С. С. История с методологией, или Конец истории // Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120–161. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/2188> (дата обращения: 25.04.2020).
96. Неретина С.С. Онтология памяти. К 100-летию М.Я. Гефтера // VOX. Философский журнал. 2018. № 24. С. 50 – 66.
97. Николаева И.Ю. Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 5 –14.
98. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
99. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

100. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12–59
101. Очерки истории исторической науки XX века: Монография. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005.
102. Павленко Н. И. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. № 11. С. 26 – 30.
103. Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. «Штатов – избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Отечественная история. 2020. № 3. С. 173 – 184.
104. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019.
105. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Бондаренко М.А., 2007.
106. Попова Т.Н. Пути и перепутья в историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. Вып. 11. С. 122 – 157.
107. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М.: Аквилон, 2020.
108. Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки. Саратов: Издат. центр СГЭА, 1995.
109. Репина Л.П. "Историографическая революция " и теоретические поиски на рубеже веков // ЭНОЖ «История». 2013. № 2. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1> (дата обращения: 06.09.2020).
110. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практики. М.: Кругъ, 2011.
111. Репина Л.П. Память истории и исторического сознание в фокусе категориального анализа М.А. Барга // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2015. Вып. 14. С. 5 – 16.

112. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы и перспективы. М.: Изд-во ЛКИ, 2012.
113. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: уч. пособие. М.: Дрофа, 2008.
114. Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. № 9. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/> (дата обращения: 06.09.2020).
115. Репрессированная наука: сб. статей. Л.: Наука, 1991.
116. Ростовцев Е.А. Юбилеи и памятные даты А. С. Лаппо-Данилевского // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 4. С. 207 – 218.
117. Рохас К. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008.
118. Савельева И. «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка. Вып. 7. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2011. С. 63 – 80.
119. Свак Д. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019.
120. Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX–начала XX в. // Мир историка: историографический сборник. Вып.1. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005. С. 228–259.
121. Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86 – 112.
122. Свешникова О.С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир историка: историографический сборник. Вып.3. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2007. С. 157 – 168.
123. Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии 1920-х годов: дис... д-ра ист. наук. М., 1998.

124. Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные проблемы историографии на страницах научной периодики России первой половины 1920-х годов // История и историки. 2001. Историографический вестник. М.: Наука, 2001. С. 11 – 40.
125. Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50–60-х гг. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 401–409.
126. Сидорова Л.А. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129 – 138.
127. Сидорова Л.А. Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-2. С. 288 – 297.
128. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. М.: ИРИ РАН, 1997.
129. Сидорова Л.А. Советская историческая наука в лицах: академик М.В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С.158 – 169.
130. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М.: ИРИ РАН, 2008.
131. Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуальные черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 208 – 222.
132. Смагина Г.И. «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания Комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. Т.7. 2016. № 1. С.9 – 22.
133. Советская историография. М.: РГГУ, 1996.
134. Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: монография. Н. Новгород: Пламя, 2011.
135. Соломаха Е.Н. Постановка теоретико-методологических вопросов историографического исследования в 50 – 90-е гг. XX в. // Клио. 2014. № 7. С. 12 – 17.

136. Степанов М.Г. Феномен советской историографии в современных исторических исследованиях // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 196 – 202.
137. Степанский А.Д. Отечественная археографическая мысль середины 1950-х – 1960-х гг. и ее ведущие представители // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8. С. 54 – 89.
138. Тихонов В.В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // Исторические исследования. 2013. № 2. С. 1 – 28.
139. Тихонов В.В. Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров и И.И. Минц (1949) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76 – 80.
140. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М., СПб.: Нестор-История, 2016.
141. Тихонов В.В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 256 – 265.
142. Тихонов В.В. Комиссия по истории исторической науки Академии наук СССР и развитие историографических исследований в середине 1940-х – начале 1950-х годов // Исторические записки. 2016. № 16. С. 327 – 344;
143. Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Историческая наука сегодня: Теория, методы и перспективы. М.: URSS, 2012.
144. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х-середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С. 323-37.

145. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полторак, 2013.
146. Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII-XX вв.) Материалы второй всероссийской научной конференции. Т. II. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск: Российский институт культурологии, 1995. С. 164 – 165.
147. Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921 – 1923 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. док. СПб.: Наука, 2003. С. 637 – 659.
148. Уваров А.Ю., Курилла И.И., Тихонов В.В., Дурновцев В.И., Соколов А.Б. Диалог о книге: «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» // Российская история. 2013. № 1. С. 3–32.
149. Урсу Д.П. Историография как точная наука // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2010. Вип. 10. С. 99 – 125.
150. Цамутали А.Н. Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001.
151. Черная Е. Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки : дисс.канд. ист. наук. Новосибирск, 2014
152. Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке // История и историки. 2004. Историографический вестник. М.: Наука, 2005. С. 186 – 207.
153. Шевелева П.В. Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М.В. Нечкиной) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2008. С. 76 – 119.
154. Шмидт С. О. Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М.: Наука, 1999. С. 202 – 227.
155. Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012.

156. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.
157. Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения Истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги: дис... канд. ист. наук. Иваново, 2009.
158. Ярославцев Я.А. Милица Нечкина: литературно-психологический очерк. М.: Новый хронограф, 2010.
159. Markwick R. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–74. New York, 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

АРАН – Архив Российской академии наук

ГАСО – Государственный архив Саратовской области

ГЦМСИР – Государственный центральный музей современной истории

КИЗ – Комиссия по истории знаний

КИАН – Комиссия по истории Академии наук

НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории
Российской академии наук

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской
государственной библиотеки

МГУ – Московский государственный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН СССР

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной
библиотеки

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов
общественных наук

РГАЛИ – Российский государственный архив истории литературы и
искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории

СГУ – Саратовский государственный университет

Институциональная карта дисциплины

